

Владислав КРАПИВИН

В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА

Трилогия

1. Далекие горнисты
2. В ночь большого прилива
3. Вечный жемчуг

Пушкинская библиотека, АСТ, 2004 год

Тираж: 7000 экз.

ISBN: 5-94643-202-8, 5-17-026005-9

Страниц: 272

От издателя

Владислав Крапивин - известный писатель, автор замечательных книг "Оруженосец Кашка", "Мальчик со шпагой", "Мушкетер и фея" и многих других.

Эта книга о путешествии в детство и одновременно в другой мир, об удивительных приключениях и настоящей мальчишеской дружбе.

ДАЛЕКИЕ ГОРНИСТЫ

Это просто сон. Я расскажу его точно, как видел. Ни до этого раза, ни потом не снились мне такие подробные и яркие сны. Все помню так отчетливо. Помню, как трогал старые перила в лунном доме и рука ощущала теплое дерево: волнистые прожилки и крепкие затылочки сучков, отшлифованных многими ладонями. Помню, как пружинили доски деревянного тротуара, когда на них качался Братик. Помню, какой большой и выпуклой была тогда луна...

Я видел, что мне одиннадцать лет и я приехал на каникулы к дяде в Северо-Подольск. Не знаю, есть ли на свете такой город. Если и есть, то не тот и не такой. А дядя и правду есть, но живет он в Тюмени. Впрочем, это неважно, в рассказе он все равно не участвует.

Сон мой начинался так: будто я проснулся в дядином доме, в пустой деревянной комнате, звонкой, как внутренность гитары. И понял, что пришло хорошее утро.

Утро и в самом деле было славное. Весело ссорились воробьи, и чириканье их громко отдавалось в комнате.

Часто вскрикивали автомобили. В большом городе такого не услышишь.

Я и раньше знал, что дядин дом стоит у крепостного холма, но не думал, что так близко. Окно смотрело прямо в заросший откос. Он был щедро усыпан цветами одуванчиков. Неба я не видел, но одуванчики горели так ярко, что было ясно: солнце светит вовсю.

Я машинально потянулся за одеждой. На спинке скрипучего стула оказались старенькие синие шорты и клетчатая рубашка. Я таких у себя не помнил, но было все равно. Оделся. Заметил, что рубашка чуть маловата и одна пуговица болтается на длинной нитке.

Потом я распахнул окно. Зеленый с желтой россыпью откос как бы качнулся мне навстречу. Я встал на подоконник и прыгнул в утро, полное травы и солнца.

Я стал подниматься по холму к развалинам белых башен. Солнце сразу взялось за меня. Даже сквозь рубашку я чувствовал его горячие ладони. Старенькие кеды скользили по траве, и я немного устал. Вытянул руки и лег лицом в желтые одуванчики. Они были мягкие и пушистые. Вы замечали, что у них даже запах какой-то пушистый? Запах летнего утра. Пахло еще травой и землей, но этот пушистый запах был сильнее.

Лежал я недолго. Солнце слишком припекало спину, я вскочил и одним броском добрался до остатков крепости.

Только снизу они казались белыми. Здесь камень был светло-серый, с рыжими подпалинами какого-то лишайника.

Стены почти все были разрушены. Уцелевшими выглядели только две остроконечные шатровые башни. Совсем такие, как рисуют в книжках с русскими сказками. А еще на холме был высокий собор с заколоченным крест-накрест входом, полуразрушенная часовенка и низкий каменный дом. Тоже пустой.

И тихо-тихо. Ни кузнечиков, ни воробьев.

Я оглянулся на город. Увидел коричневое железо крыш, темную зелень тополей, электричку, бегущую по желтой насыпи, два подъемных крана... Там все было так, как нужно. А здесь было не так. Я оказался как бы на острове.

У разрушенной стены валялась чугунная пушка с выпуклым двуглавым орлом на черной спине. Чугун был теплый и шероховатый, весь в оспинках. Я поглядел на уснувшую пушку, перелез через камни и вошел в густую траву. Хорошо помню это ласковое ощущение детства: идешь по высокой траве, раздвигая её коленками, и метелки травы мягко щекочат кожу.

Мне хотелось найти старинную монету или обломок меча, но кругом были трава и камни. Тогда я пошел к башне. Низко, за травой, темнел полукруглый вход.

Я сделал несколько шагов – пять или шесть – и ничего не случилось, но, как мягкий толчок, меня остановило предчувствие тайны. Тайны или приключения. Так бывает и во сне, и наяву: возникает ожидание чего-то необычного. Во сне это чувствуешь резче.

Я остановился и стал ждать. И тут появились эти двое.

Впрочем, не было в них ничего странного. Просто двое мальчишек. Пригнувшись, они вынырнули из похожего на туннель входа и пошли мне навстречу.

Одному было лет одиннадцать, как мне, другому поменьше – наверное, лет восемь.

Старшего я не сумею описать точно. Знаю только, что он был темноглазый, тонкоплечий, с темной, косо срезанной челкой. Черты лица почти забылись, но выражение, сосредоточенное и сдержанно-грустное, я помню очень хорошо. И запомнилась еще такая мелочь: пуговицы на темной его рубашке шли наискосок, словно через плечо была переброшена тонкая блестящая цепочка.

Потом, когда мы узнали друг друга, я называл его по имени. Имя было короткое и звучное. Я забыл его и не могу придумать теперь ничего похожего. Я буду называть его Валеркой: он похож на одного знакомого Валерку. Но это потом. А сначала он был для меня просто Мальчик, немного непонятный и печальный.

Младшего я помню лучше. Это странно, потому что он был все время как-то позади, за старшим братом. И не о нем, в общем-то, главная речь. Но я запомнил его до мелочей. Ясноглазый такой, с отросшим светлым чубчиком, который на лбу распадался на отдельные прядки. Он был в сильно выцветших вельветовых штанишках с оттопыренными карманами и в светло-зеленой, в мелкую клетку, рубашке. Помятая рубашка смешно разъехалась на животе, и, как василек, голубел клочок майки.

У него были темные от въевшейся пыли колени и стоптанные сандалии. На левой сандалие спереди разошелся шов; получилась щель, похожая на полуоткрытый рыбий рот. Из этого "рта" забавно торчала сухая травинка.

На переносице у малыша сидели две или три крапинки-веснушки, а на подбородке темнела длинная царапина. Она была уже старая, распавшаяся на коричневые точки.

Верхняя губа у него была все время чуть приподнята. Казалось, что малыш хочет что-то спросить и не решается.

Конечно, разглядел я все это позже. А пока мы сходились в шелестящей высокой траве, молча и выжидательно поглядывая друг на друга. Я опять ощутил оторванность от мира. Будто я не в середине города, а в незнакомом пустом поле, и навстречу идут люди неведомой страны. Почти сразу это прошло, но ожидание таинственных событий осталось.

Вдали протяжно затрубил тепловоз. Оба они обернулись. Младший быстро и порывисто, старший как-то нехотя.

– Ничего там нет, – громко сказал Мальчик.

Я подумал, что они говорят про башню, где недавно был. Видимо, это были "исследователи" вроде меня.

– Что вы ищете? – спросил я.

– Следы, – сказал Мальчик.

Малыш встал на цыпочки и что-то зашептал ему в ухо. Мальчик улыбнулся чуть-чуть и молча взъерошил малышу затылок. Тот смущенно вздохнул и смешно сморщил переносицу. "Братик", – подумал я. И с той минуты всегда звал его про себя Братиком. Может быть, это звучит сентиментально, однако другого имени я ему не найду. Был у Мальчика не просто младший братишка, а именно братик – ласковый и преданный.

Но вернемся к разговору. Мальчик сказал про следы.

– Чьи следы?

– Времени, – спокойно ответил он.

– Ничего нет, – понимающе сказал я. – Никаких монет, никакого ржавого обрывочка кольчуги не найдешь. Только пушка. Но её не утащишь для коллекции.

– Пушка – это не то, – сказал он рассеянно. И спросил, как бы

спохватившись: – А камней с буквами не видел?

– Нет.

– Значит, никто не знает, где мы, – сказал он почти шепотом и опустил голову. – Иначе они вырубili бы на камнях какой-нибудь знак. Такой, что не стерся бы... Хотя бы одно слово.

– Твои знакомые? Туристы? – спросил я с разочарованием, потому что только туристы едят на старинных камнях.

– Нет, – с короткой усмешкой ответил он. – Тогда туристов не было.

"Когда?" – хотел спросить я, но что-то помешало. Не страх и не смущение, а какая-то догадка. И потом, когда он все рассказал, я не удивился и поверил сразу.

Мы стояли по колено в траве, и на её верхушках лежала между нами тень жестяного флага-флюгера башни. Я шагнул, разорвал тень коленями и встал рядом с Мальчиком.

– Пойдем, – не то сказал, не то спросил он, и мы пошли рядом, словно стоворившись, что у нас одна дорога.

Из травы мы выбрались на каменистый пятачок. Там сидел и шурился рыжий котенок. Он увидел нас и разинул маленький розовый рот: или зевнул, или сипло мяукнул.

– Ой!.. – радостно сказал Братик. Шагнул было к котенку, но раздумал и стал шевелить пальцами в разорванной сандалиии.

Торчащая соломинка задержалась. Котенок припал к камню и задрожал от азарта. Потом он прыгнул на сандалию.

– Пф, – сказал Братик и легонько топнул.

Ух, какой свечкой взвился рыжий охотник! А потом вздыбил спину и боком, боком, боком, на прямых ногах ринулся прыжками в травяные джунгли.

– Ой! – уже встревоженно воскликнул Братик. И помчался следом. И мы тоже.

Котенка мы не нашли, но было так здорово бежать по траве под горячим солнцем! Мы промчались через весь холм и остановились у противоположного откоса. Глинистая крутая тропинка сбегала среди одуванчиков к городу. Братик раскинул руки и помчался, поднимая подошвами дымки рыжей пыли. Мальчик молниеносно и как-то встревоженно бросился за ним. И я помчался!

Цветы одуванчиков сливались в желтые полосы. Синий воздух шумно рвался у щек, свистел в ногах. Город летел ко мне, и я летел к нему навстречу.

Впрочем, внизу я полетел по-настоящему – запнулся за кирпич. Левое колено попало на щебень. Еще не открывая глаз, я знал, что кожа содрана до крови. Тоже ощущение детства, хотя и не очень ласковое. Конечно, хотелось зареветь, но пришлось сдержаться. Я открыл глаза.

Мальчик лежал рядом. Ничком. Над ним встревоженно склонился Братик. Резкий страх поднял меня на ноги. Я тряхнул Мальчика за плечо.

– Что с тобой?

Он приподнял голову и посмотрел так, словно хотел увидеть не меня, не эту улицу, а что-то совсем другое.

– Ничего, – устало сказал он и встал. – Все то же.

Я занялся своей раной. На колене багровел кровоподтек. Из длинных черных царапин щедро выкатывались алые горошинки крови.

– Приложи дорожник, и все пройдет, – негромко, со знанием дела посоветовал Братик. Я кивнул и, хромая, отправился искать дорожник. И не знаю, как оказался в незнакомом переулке. Темнели с двух сторон массивные старинные ворота, лежала тень, и сами по себе скрипели деревянные тротуары.

Стало грустно, что вдруг потерялись новые друзья. Чувствовал я, что встреча была не случайной.

Я стал искать. Менялись улицы, наклонялись навстречу дома. Пружинили под ногами тротуары, и качались травы. Солнце уходило за купол старинного крепостного собора.

Наконец я увидел Мальчика и Братика. Они стояли у массивных ворот бревенчатого дома. Дом был похож на деревянную крепость.

Мальчик стоял, прислонившись к столбу калитки, а Братик лениво

качался на прогнувшейся доске тротуара.

- Куда вы исчезли? - обрадованно сказал я. - Бегаю, ищу...

- Никуда, - равнодушно сказал Мальчик.

- Пойдем наверх.

- Нет.

- Почему?

- Не знаю.

- Ну... разве здесь лучше?

- Не знаю... - опять сказал он. - Не пойму. Здесь все какое-то ненастоящее. Будто все только кажется. - Он пошатал доску забора, словно проверял: может быть, и она не настоящая.

Я не удивился, только стало обидно.

- А я? - спросил я с неожиданной горечью. - Значит, и я не настоящий? Ну, посмотри... - Я протянул ему ладонь.

Он подумал, взял меня за рукав. Потом его узкая ладонь охватила мою кисть.

- Ты? Ты настоящий! - сказал он как-то светло и радостно.

И я понял, что он мне нужен, что я хочу такого друга.

Помню, что с этого момента я стал звать его по имени.

А Братик смотрел на нас молча и покачивался на доске.

Над крышами зеленел край холма, и острые башни с флюгерами белели, как декорации к сказке.

Глядя на башни, Валерка сказал:

- Мы жили здесь... Вернее, здесь, но... не так. Крепость была целая, и башни новые. И люди там жили... А кругом поля. И такая высокая трава. Она при луне как серебро.

- Когда это было? - опросил я, и стало немного страшно.

Он вздохнул и, как бы делая трудный шаг, тихо ответил:

- Ну... наверное, пятьсот лет.

- Да, - неожиданно подтвердил Братик.

Как будто холодная волна прошла между нами. Словно все эти пятьсот лет дохнули ветром, чтобы развеять нас в стороны. Я торопливо шагнул ближе к Валерке.

- Слушай... А может быть... это тебе только приснилось?

Он не обиделся и не ответил. Только головой покачал. Потом сказал:

- Это здесь, как во сне... если бы не ты.

И было так хорошо, что он сказал: "Если бы не ты". Значит, он тоже хотел, чтобы я был. С ним!

Но это время... Пятьсот лет!

- Как же ты... Ну, как вы попали сюда?

- Я расскажу. Потом, ладно?

Мы помолчали.

- А как вы живете, у кого?

Валерка небрежно оглянулся на дом.

- Не знаю. Мне все равно. Какие-то старики... Вот он знает, наверное... - И Валерка посмотрел на Братика. Тот молчал и понимающе слушал нас. Видимо, он знал. Кажется, он вообще знал больше брата.

- А... - начал я и вдруг замолчал, устыдившись пустых слов. Отчетливо и на всю глубину вдруг почувствовал, какая же тоска должна быть у этого мальчишки. Как ему хочется домой, где новые белые башни и лунная трава у крепостных стен.

- И никак нельзя вернуться?

Он медленно поднял глаза на меня и пожал плечами.

И тогда опять на цыпочки встал Братик. Он что-то сказал ему. Валерка слушал недоверчиво, но внимательно. Потом произнес вполголоса:

- Да ну... сказка.

Братик зашептал опять. Валерка виновато взглянул на меня.

- Он говорит, что, если найти очень старый дом... со старинными часами...

- Ну?

- И перевести часы назад...

- На пятьсот лет? - спросил я у Братика.

- Да, - шепотом сказал он.
- И тогда что?
- Тогда, наверное, порвется цепь...
- Какая цепь?
- Не знаю...
- А откуда ты все это взял?
- Не знаю... - Он чуть не плакал, оттого что не знает.

Валерка ласково взял его за плечо.

Я сказал:

- Рядом с нами есть очень старый дом. Он заколочен.
- А часы?
- Надо посмотреть.

Но я уже был уверен, что часы там есть.

...События нарастали, и время ускоряло бег.

Я помню пустой солнечный двор старого дома. Крыльцо с витыми столбиками, потрескавшиеся узоры на карнизах, галерею с перилами. Окна и дверь были забиты досками. Мы подошли к окну.

- Надо оторвать доски, - сказал я.
- А если увидят? - засомневался Валерка.
- Все равно, лучше сейчас оторвать. Если сейчас увидят, скажем: просто так, поиграть хотели. А если ночью заметят, решат, что воры...
- Давайте, - согласился он.

И тут пришел страх. Непонятный и тяжелый. Это бывает лишь во сне: кругом пусто и солнечно, а страшно так, что хочется бежать без оглядки. Но если побежишь, ноги откажут и случится что-то жуткое.

Я не побежал. Тугим, почти физическим усилием я скрутил страх и взялся за край доски. Валерка - за другой. С отвратительным кряканьем выползали ржавые гвозди.

Освободив окно, мы пошатали раму, и створки мягко разошлись. В доме стоял зеленый полумрак, пробитый пыльным солнечным лучом.

Часов мы не увидели, но из глубины доносилось тяжелое металлическое тиканье. Страх медленно проходил.

- Лезем, - прошептал я.
- Надо в полночь, - возразил Валерка.
- Конечно! - сказал я с неожиданной досадой. - Ну конечно! Все такие дела делаются в полночь... Чушь какая-то!
- Да не обязательно, - откликнулся он виновато. - Но стрелки можно вертеть, пока бьют часы. Вертеть надо очень долго, а в полночь часы бьют дольше всего.

На это нечего было возразить.

Мы закрыли окно.

- Слышишь? - вдруг спросил Валерка.
  - Что?
  - Труба играет. Далеко-далеко.
- Я не слышал. И сказал:
- Наверное, электричка трубит.
  - Да? - неуверенно проговорил он. А Братик посмотрел на меня осуждающе.

И тут наступил вечер.

...Мы снова поднялись на холм, к развалинам стены, и сели на пушку. Она еще не остыла от дневного солнца. От стены тоже веяло дневным теплом, но воздух посвежел. Резко пахло холодными травами. Последние краски дня перемешались с вечерней синевой. И встала круглая луна. Очень большая и какая-то медная.

- Луна была такая же, - вдруг тихо сказал Братик.

Я не видел его, потому что между нами сидел Валерка. Я наклонился и посмотрел на Братика. Мне показалось, что он плачет, но он просто сидел, упершись лбом в колени. И тербил траву. Потом он резко поднял голову.

- Опять, - напряженно сказал Валерка. - Слышишь?

Я прислушался и на этот раз действительно услышал, как играют

горнисты. Далеко-далеко. Пять медленных и печальных нот перекачивались в тишине. Вернее, где-то позади этой тишины, за горизонтом уснувших звуков. "Та'-а-та' та'-а-а-та".

- Ну и что? - неуверенно спросил я. - Кругом много лагерей. Отбой играют. Что такого?

- Наверное... - согласился Валерка. - Только... разве это отбой?

- Это зовущий сигнал, - спокойно и уверенно сказал Братик. - Ты не помнишь?

Валерка не ответил.

Сигнал, печальный и незнакомый, звучал во мне и все повторялся. Как-то сами собой подобрались к нему слова: "Спать не ложи-и-те-есь... Ждет вас доро-о-о-оога-а..."

Что им не спалось, горнистам?

- Я был трубачом, - вдруг сказал Валерка, не глядя на меня. - Ну... я обещал рассказать. Я был трубачом и дежурил на левой угловой башне... Всегда... И в тот вечер тоже. Они взяли крепость в кольцо, а у нас не хватало стрел. Они жгли костры, и всадники Данаты скакали у самого рва...

- Кто такой Даната? Князь? Или вождь?

- Начальник арила, - сказал Валерка. И я больше не стал спрашивать.

- И Даната послал Ассана, своего брата и друга, будто для переговоров. Ассан поднял шлем на копье, и мы, когда увидели его без шлема, опустили мост. Мы не знали... Он въехал на мост и перерубил канат; мост уже нельзя было поднять. Даната с конниками ворвался в ворота. А следом вошли тяжелые меченосцы. И полезли на стены, на галереи. На башни...

- Ты был без оружия?

- Вот у него, - Валерка посмотрел на Братика, - был маленький лук. Ну, игрушка. Даже кожаный щит пробить было нельзя. А меченосцы пришли в панцирях... Они, наверное, не тронули бы нас, но я заиграл, чтобы у дальних стен построились для рукопашного боя. Тогда меченосец замахнулся на меня. Я закрылся от меча трубой, отступил на карниз. А мы были вместе... - Он неожиданно притянул Братика за плечо, и тот послушно прижался к старшему брату.

- Я отступил, - сказал Валерка, - и толкнул его нечаянно. Он упал в ров. Тут уж я про все забыл, обернулся, чтобы посмотреть, испугался. А он даже не ушибся: было невысоко и трава густая. Стоит внизу и на меня смотрит. Я обрадовался, а меня вдруг как толкнет что-то. Я упал... и вот здесь...

- Если бы ты знал, - тихо сказал он. - Ходишь, ходишь по этой траве... Думаешь, может... может, хоть камушек знакомый попадется. А ничего нет... И как там кончился бой?

Я молчал.

- У меня даже трубы не осталось, - вздохнул Валерка.

Наяву я, конечно, бросился бы в темную пропасть догадок: кто он, откуда? Не было здесь никакого Данаты с тяжелыми меченосцами. С какой планеты эти двое мальчишек, из какой Атлантиды? Уж чего-чего, а фантастики я начитался и умел размышлять о таинственных ветрах пространства и времени.

Но там, на крепостном холме, я думал совсем о другом. Я с возрастающей грустью думал, что скоро он уйдет. Мне очень нужен был друг, но Валерка собирался уйти, и Братик тоже.

Из жерла пушки, не торопясь, вылез котенок. Было еще совсем темно, но я разглядел, что это наш знакомый - Рыжик.

Он опять сипло мяукнул, выгнул спину и начал мягко тереться о мою ногу.

- Смотри, - сказал я Братiku.

Он тихонько обрадовался, подхватил котенка на колени, и тот заурчал негромко, будто наш электросчетчик в коридоре.

- Пойдем, искупаемся, - сказал Валерка. - До двенадцати далеко.

Я встал. Я тоже любил купаться в сумерках. Мы гуськом спустились к маленькому пруду.

Вечер темнел. Был он не синий, не сиреневый, а какой-то коричневатый. Бывают такие вечера. Желтый шар луны повис в теплом воздухе и отражался в воде расплывчатым блином. Высокие кусты окружили пруд, закрыв огоньки и темные силуэты крыш. Пахло чуть-чуть болотом и горьковатой корой деревьев.

Мы ступили на дощатый мостик.

– Раздевайся, – сказал Валерка Братiku.

– Нет. Он тогда убежит... – Братик покачал у груди котенка. Потом он стряхнул сандалии и сел, опустив ноги в воду.

– Ух, какая теплая...

Мы с Валеркой разделись. Я сразу скользнул с мостика – осторожно, чтобы не испугать плеском тишину. Вода и в самом деле была словно кипяченая. Дно оказалось илистым, но не очень вязким. Я пяткой попал на бугорок из увядших водорослей. Оттуда, рванувшись, побежала вверх по ноге щекочущая цепочка воздушных пузырьков.

Я присел на корточки, распрямился у самого дна и поплыл под водой, раздвигая редкие камышинки. Потом открыл глаза и глянул вверх. Луна просвечивала, как большой желток. Я вылез на мостик, дождался Валерку. Мы молчали. Оделись и пошли к старому дому.

Вечер превратился в ночь. Небо стало темно-зеленым, а луна почти белой.

Я боялся только одного: вдруг появится опять непонятный тягучий страх. Но страха не было. Темный дом под луной казался таинственным, но не опасным.

Мы раскрыли окно. Я скользнул в него первым. Пол был ниже земли, и, когда я прыгнул внутрь, подоконник оказался выше моей головы. Я принял на руки Братика. Он сразу прижался ко мне.

– Боишься? – удивился я.

– Немножко, – шепотом сказал он.

Спустился Валерка. Половицы дружелюбно скрипнули.

Мы были в широком коридоре, вдоль которого посередине зачем-то тянулись точеные перила. На горбатом полу раскинулись зеленые лунные квадраты. От них было светло.

Скользя ладонью по перилам, я пошел к открытой двери, из которой доносился стук часов. Был он громкий, словно в металлический ковшик роняли железные шарики. Братик обогнал меня, он уже перестал бояться.

Мы вошли в квадратную комнату и сразу увидели часы. Они были очень старые и громадные, ростом со взрослого мужчину. Стояли они на полу – такой узкий застекленный шкаф с резными деревянными рыцарями по бокам дверцы. Рыцари были ростом с Братика. Они стояли, положив руки в боевых перчатках на перекладины мечей. Я почему-то подумал о меченосцах Данаты.

Высоко вверху за стеклом дверцы мерцал фарфоровый круг с черными трещинами и медными римскими цифрами. Узорные стрелки показывали без двух минут двенадцать. Внизу тяжело ходил маятник, похожий на медную сковородку.

– Ну, давай, берись за стрелки, – сказал я. – Пора.

Валерка с досадой пожал плечами.

– Да не могу я. Ну... нельзя нам. Ничего не выйдет. Это ты один можешь. Понимаешь?

Я кивнул и, покосившись на рыцарей, потянул дверцу. Она отошла, и стук часов стал еще громче. Я поднялся на цыпочки и прикоснулся к большой стрелке. Она была холодная, как сосулька. Внутри часов нарастало скрежетанье. Мы напряженно замерли. Скрежетанье исчезло, и мягко, негромко, толкнулся первый удар.

– Верти! – тонко крикнул Братик.

Я завертел стрелку так, что она расплылась в прозрачный круг, на котором вспыхнули лунные искры. Часы удивленно промолчали, потом ударили еще два раза. И тут я с отчетливой тоской понял, что мы расстаемся. Валерка и Братик исчезнут сейчас, и я останусь в этом пустом лунном одиночестве. Мы даже не успеем ничего сказать друг другу.

Я так не мог!

Рука слегка задержала стрелку.

- Ну, что ты? - не сердито, а как-то жалобно крикнул Валерка. - Крути! Боишься?

Я подумал, что теперь всю жизнь он будет считать меня предателем. И снова нажал на стрелку. Но тут пришла спасительная мысль.

- Бесполезно, - сказал я, устало обернувшись. - Потому что не успеть. Ну смотри: один круг - это один час. В сутках двадцать четыре часа. В году триста шестьдесят пять суток. А за пятьсот лет? Это больше четырех миллионов оборотов!

Наяву я ни за что бы не сосчитал так быстро: арифметику всегда еле тянул на тройку...

Часы ударили последний раз, и навалилась тишина.

Валерка и Братик были рядом, но я не радовался. Им было очень грустно, и я чувствовал себя виноватым. Надо было все же вертеть стрелки до конца. Всегда надо вертеть до конца.

- Тогда пусть возьмет меч, - вполголоса, но настойчиво сказал Братик.

- Какой меч? - спросил я.

- Он не тяжелый, - торопливо сказал Братик. - Только им надо убить Железного Змея. Это он держит нас в плену.

- Сможешь? - нерешительно и с надеждой спросил Валерка.

Начиналась совсем уже сказка. А у сказки свои правила. Я знал, что смогу. Убью Железного Змея, и все будет хорошо. Для Валерки и для Братика. А для меня?

- Только этот меч на старом кладбище, - виновато сказал Валерка.

- Подумаешь...

- Тогда пойдем?

- Пойдем.

Мне очень не хотелось идти. Я ни капельки не боялся ночного кладбища, но опять стало тоскливо. Сказка разворачивалась по своим законам, и я знал: скоро надо расставаться с Валеркой.

Можно было бы не ходить, придумать что-нибудь, отказаться. Я чувствовал, что он даже не обидится. Но я шел, потому что ни во сне, ни наяву дружбу не завоеешь предательством.

Лунные улицы были совсем не похожи на дневные. Афишные тумбы напоминали маленькие терема. От них падали очень черные тени. На углу, где раньше стоял киоск, возвышалась трансформаторная будка, очень странная: на громадном разлапистом пне - бревенчатая кособокая избушка. От нее тянулись провода. С пня спрыгнул на асфальт крошечный гном с электрическим фонариком и юркнул в подворотню. Я не удивился.

Мы вышли на освещенное луной место. Кругом были травянистые холмики и серые продолговатые камни, похожие на обломки бетонных панелей. На камнях темнели буквы. Торчало несколько кривых крестов. Один крест - очень маленький, но на длинной ножке - ярко блестел.

И вдруг я понял: это воткнутый в холмик меч с крестообразной рукоятью.

Валерка с Братиком остановились. Я шагнул к мечу. Витая рукоятка с перекладной была на уровне моих плеч. Я ухватил её двумя руками и потянул. Клинок легко-легко вышел из земли.

На лезвии не осталось ни крошки чернозема. Лунный свет буквально стекал по сверкающему лезвию. Казалось, он начнет падать с острия тяжелыми каплями.

Меч был удобный - рукоятка увесистая, а клинок легкий. Крути над головой, как хочешь. Я взмахнул им и...

Земля ушла из-под ног, словно пол рванувшегося автобуса. Пространство сдвинулось, перекошилось... и мы опять оказались в старом доме.

Шкаф из-под часов стоял на прежнем месте, но циферблата и маятника не было. Вместо них блестел за стеклом дверцы мой меч.

- Теперь бери смело, - сказал Валерка.

- Бери, - сказал Братик.

И я взял, хотя сердце бухало как колокол.

- Ну, где ваш змей?

- Пойдем, - как-то скованно отозвался Валерка.

Я его понимал: ему было неловко, что не он идет на поединок. Но ведь

он был не виноват, что у этой сказки такие законы.

Снова мы пошли по ночному городу. По краям улицы стояли темные деревья. Идти было грустно.

- Знаешь, что... - сказал Валерка.

Я знал. Он хотел сказать, что остался бы, но не может. Обязательно ему надо туда, где не закончена битва, где он оставил свою трубу.

- Понимаю... - сказал я и посмотрел на Братика. Вот Братик, пожалуй, остался бы. Если с Валеркой. Потому что ему важно одно: чтобы рядом был старший брат.

Улица становилась все темнее, превращалась в глухую аллею. Стволы и ветки смыкались, заслоняя лунный свет. А мы шли и шли.

А потом за поворотом ударили по глазам лучи, и мы увидели, что уже утро, почти день.

Мы стояли на большом пустыре, поросшем чахлой полынью. В полыни валялся белый конский череп. Костлявый старик таскал за собой на веревке костлявую козу: искал, где трава получше. На нас он посмотрел со злобой и опаской.

На краю пустыря желтел глинистый бугор с черной норой, похожей на подземный ход.

- Смотрите, - звонко сказал Братик.

Из черной дыры выбиралось на свет смешное железное чудовище. Этаким гроыхающий Змей Горыныч. Туловище было похоже на ржавую цистерну с наростами из помятых рыцарских панцирей и кирас. Сзади волочился членистый хвост из металлических бочек, дырявых ведер и бидонов. Между ними я заметил несколько сломанных набедренников и налокотников от старинных лат. Скрежетали крылья из кровельных листов и автомобильных дверок. Голова щелкала челюстями, как медвежьим капканом. Вместо глаз у нее блестели треснувшие фары.

Я с любопытством следил за этой живой грудой металлолома. Она вдруг перестала грохотать, бесшумно поднялась в воздух и понеслась на меня с нарастающим реактивным свистом.

Без страха, даже без всякой тревоги я поднял навстречу сверкающий меч. Он прошел сквозь железную ружьядь, как сквозь бумагу. И тут же вокруг меня стали падать друг на друга гремящие обломки. Последним упало к моей ноге автомобильное колесо.

- Вот и все, - сказал я.

Сухо пахло пылью и полынью.

- Вот и все, - повторил Валерка.

Валерка и Братик стояли рядом. Они были рядом со мной, но уже как бы за стеклянной стенкой. Они думали не обо мне. Смотрели мимо, за горизонт.

"Может быть, останутся все-таки?" - подумал я, но вслух не спросил. Знал, что не останутся, и было горько.

Что-то пушистое задело мою ногу. На автомобильном колесе сидел и зевал рыжий котенок. А я забыл о нем! Я взял котенка на руки, и он, конечно, опять заурчал. Валерка и Братик смотрели на меня молча.

- Как же вы попадете домой? - спросил я.

- А, теперь это все равно как. Пустяки, - с какой-то преувеличенной бодростью откликнулся Валерка. Он уложил поровнее на земле дверцу от самосвала, пристроил к ней железную стойку, а на нее прицепил автомобильный руль.

- Вот и машина, - сказал он. - Это ведь неважно... Пора.

Он и Братик встали на дверцу. Я понял, что сейчас они уйдут совсем. Было нечего сказать на прощанье. Вернее, незачем было говорить.

Валерка смотрел на меня виновато.

Братик вдруг встал на цыпочки и зашептал ему на ухо. Валерка неловко улынулся:

- Он спрашивает, можно ли взять с собой котенка.

- Конечно! - торопливо воскликнул я.

Невидимая стеклянная стенка на несколько секунд растаяла. Братик прыгнул с дверцы, подошел и торопливо взял в ладошки нашего рыжего найденьша. Тот даже не перестал урчать.

- Спасибо, - одними губами сказал Братик.

Потом они опять встали рядом, и "машина", приподнявшись над землей, заскользила к горизонту. И сразу стала таять...

- Может быть, еще вернутся? - сказал я себе вполголоса.

- Зачем? - скрипуче спросил подошедший старик.

Я промолчал.

- Хулиганство одно на уме, - проворчал он.

У меня скребло в горле: не то от слез, не то от полыни. И болела рука. На тыльной стороне ладони алел глубокий порез, Видно, царапнуло обломком железного змея.

"Приложи подорожник, и все пройдет..." - вспомнил я. И пошел искать подорожник. Но его не было. За пустырем началась густая трава. Я брел по ней, и пушистые метелки ласково трогали колени. Я слизывал с руки капельки крови. Сон угасал, как гаснет киноэкран, когда на кадрах бывает затемнение.

Я просыпался, будто проваливаясь в светлую щель. В окно било яркое утро. Однако сон еще держал меня в мягких ладонях. Я машинально поднес к губам руку, чтобы слизнуть кровь. Но пореза не было, боль быстро проходила...

Во дворе хлопала калитка, и деловито орал соседский петух. Я вскочил, оделся и стал жужжать электробритвой.

И тут пришел Володька, с которым два дня назад мы сильно поссорились. Он был сам виноват тогда, но обиделся и ушел со слезинками на ресницах. Ушел, не сказав ничего, не ответив на оклик. Так уходят, чтобы совсем уж не возвращаться. И мне было очень горько, что он не придет, не будет, сидя в кресле, листать мои книги, не будет "давить клопов" на моей пишущей машинке и рассказывать о своих приключениях. И я хотел даже найти Володьку, чтобы помириться, хотя и не был виноват. Но не помирился. Не потому, что я взрослый, а он маленький. Просто он уехал к своему деду на другой конец города.

И вот он пришел. Вернее, прибежал. Коричневый, в белой маечке, натянутой на мокрое тело, с влажными волосами. Легкий и тонконогий, как олененок.

- Здравствуй! - сказал он. - Ты дома? Пойдем купаться! Знаешь, какая теплая вода! Ну, пойдем... Да?

Он говорил, пританцовывая на пороге, и смотрел веселыми влажными глазами. И только в глубине этих глаз была виноватинка: "Ты не вспомнишь обиду?"

А обиды у меня не было. Была только радость, что он вернулся.

И мы, конечно, пошли купаться на пруд, к плотине, где уже собрались все мальчишки с нашей улицы. По краям тропинки цвела белая кашка, отчаянно звенели кузнечики, а в небе стояли желтые кучевые облака, похожие на дирижабли.

Володька прыгал впереди и порой оглядывался. Виноватинки в глазах еще не совсем исчезли.

Я улыбался ему и вспоминал сон. Хороший сон про возвращение в детство. Про то, как грустно бывает расставаться с другом, но тут уж ничего не поделаешь. Раз у него страна, где не доиграна битва и где он оставил свою трубу.

А может быть, он все-таки вернулся бы?

Я тоже порой ухожу в далекую страну, где живет мой друг Алька Головкин из четвертого "А" и пружинит под ногами тротуар, и сосновые кораблики с клетчатыми парусами плывут к дальним архипелагам. Там сколько хочешь можно ходить по колено в траве, запускать с крыши бумажного змея и воевать с пиратами. Там всегда выходишь победителем из поединка со злом, потому что нет оружия сильнее, чем деревянная шпaga.

Но ведь я возвращаюсь. К Володьке. Ко всем.

Конечно, если бы сделать, чтобы никакие ветры, никакие годы не разделяли друзей! Если бы время не отнимало у человека детство... А может быть, это можно сделать? Если очень постараться?

- Если постараться, всего добьешься. Да, Володька? - спросил я.

- Нет, - сказал он, даже не обернувшись. - Не всего.

- Почему?
- Нипочему. Не всего, вот и все.
- Например? - начал я раздражаться,
- Например, попробуй загнать муху в мыльный пузырь, и чтобы он не лопнул.

Я обиделся, но он даже не заметил. Потом я перестал обижаться, и мы купались, пока не перемерзли до крупной дрожи. Тогда мы пошли домой.

Я насвистывал сигнал, который запомнился мне во сне: "Та'-а-та-та та'-та-а..."

- Это ты "Исполнение" свистишь? - вдруг спросил Володька.

- Что?

- Ну, сигнал. Я же знаю. Я два раза в лагере горнистом был. Это сигнал "Все исполняйте".

И он просвистел так же, как я, пять протяжных нот.

- Выдумываешь все, - проворчал я.

- Пойдем напрямик, через парк, - сказал Володька.

- А куда ты идешь? Вот где ворота!

Он вздохнул, удивляясь моей недогадливости. Отодвинул в заборе доску и показал: "Лезь".

По ту сторону забора, на опрокинутой мусорной урне, сидел рыжий котенок с удивительно знакомой мордой.

- Что-то знакомая личность, - сказал я.

- Это же Митька. Мы его в беседке нашли. Кормим по очереди. А он привык и за нами бегает, за всеми ребятами... Ну, опять сбежал из дома, разбойник!

Митька беззвучно мявкнул. Володька сгреб его и сунул под майку.

- Сиди тихо!

Я свернул на дорожку, но Володька сказал:

- Куда ты? Пойдем прямо.

Он дал мне ладошку и повел через высокую траву и кусты шиповника.

- И как ты ухитришься не исцарапаться? - спросил я.

- Пфе, - сказал он. И шлепнул по животу, чтобы рыжий разбойник Митька сидел спокойно.

В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА

1

Я не виноват, я не хотел этого. Я убеждал себя, что непростительно забивать голову сказками. Говорил себе: "Ты взрослый человек, у тебя серьезная работа. Думай о ней". И думал о работе. Целыми днями. Но по утрам, сам того не желая, пытался собрать в памяти обрывки сновидений.

Нет, Северо-Подольская крепость мне больше не снилась. Снился залив под желтым закатом и заливанный ветрами песчаный плоский берег. На берегу стояли каменные арки, а под ними висели сигнальные колокола - разных размеров. Заметно было, что колокола заброшены: у многих не было языков. Из песка торчали высокие травинки, и ветер пригибал их.

Еще я видел солнечные, но совершенно пустые улицы незнакомого города. А еще - внутренность круглых крепостных башен. По вогнутым стенам вились полуразбитые каменные лестницы. В узкие окна били пыльные полуденные лучи. Из поржавевших железных скоб срывались и падали погасшие факелы.

...Тех двоих я ни разу больше не видел. Но на берегу, на пустых улицах, на стертых ступенях лестниц я чувствовал: они только что были здесь. Я даже пытался найти, догнать их. И знал, что еще чуть-чуть - и догоню. Но не мог. И было очень горько. Я в этих снах был мальчишкой и не стеснялся плакать...

Нелепо тосковать по людям, которых никогда не было, которые однажды просто приснились. Но я тосковал по Валерке и Братику.

И ведь никому не расскажешь! Разве что Володьке... Но Володька - он разный. Иногда ласковый, тихий и все понимает. А иногда вдруг станет

вредным таким и насмешливым. И не поймешь отчего...

И все же Володька был единственным человеком, который меня мог бы понять.

2

Мы с ним познакомились три года назад.

Я перепечатывал на машинке статью для журнала "Театральная жизнь". Печатаю тогда плохо, работа надоела, я лениво давил на клавиши. В это время постучали.

Я неласково сказал: "Войдите".

На пороге возникло лохматое, но симпатичное существо ростом чуть повыше спинки стула. С тонкой шеей, оттопыренными ушами и глазами цвета густого чая. Одето оно было в мальчишечью школьную форму, крайне для него большую.

- Это вы все время тюкаете? - строго спросил гость.

- Что значит "тюкаете"? - слегка обиделся я.

Не отводя внимательного взгляда, мальчишка объяснил:

- Я внизу живу. А наверху каждый день: "тюк" да "тюк", "тюк" да "тюк". Будто клюет кто-то...

- Это машинка стучит, - объяснил я. - Печатаю. Работа такая. А что, мешаю?

- Да нет, тюкайте, - великодушно разрешил гость и добавил: - Просто интересно. А вы кем работаете?

- Я зав. литературной частью. Проще говоря, литературный директор.

Что-то вроде уважения мелькнуло у мальчишки в глазах. Он попытался незаметно подтянуть штаны и спросил:

- В какой школе?

- Почему в школе...

- В нашей школе исторический директор, - объяснил гость. - Он пятиклассников истории учит. У Витьки - ботаническая директорша. А вы в какой школе? Вы литературу преподаете?

Слово "преподаете" он произнес с солидностью человека, уже посвященного в премудрости школьной жизни.

Я сообщил, что работаю не в школе, а в Театре юного зрителя, отвечаю за то, как написаны пьесы.

- У-у... - сказал он. - А я думал, что в театре все люди артисты.

Я терпеливо объяснил, что в театрах много работников с разными профессиями.

- Но артисты все же самые главные? - спросил он. - Или вы главнее?

Набравшись нахальства, я сказал, что главнее: артистов много, а я один.

Он кивнул, помолчал и задал новый вопрос:

- А вы были артистом? Или сразу стали директором?

- Был.

- А кто главнее: литературный директор или знаменитый народный артист?

"Вот зануда", - подумал я и ответил, что народный, пожалуй, главнее.

- А вы почему не стали народным? - поинтересовался он, глядя ясными янтарными глазами.

"Иди ты знаешь куда..." - чуть не сказал я и мрачно признался:

- Не получилось.

- Бывает, - посочувствовал он.

- Просто мне расхотелось играть, - заступился я за себя. - Я решил сам писать пьесы.

- Получается? - серьезно спросил мальчишка.

- Получается, - соврал я.

Он вежливо сделал вид, что поверил. Опять кивнул и посмотрел на машинку.

- А как вы печатаете?

- Проходи, - сказал я. - Что за разговор у порога... Тебя как зовут?

Он сообщил, что зовут его Володькой, скинул у дверей полуботинки и, бултыхаясь в своей форме, как одинокая горошина в кулке, подошел к

столу. Забрался с ногами в мое кресло. Оглянулся на меня.

- Можно, я потюкаю?

Я с тайной радостью (есть причина не работать) вытащил недопечатанный лист и вставил чистый.

- Смотри, я покажу, как надо...

- Знаешь, я все привык делать сам, - доверительно сообщил Володька. - Я разберусь.

И он, в самом деле, быстро разобрался (правда, потом пришлось менять клавишу с буквой "ы").

На другой день Володьку заинтересовала моя спортивная шпага (он выволок ее из-за шкафа).

- Это настоящая? - спросил он, и глаза у него сделались светлыми, золотистыми.

- Вполне, - сказал я.

- И ты умеешь сражаться?

- Конечно, - гордо ответил я. И объяснил, что в театральном училище нам преподавали фехтование, а кроме того, я занимался в спортивной секции. Один раз даже занял третье место в областной олимпиаде.

- Врешь! - восторженно сказал он.

Конечно, он просто не сдержался. И все же я решил поставить юного гостя на место.

- Во-первых, не вру. У меня диплом есть! А во-вторых, с чего это вы, сударь, начали говорить мне "ты"? Я взрослый человек.

Этот тип уселся на диван, поставил клинок между колен, прижался щекой к рукояти и задумчиво уставился на меня.

- Какой же ты взрослый? Взрослые не такие.

- А какие?

- Ну... они важные. У них жены, дети.

- Подумаешь... У меня тоже скоро будет жена. У меня невеста есть.

- А где она? - подозрительно спросил Володька.

- В Москве, в аспирантуре, - сказал я и вздохнул, вспомнив Галку.

Володька подумал и сообщил, что невеста - это не считается.

- У меня было две невесты. Одна в детском саду в меня влюбилась, а одна недавно, в сентябре. Записки писала. Печатными буквами.

- Ну, ты даешь... - только и сказал я.

- Можно, я потренируюсь шпагой?

- Тренируйся, но не шуми. Я хотя, по-твоему, не взрослый, а должен работать.

Мы подружились. Володька подрастал, перешел во второй класс, в третий, в четвертый... И почти каждый день приходил ко мне в гости. А если уезжал в лагерь или к бабушке, я скучал.

Иногда Володька печатал на моей машинке странные слова и говорил, что это названия планет, про которые он придумывает сказки. Иногда притыкался рядом и шепотом рассказывал, какую картину нарисует, когда совсем вырастет. Это будет грустная картина: кругом море, посередине маленький остров, а на острове одинокая, брошенная собака. Чтобы все поняли, что нельзя бросать собак. А еще будет картина "Девочка на дельтоплане". Это та девочка, которая в первом классе писала ему печатными буквами записки. ("Только ты никому не говори, ладно?")

А иногда в милого Володеньку словно бес залазил. Он начинал язвить. Чаще всего этот субъект потешался, что я считаю себя взрослым. Он заявлял, что взрослые не собирают картинки с парусными кораблями и не читают детских книжек. Взрослые не бегают с мальчишками на рыбалку и не строят игрушечные пароходы (сам подбивает меня на такие дела, а потом ехидничает!). Кроме того, взрослые умеют завязывать галстуки и не ужинают консервами из морской капусты.

Я злился и не знал, что возразить. Тем более что Галка не вернулась из Москвы, она вышла там замуж за солидного кандидата наук.

Но ссорились мы с Володькой редко. Зимой мы вместе катались на лыжах, а летом ходили купаться на большой пруд недалеко от дома.

Купались мы и в те дни, с которых я начал рассказ. Только мне было невесело и беспокойно. Володька смотрел на меня, и глаза его темнели.

- Ну, ты чего? - спрашивал он. - Чего ты такой?
- Устал, - говорил я.
- Ты же в отпуске.
- Пьесу переделываю. Не получается. Вот и устал.
- У тебя и раньше не получалось, а ты был веселый...
Я страдал из-за себя, а он из-за меня. Разве он виноват? "Расскажу",
- решил я наконец. И решив так, немного успокоился.

Но раз я повеселел, повеселел и Володька. В то утро мы опять пошли купаться, и он прыгал вокруг меня, как танцующий аистенок. И уже пару раз высказался в том смысле, что небритый подбородок - не доказательство взрослости, а всего только признак неаккуратности. Лишь когда повстречалась некая Женя Девяткина десяти с половиной лет, Володька слегка присмирел, порозовел и глянул на меня опасливо.

3

День начинался солнечный, но не жаркий. Купающихся было немного. Володька, однако, быстро скинул штаны и футболку и требовательно посмотрел на меня. Я, кряхтя, разделся. Но, поболтав ногой в воде, я твердо заявил, что купаться сейчас могут только явные психи. После того пошел на приткнувшийся к берегу плотик и с удовольствием вытянулся на сухих теплых досках.

- Пусть вода нагреется...
- Ты прямо как пенсионер, - досадливо сказал Володька.
- А ты не забывай, что я уже почти старик. У меня поясница...
- Опять ты за свое, - хмыкнул Володька.
- Конечно. Ты забыл, сколько мне лет?
- Двенадцать, - уверенно сказал он.
- Иди ты... - отмахнулся я и закрыл глаза.

...Почти сразу утих плеск воды, и смолкли крики мальчишек на недалеком островке. И шорох листьев. И откуда-то из темной дали донеслись пять ясных тактов трубы, пять ясных нот. Я узнал их сразу.

Это был сигнал Далеких Горнистов.

Я внутренне вздрогнул и стал ждать. Но сигнал не повторялся. Это был просто толчок памяти.

"Нет, хватит. Хватит пока думать об этом", - сказал я себе. И разомкнул ресницы. Сразу вернулось летнее утро с его привычным шумом и редкими облаками над головой.

Растущий у самой воды тополь протянул над плотиком длинную могучую ветвь. Ухватившись за ветвь, надо мной висел Володька. И хитро поглядывал. Его пятки угрожающе шевелились в полуметре от моего живота.

- Без шуточек, - предупредил я.

Володька засмеялся и заболтал тощими ногами. Кожа на его груди сильно натянулась, и сквозь нее отчетливо проступили тоненькие ребра. Казалось, проводи по ним костяшками пальцев - и Володька зазвучит, как ксилофон.

- Не дитя, а шведская стенка, - сказал я. - Не кормят тебя дома, что ли?

- А-га... - неопределенно отозвался Володька. По-обезьяньи перебирая руками, он добрался почти до конца ветви и разжал пальцы.

Все брызги, которые поднял этот пират, хлопнувшись о воду рядом с плотиком, посыпались на меня! Я заорал и ползком перебрался на другой край.

- Не будешь обзывать дитем, - сказал Володька.
- Хулиган, - заявил я.
- "Хулиган" радостно захихикал, потом примирительно сказал:
- Ладно, грейся. Я пока на остров к ребятам сплаваю.
- Валяй, - согласился я.

Глубина на пути до острова была Володьке не больше чем по плечи, и я за него не боялся.

Я опять вытянулся и закрыл глаза. Солнце стояло уже высоко и грело ощутимо. Я подумал, что буду долго-долго лежать так и не стану шевелиться. И, кажется, задремал.

...Кто-то ступил на плотик. Он качнулся, захлупала вода. Кто-то легко

подошел ко мне и стал рядом. Я лениво повернул голову. Я был уверен, что увижу мокрые коричневые Володькины ноги с прилипшими нитками водорослей. Но на плотике был не Володька. Я увидел ноги, обтянутые не то черной кожей, не то клеенкой. К одной был пристегнут ремнями широкий нож – в плоском, тоже черном чехле и с костяной узорной рукоятью.

Кто это? Аквалангист? В нашем-то мелководном пруду?

Я поднял глаза.

Надо мной, одетый в странный кожаный костюм, с рыцарским налокотником на левой руке, стоял Валерка.

4

Я сразу понял, что это он. Не кто-то очень похожий на него, а именно он – Валерка, которого не было на свете. Которого я лишь однажды видел в странном сне про сказку в городе Северо-Подольске (которого тоже не было).

До сих пор я очень смутно помнил его лицо, но сейчас узнал моментально: его темную косую челку над беспокойными бровями, его зеленовато-карие глаза – внимательные и почему-то слегка виноватые, и коричневую родинку на остром подбородке.

– Это ты... – шепотом сказал я.

Он склонил голову и ответил медленно, вполголоса:

– Мне больше не к кому было прийти. Не сердись, что я помешал.

"Помешал"! Боже мой... Радость и тревога поднялись во мне одной крутой волной. Радость – что он здесь. Тревога – что этот сон может оказаться коротким, мимолетным. Я торопливо оглянулся. Все было, как прежде. Та же ветка над плотиком, то же клочковатое облако в вышине, тот же синий заколоченный киоск на берегу. Вон Володькина одежда на траве, а вон, на острове, среди мальчишек сам Володька – словно оранжевая бабочка мелькает в кустах его плавки.

Это, кажется, прочный сон, очень похожий на явь. Наверно, сказка будет долгой. Я потрогал подбородок и глянул на свои ноги: может быть, я опять стал мальчишкой, как в первом сне?

Нет, я по-прежнему длинный небритый дядька... А Валерка здесь!

Я посмотрел на Валерку. Я понимал, что он пришел не просто так.

Глядя все так же – внимательно и чуть виновато, – он проговорил:

– Только ты можешь помочь.

– Я готов, – быстро сказал я и вскочил. Плотик закачался, Валерка переступил, чтобы не упасть, улыбнулся и взглянул на меня снизу вверх.

Раньше мы были одного роста, а сейчас Валерка не доставал мне до плеча. Но я вовсе не чувствовал себя старшим. Наоборот, мне было неловко за свой рост и возраст. Но наплевать, не это главное. Главное, что он пришел!

Пять высоких нот сигнала опять прозвучали во мне.

– Как помочь тебе? Что случилось?

Он вздохнул, пошевелил ногой, поправил пристегнутый нож и снова вскинул на меня глаза.

– Ты хорошо владеешь шпагой?

У меня холодок пробежал по спине.

– Ну... владею... Средне. Почему ты решил, что хорошо?

– Я же помню Железного Змея. Как ты его одним ударом...

Я улыбнулся:

– Но это же была сказка. Сон... Хотя сейчас тоже сон, – не без грусти добавил я.

Он сказал серьезно:

– Это не сон. Это переход... А у нас ты будешь мастером клинка. Я знаю, в этом искусстве вы опередили наших вояк.

Я не понял. Да не все ли равно? Главное, что мы опять встретились.

– Нужна шпага? – спросил я.

Валерка кивнул.

– Придется зайти домой, – озабоченно сказал я.

Он опять улыбнулся, и снова это была виноватая улыбка.

– Да нет, шпага найдется. Нужен ты.

Я прыгнул на берег и стал торопливо одеваться. Потом окликнул через пруд Володьку. Он помахал рукой. Я крикнул, что скоро вернусь. Схватился и посмотрел на Валерку.

Он кивнул:

- Скоро... Если ничего не случится.

- А что может случиться? - спросил я без боязни, а просто с любопытством.

- Скорее всего, ничего не может. Ты же мастер. Но все-таки... Шпаги - не игрушки. Ты не боишься?

Я не боялся. Во мне выросло напряженное ожидание загадочных событий, в которых мы будем вместе с Валеркой - плечом к плечу. Жаль только, что плечи у нас теперь на разной высоте...

- Идем? - спросил я у Валерки.

- Идем.

Я еще раз помахал Володьке, и мы ушли с берега.

5

Улицы были пусты. Ни людей, ни машин. Стояла тишина. Только наши шаги нарушали ее, да один раз желтый лист - предвестник недалекой осени - упал с тополя и зашуршал по асфальту. Валерка проводил его внимательными глазами.

Солнце грело уже крепко. У Валерки на лбу выступили маленькие капельки. От его тугой куртки пахло горячей кожей.

- Для чего ты в таком костюме? - спросил я.

- Это под доспехи, - сказал Валерка.

- У вас война?

- Смута, - ответил он и вздохнул.

Потом он доверчиво глянул на меня и сказал:

- Я бы не позвал тебя, но я очень боюсь за Василька.

- За кого? - удивился я.

- За брата. Ты не помнишь?

"Не помнишь"! Надо же сказать такое!

- Помню, конечно. Просто... я не знал, что его так зовут.

- Это я его так зову, - тихонько сказал Валерка и смутился.

Мне очень хотелось спросить про Братика, но я не решался. Опасение, что все может исчезнуть, не оставляло меня. Исчезнуть от неосторожного шага, от лишнего слова...

Несколько минут мы шли молча. По солнцу и тишине. От центра на окраину, мимо деревянных домов, по улицам, на которых прошло мое детство. И вдруг я понял, куда ведет меня Валерка: к старой трехэтажной школе, где я когда-то учился.

Перед школой тоже было пусто. Блестели стекла, тень от кленов лежала на красных кирпичных стенах. Странно! Ведь говорили, что школу недавно оштукатурили... На квадратном кирпичном столбике, у самых ступеней, я заметил сделанную мелом надпись: "Машка - ведьма". Я сам это когда-то написал. Надо же, не стерлось до сих пор!

- Сколько сейчас тебе лет? - вдруг спросил Валерка.

Я остановился от неожиданности. Потом вспомнил Володьку. И, сам не зная почему, с мрачноватым юмором сказал:

- Двенадцать.

- Вот и хорошо, - серьезно откликнулся Валерка.

Мы вошли. По коридору гулко разнесся звук наших шагов - в пустых школах летом шаги всегда очень гулкие. Никого не встретив, мы подошли к спортивному залу. Валерка медленно отвел скрипучую дверь. В зале было пыльно и не прибрано. В беспорядке стояли и валялись, задрав "копыта", спортивные "кони" и "козлы". В затянутые сеткой высокие окна падали широкие лучи.

Мы пересекли зал и оказались у дверцы - она вела в комнатку, где хранились мячи, стойки для прыжков, кольца, спортивные маты. В эту же каморку наш физрук Василий Антонович отправлял иногда наиболее расхажившихся на уроке мальчишек - "подумать и успокоить нервы". Нам нравилось сидеть в полумраке и развлекаться потихоньку случайно

найденными интересными штуками: ракетками, гантелями, деревянными гранатами и плетеными мячиками для хоккея.

Однажды за старыми матами я отыскал заржавленную рапиру...

Сейчас за дверцей была не каморка, а длинный, освещенный пыльной лампочкой коридор. Маты сплошными штабелями лежали у кирпичных стен, их хватило бы на тысячу школ. Между ними оставался лишь узкий проход, да и то не совсем свободный: кое-где почти до пола свешивались с потолка толстые канаты и рваные волейбольные сетки. Конец коридора терялся в сумраке.

- Надо пробираться, - сказал Валерка.

- Давай.

Он скользнул вперед. Я прикрыл за собой дверь и двинулся следом...

Мы шли удивительно долго. В пыли и полутьме. Редкие лампочки лишь едва светились в паутине. Веревки и обрывки сеток цеплялись за руки и за ноги, а особенно - за Валеркин налокотник. Один раз оказалось, что тяжелые кожаные маты почти завалили проход, и пришлось пробираться под ними ползком.

Когда мне стало казаться, что мы провели в этом коридоре полжизни, он уперся в стену из очень крупных и неровных кирпичей. Здесь было попросторнее и горела лампочка поярче.

В стене был узкий неровный пролом.

- Пришли, - прошептал Валерка. - Сейчас пролезем - и все.

- Мне не пролезть, - уверенно сказал я,

дыра выглядела слишком маленькой.

Валерка улыбнулся;

- Пролезешь.

И вдруг я понял, что он прав. Лаз в стене был в самую пору для моих мальчишеских плеч!

Я снова стал мальчишкой! Слово и не кончался тот странный сон про лунный дом в Северо-Подольске и про часы с деревянными рыцарями.

Снова были на мне легонькие разношенные кеды, выцветшие до белизны шортики, слегка распоротые у кармана, и рубашка в серо-зеленую клетку. Старенькая мальчишечья рубашка с висящей на нитке пуговкой у ворота и закатанными по локоть рукавами.

Я рассказываю об этом долго, а радостное сознание, что мне, в самом деле, двенадцать лет, пришло тогда в одну секунду. Я глубоко вздохнул и засмеялся. Во всем теле была упругая легкость.

Валерка нетерпеливо смотрел на меня - уже не снизу вверх: мы теперь опять были одного роста.

- Лезь за мной, - сказал он. Это был не приказ, а торопливая просьба.

Он легко нырнул в пролом, звякнув о кирпичи налокотником. Я сразу сунулся за ним. В нос ударил едкий запах влажной извести, шерба́тый кирпичный край оцарапал ногу.

Я увидел, что Валерка прыгнул глубоко вниз: пол в комнате, куда он попал, был гораздо ниже, чем пол в коридоре.

Это была круглая комната без окон. На ржавом крюке висел большой железный фонарь с тремя свечами, довольно яркий. Его лучи высвечивали на полу шерба́тые каменные плиты. Валерка стоял внизу и протягивал ладони:

- Спускайся!

Он подхватил меня, не дал упасть на камни, когда я вывалился из лаза.

Я отряхнул с коленей и живота кирпичные крошки и осмотрелся.

- Где мы?

- В башне...

Потолок с могучими балками терялся в сумраке. Стены я разглядел лучше. Они были сложены из крупных старинных кирпичей вперемешку с каменными брусьями. У стен в беспорядке валялись медные и стальные нагрудники, наколенники, наплечники, глухие каски с широкими полями и прорезями для глаз. Старые, с пятнами ржавчины. А среди них лежали узкие мечи, сабли, шпаги.

- Выбирай, - сказал Валерка.

Я перебрал несколько клинков и взял четырехгранную рапиру с простой костяной рукоятью. Рукоять удобно легла в пальцы, а большой круглый щиток с ободком и мелкими ямками хорошо закрывал руку. Светлый клинок был похож на громадную иглу. Однако на конце он был плоским, и

оказалось, что края отточены. В случае чего можно не только нанести колющий удар, но и рубануть.

- Я готов, - сказал я и удивился звонкости своего голоса.

- А это? - Валерка кивнул на панцири и наколенники. - Ничего не возьмешь?

Таким легким, таким подвижным было мое мальчишечье тело! А это железо, наверно, тяжелое и холодное. Я передернул плечами.

- Обязательно?

Валерка улыбнулся.

- Да нет. Тебе, пожалуй, не обязательно... А вот это нужно. - Он вытащил из-под железной рухляди кожаную перевязь с большой пряжкой и медными клепками по краям. Надел мне через плечо, ловко подогнал пряжку. Потом в кольцо на ремне сунул рапиру. Ее рукоять закачалась у моего бедра.

- Вот и все, - сказал Валерка.

Я увидел себя как бы со стороны: обыкновенный пацан - и с мушкетерским оружием на боку.

- А ничего, что я... такой? Не будут на меня обращать внимание?

- Ты такой, как надо, - откликнулся Валерка. - Слушай... Ты не передумал?

- Что?

- Идти со мной?

- Ну что ты говоришь! - упрекнул я.

Он взял меня за руку.

6

Я понимал, что могу оказаться в совсем незнакомом месте: может быть, удивительном и сказочном. И только про одно я знал точно: сейчас на улице день, светит солнце, и мы выйдем под это солнце из какого-нибудь подвала или погреба. Ведь спортзал и коридор были на первом этаже, а пол в башне - еще ниже.

Валерка уперся в тяжелую дверь ладонями. Навстречу нам хлынул теплый запах незнакомых трав и лунный свет.

Я замер на секунду и засмеялся. Мы оказались на железном балконе - он опоясывал башню высоко над землей. Вернее, над травой. Свет луны был ослепительно яркий, и в его лучах до самого горизонта колыхалась под мягким ветром, катила пологие волны серебристо-голубая трава. Я вцепился в ржавые перила. Вот она, Валеркина страна! Его мир, его планета.

А может быть, это и правда, другая планета?

Ночь была похожа на день, если смотришь сквозь голубое стекло. Я взглянул на луну. Наша ли это луна с привычным, почти человеческим "лицом"? Но хотя чистым было небо, яркий диск оказался слегка размытым, словно окутанным светящимся туманом. Я не различил на нем знакомых пятен.

Тогда я стал смотреть на землю. У самого ее края стояла белая крепость. Она казалась крошечной, но видна была до последнего зубчика на стенах. словно кто-то собрал в горсть игрушечные башни, крыши, бастионы и аккуратно положил их на краю большого круглого стола.

- Там наш Город, - тихо сказал Валерка.

- А здесь?

- Здесь? Просто башня, сторожевая. Теперь она не нужна.

Башня была одинокая, полуразбитая. Она стояла как бы в центре выпуклого круга, по которому неторопливо бежали мерцающие волны. И ее черная тень колыхалась на этих волнах.

А ветер был очень теплый.

Валерка тронул меня за плечо:

- Пошли?

По шаткой железной лестнице мы сбегали в траву и двинулись к Городу.

Трава была высокая, по пояс нам, а кое-где и по плечи. Ее листья походили на листья осоки, но были пошире, и не режущие, а очень мягкие, покрытые шелковистыми волосками. Эти серебристые волоски и блестели под луной. Идти нам трава не мешала. Мы без труда подминали и раздвигали ее,

и она с бесшумным колыханием опять вставала за нами.

Шагать было легко. Может быть, я еще не привык, что стал мальчишкой, и тело мое весит совсем немного. А может быть, Валеркина планета была меньше, чем Земля, и сила тяжести здесь оказалась слабее. Возможно, что и так. По крайней мере, мне казалось, что иду я не по ровному полю, а по громадному шару, который поворачивается мне навстречу.

Шар поворачивался, и светлая крепость вырастала на глазах. Острые башни, черные флюгера, неровные зубчатые стены...

Крепость была совсем не похожа на ту, что в Северо-Подольске. Я сразу это заметил, но не удивился.

...Я пытаюсь поточнее вспомнить, что думал и чувствовал тогда. Ну, конечно, радость, что мой друг Валерка опять рядом. Еще интерес: какие события ждут впереди? И еще... трудно передать словами... Запах сказки, что ли? Но не обычной сказки, а моей. Той, которую я открыл и полюбил. Сказки, где самое главное – не приключения, а два человека: Валерка и Братик.

Но... Вот в этом "но" все дело. Не было в этих чувствах той остроты и беспокойства, как в первый раз. Там, в Северо-Подольске, Сказка захватывала меня, и я жил в ней как наяву, все переживал по-настоящему: и радость, и страх, и тоску, когда друзья уходили... А в этот раз я понимал, что вижу сон. Порой забывал об этом, но не до конца.

Я был уверен, что ничего плохого не случится. Вторая Сказка как положено раскручивает свои пружины, и всему придет свой черед. Когда нужно, я встречу опасность и сделаю, что полагается. И потому даже Валеркины слова, будто Братiku что-то грозит, не вызвали у меня тревоги. Я только обрадовался, что увижу его...

Но это я сейчас копаюсь в себе, и все раскладываю по полочкам. А тогда... Что же, тогда я шел рядом с Валеркой, радостный и спокойный. И даже мысль, что придет время, и мы расстанемся опять, не грызла меня. Встретились во второй раз – встретимся и в третий. К тому же сказка только начиналась.

7

Мы подошли довольно близко к стенам. Я спросил:

– А почему не видно часовых? Разве Город не охраняют?

– От кого? – сказал Валерка. – Снаружи никто не ждет опасности. Она в самом Городе.

– А всадники Данаты? – нерешительно спросил я. – Они больше не нападают?

Валерка быстро взглянул на меня и грустно усмехнулся:

– Всадники Данаты... Под курганами давно и храбрый Даната, и все его воины. И кони...

Я удивленно молчал. Валерка смущенно сказал:

– Я забыл объяснить... Думаешь, когда мы улетели, мы вернулись к себе, в наше прежнее время? Если бы... Даната и все, что было тогда, сейчас уже легенда. Триста лет прошло или больше...

– Но... как же? – озадаченно заговорил я. – Вы вернулись... И как вас встретили? Вы сказали, кто вы такие? Вам поверили? Удивились?

– Удивились... Но поверили. Понимаешь, у нас другой мир... Вы придумали порох, машины, ракеты, а у нас не то. У нас ученые разгадывают тайны: как далекое сделать близким и дотянуться рукой до звезд; что такое мысль; в чем хитрость времени...

Я подумал, что и у нас люди бьются над такими загадками, но промолчал. Валерка продолжал:

– Не могу я объяснить... Но говорят, что время – это вроде струн, которые звучат то вместе, то вразнобой. А иногда – как бусы, которые могут рассыпаться. Или как запутанная петля – бежит то вперед, то обратно, только мы не замечаем. Петлю, говорят, можно рассечь и пробиться через сотни лет... У нас еще в старину случались разные загадки.

– Какие?

Валерка улыбнулся:

- Всякие... Была даже такая поговорка... На старом языке это всего пять слов, но ты не разберешь. А смысл такой: "Когда конь несет тебя все вперед, не думай, что не наткнешься на его следы; когда ложишься спать, не будь уверен, что проснешься завтра, а не вчера"...

Что ж, Валеркин мир и в самом деле был другим, я это видел. Пока мы говорили, крепость словно сама по себе приблизилась вплотную и нависла над нами.

К стене боком прижималась крутая лестница, сложенная из светлых кирпичей: просто ступенчатый выступ, который тянулся от земли до верха. Очень узкий. Валерка двинулся вперед, я, чиркая локтем о стену, стал подниматься за ним. Конец моей рапиры цеплялся за камни, и клинок тонко звенел.

Мы поднялись на гребень и снова пошли рядом, мимо высоких зубцов.

- Значит, как же... - нерешительно сказал я. - Вы вернулись... и опять оказались одни, среди незнакомых людей?

Он кивнул:

- Да... Но это наша земля. И встретили нас хорошо... Правда, скоро всем стало не до нас.

- И вы живете вдвоем?

Валерка улыбнулся, хорошо так, - видимо, подумал о маленьком брате.

- Да, живем... Только мы давно уже не виделись. Два дня...

- А где сейчас Братик? - нетерпеливо спросил я. Впервые назвал я так вслух Валеркиного братишку. Но Валерка ни капельки не удивился. Он сказал:

- У барабанщиков.

Скоро я увидел круглый люк. В полной темноте, по лесенке, выложенной в толще крепостной стены, мы осторожно пошли вниз. Заскрипели петли: это Валерка отодвинул тяжелую дверь. Опять хлынул навстречу лунный свет, и мы оказались на маленькой выпуклой площади.

Площадь окружали светлые дома с каменными узорами на карнизах дверей и окон, с крутыми чешуйчатыми крышами. Почти все здания были связаны между собой: внизу - галереями с полукруглыми арками, вверху, у крыш, - висячими мостиками. Я мельком подумал, что, наверно, весь город можно обойти, не ступая на землю. Даже между тонкими легкими башенками чернело кружево мостиков. Было удивительно тихо. В степи хоть трава шелестела, а здесь - ни звука. Я слышал только, как рядом дышит Валерка.

- Надо идти, - шепотом сказал он.

Мы двинулись через площадь, прошли мимо разрушенного фонтана с каменными рыбами, и в это время сзади послышался частый топот и смех. Нас догоняли трое ребят.

Мальчишки как мальчишки, чуть помладше нас. И одеты совсем обыкновенно - словно прибежали на эту лунную площадь с улицы, где живем мы с Володькой. Они тащили на веревке фигуру оленя, сделанную из коряги и палок. Вернее, тащил один, а двое других пуляли в оленя из игрушечных самострелов. Олень смешно подпрыгивал на тонких деревянных ногах.

- Что это? - спросил я у Валерки.

- Просто игра. В охотников... Сейчас редко играют по вечерам, а эти смелые...

"Охотники" промчались совсем рядом с нами, мы даже посторонились. Я думал, они не обратят на нас внимания. Однако шагах в двадцати мальчишки остановились. До меня донесся неясный разговор:

- Светлый рыцарь... трубач... где стена...

Два мальчика вместе с оленем нырнули в глухую тень галереи, а третий - щупленький, немного похожий на Володьку - торопливо пошел назад к нам.

В трех шагах он остановился и выжидательно глянул на Валерку. Валерка торопливо подошел к нему. Мальчик вполголоса сказал несколько слов. И тут же бросился догонять товарищей.

- Идем, - шепотом сказал Валерка и, потянув за локоть, увел меня в похожий на щель переулок.

- Что случилось? - тоже шепотом спросил я.

- Патруль близко.

- Чей патруль?

- Не все ли равно...

Это было совсем непонятно. И не укладывалось как-то: беззаботная игра мальчишек с оленем и в то же время опасность. Какая? Почему все равно, чей патруль? Если есть враги, есть, наверно, и друзья?

Но расспрашивать было некогда. Мы торопливо шагали вверх по черному от теней переулку. Лунное небо горело над нами зеленовато-голубой щелью.

- Куда мы идем? - вздохнул я.
- В заброшенный замок.
- Зачем?
- Ты же спрашивал, где Братик...

8

Барабанщики маршировали во внутреннем дворе замка. Их пестрые, но ровные шеренги проходили от стены до стены, разворачивались и шли обратно. Ребята не били в барабаны, они, видимо, просто учились ходить в строю. Их было около сотни, но мальчишечий шаг их был легкий, и только негромкий шелест разносился над каменными плитами.

Высокие плоские стены с трех сторон обступали обширную площадь двора, а с четвертой ее замыкало длинное здание с тремя рядами узорчатых окон и сводчатой галереей.

Мы постояли в воротах рядом с молчаливым пареньком-часовым. Потом прошли вдоль стены в тень галереи.

Оранжевым огнем горели у стен факелы. Кое-где они были воткнуты в железные кольца, а чаще - просто в щели между камнями. Их пламя было ярким, но коптящим. По стенам вверх от факелов тянулись длинные языки сажи.

Огненный свет захлестывал края площади, но, чем дальше от стен, тем слабее он делался, и отблески пламени перемешивались с лунными лучами. А в центре площади луна была полной хозяйкой, и плоскости гранита отбрасывали голубоватые блики. Пока барабанщики шли через площадь, по ним как бы прокатывались разноцветные волны. Вблизи от факелов строгие лица мальчишек, их остро согнутые локти и тонкие, упруго шагающие ноги словно покрывались знойным загаром. А на середине каменного плаца, под луной, барабанщики становились очень бледными, и только глаза их блестели по-прежнему: решительно и резко.

Иногда шеренги проходили совсем рядом с нами, и я искал глазами Братика. Но много там было таких - русоголовых и маленьких. Они мелькали, и я не успевал разглядеть. Зато я разглядел узор на атласных рубашках барабанщиков. Рубашки их, широкие и довольно длинные, с короткими рукавами и большим квадратным воротом, были всяких цветов, но на груди и спине у всех виднелся одинаковый знак: черная угловатая спираль, пересеченная белой стрелой. Видимо, эта одежда служила барабанщикам формой. Я не сразу понял, что она мне напоминает. А потом вспомнил: так одеты были легкие воины-копьемосцы, которых я видел в книжке про Троянскую войну. Только у ребят не было круглых щитов и тонких копий.

Зато у них были барабаны.

Похожие на синие бочонки, эти барабаны казались чересчур большими для мальчишек. И были они, видимо, слишком тяжелы. Но барабанщики шагали легко и прямо.

И я вдруг почувствовал, что так же легко и прямо пойдут они, когда наступит срок, навстречу опасности.

От резкого толчка тревоги я коротко вздохнул и встал поближе к Валерке. В этот момент очень высокий голос прокричал непонятную команду. И почти сразу ахнули барабаны. Гулкие ритмичные удары заполнили всю площадь, задавили ее, как лавина. Барабаны били, неторопливо отмеряя шаги, а промежутки между ударами были пересыпаны сухой дробью.

При первом ударе я вздрогнул, уронил рапиру. Засмеялся и посмотрел на Валерку. Он что-то сказал, но я лишь увидел, как шевельнулись губы.

Барабаны смолкли. Гул в ушах быстро прошел, и опять стал слышен шелест шагов. Это квадратный строй барабанщиков продолжал свой молчаливый марш.

- Понял теперь, какие они? - серьезно обратился ко мне Валерка.

Я не совсем понял, но кивнул. И спросил:

- А где же Братик?

- Сейчас, - сказал Валерка.

Он вышел из-под арки, высоко вскинул руку, махнул несколько раз ладонью. Почти сразу откуда-то из середины шеренг выскочил светловолосый мальчик в блестящей зеленой рубашке. Строй пошел дальше, а мальчик, придерживая барабан, побежал через площадь прямо к нам.

В двух шагах он остановился - запыхавшийся и, видимо, встревоженный. И я увидел, что это Братик.

Блестящими глазами Братик посмотрел на Валерку, затем на меня. Моргнул. Потом улыбнулся - застенчиво и обрадовано: узнал. И ничего не сказал. А я забыл свой взрослый опыт, мне опять было двенадцать лет, и я тоже не знал, что говорят при таких встречах. Тоже смотрел и улыбался. Потом протянул ему ладонь. Он торопливо переложил в левую руку барабанные палочки и дал мне свою ладошку. Она была сухая и горячая.

- А что с котенком? Помнишь, тот рыжий?... - спросил я (надо было все-таки что-то сказать).

Братик снова улыбнулся. Чуть-чуть. И, все еще смущаясь, стал смотреть на свой барабан. Ответил тихонько:

- Котенок по крышам бегает... Только он уже не котенок, он большой.

- А ты тоже подрос немножко, - сказал я, хотя, по правде говоря, не заметил этого.

Он вскинул на меня глаза и серьезно согласился:

- Немножко.

- Ты ушел из строя. Ничего? - сказал ему Валерка.

- Ничего, - отозвался Братик. - Сейчас все равно кончаем.

- И домой?

Братик опустил глаза.

- Нет. Я еще с ребятами...

Тень беспокойства прошла по Валеркиному лицу.

- Я недолго, - быстро сказал Братик.

Валерка промолчал. Братик озабоченно глянул на него, поставил на камни загудевший барабан, ловко скинул через голову и бросил на него свою форменную рубашку.

Теперь он был совсем такой, как в первый день знакомства: выгоревшие вельветовые штанишки, голубая майка с неумело заштопанной дыркой на боку, старенькие сандалии. И только одно мне было незнакомо: не то медальон, не то амулет на белом крученом шнурке. Он висел у Братика на шее, как висят обычно у мальчишек квартирные ключи. Это был коричневый приплюснутый шарик размером с небольшую сливу. Костяной или деревянный, гладкий.

- Сними знак, - сказал Валерка. - А то на улице любой узнает, что ты из барабанщиков.

Братик послушно снял медальон и сунул в кармашек. Торопливо затолкал шнурок, чтобы не болтался снаружи, а потом сказал слегка виновато:

- Все равно узнают...

- Как? - с беспокойством спросил Валерка.

- Ну как... видно же. По синяку догадаются. У каждого такой. - Он шевельнул ногой.

Валерка быстро пригляделся.

- Дай-ка факел...

Он легко подхватил Братика, тот встал ему на плечи, дотянулся до факела, горевшего на столбе между двумя арками. Вместе с ним прыгнул на камни. Стало совсем-совсем светло. У Братика ярко зазолотились волосы и на плечах запрыгали медные блики. Валерка взял факел и присел.

- Ух ты... - тихонько сказал он.

Я тоже присел.

На левой ноге пониже колена у Братика был не синяк, а большой кровоподтек. Из мелких ссадин кое-где выступили красные капельки.

- Елки зеленые... Откуда это? - спросил я.

- Барабаном настукало, - сказал Братик и облизнул губы. - Нижним ободом. Он железный, острый...

- Что же повязки не сделаете? - упрекнул Валерка.

- А... некогда все, - небрежно сказал Братик. - Да теперь уже все

равно. Недолго осталось...

Я, не понимая, смотрел то на него, то на Валерку. Что недолго? О чем он говорит? Ясно было одно: должность барабанщика для Братика совсем не праздник.

- Забинтовать? - спросил Валерка у Братика.

- Да ну... - сказал тот.

Я вспомнил солнечный заросший склон у Северо-Подольской крепости: как я тогда-скатился по нему и ободрался до крови.

- Приложи подорожник, и все пройдет, - сказал я Братiku. - Помнишь?

Он улыбнулся: он помнил.

Мне стало хорошо-хорошо от того, что он сейчас рядом. Он и Валерка. Ну и пусть опасность! Пускай я мальчишка, но я помню, как меня учили работать клинком еще тогда, когда я был большим.

Я поднял лежавшую на камнях рапиру и выпрямился.

Валерка протянул мне факел.

- Пристрой куда-нибудь... Осторожно.

Это была гладкая палка с глубокой глиняной плоской, приклеенной комками смолы. Оранжевое, с копотью пламя жарко металось над плоской. С ее краев падали маслянистые капли и тут же загорались на гранитных плитах яркими языками.

Аккуратно, чтобы не капнуть на руки, я воткнул факел в расщелину среди камней под аркой.

Валерка вполголоса сказал Братiku:

- Говоришь, что вас все равно узнают. И вы ходите так... без всего?

- С самострелами, - быстро сказал Братик.

Валерка сумрачно усмехнулся:

- Самострел - это на один раз.

Братик опустил голову и шевельнул плечом.

Валерка сказал:

- Возьми мой нож.

- Давай! - обрадовано откликнулся Братик.

Валерка отстегнул от ноги чехол с метательным ножом. Примерил Братiku. Кожаные кольца были велики. Концом рапиры я проколол новые отверстия, но и это не помогло: ремни болтались на ноге у Братика.

- Давай так, - сказал Братик. Выдернул нож из чехла и сунул за пояс.

- Не поранься, - встревожено сказал Валерка.

- Не... Я буду осторожно. Я пойду?

Валерка молча кивнул. Братик ласково подержался за его локоть, попрощался со мной глазами и, не оглядываясь больше, быстро пошел через замковый двор. Строй барабанщиков распался, и они теперь пестрой толпой стояли у дальней стены.

- Идем, - сказал Валерка.

Мы прошагали вдоль галереи и через сводчатые ворота вышли на улицу.

Теперь я не был спокоен. Я все думал о Братике, и тревога не оставляла меня.

- Может быть, его подождать? Может быть, его надо охранять? И всех других...

Валерка покачал головой и медленно пошел от ворот. Я за ним.

- У барабанщиков свои дела, - сказал Валерка. - И пока ребята вместе, их никто не тронет. А когда они расходятся... Каждого ведь невозможно проводить, их больше сотни.

- А кто их может обидеть?

Валерка пожал плечами:

- Понимаешь... вроде бы никто. Барабанщиков не трогают даже в бою. Они же маленькие и без оружия. И факельщиков не трогают... Это у цеха оружейников мальчишки-факельщики... Конечно, в свалке все бывает, но нарочно никто не ударит. Это вечный закон. Даже воины Данаты не трогали маленьких.

- Да, "не трогали"! - сказал я. - А сам рассказывал, как на вас

замахнулись мечом.

- Это же была тяжелая пехота, меченосцы. Наемники. Разве это люди?.. Даната их потом разогнал, а начальника повесил на подъемном мосту.

Я нетерпеливо спросил:

- Если маленьких не трогают, чего же бояться?

Валерка сказал сумрачно:

- Однажды был бой на улицах, недалеко отсюда. Оружейники сошлись с отрядом Большого Зверя. Началась свалка... Ну, как всегда. А шестерых барабанщиков оттеснили в переулок. Когда разошлись, унесли раненых, этих барабанщиков нашли у стены. С тех пор так и говорят про это дело: "Была Стена"... Они лежали заколотые, все шестеро.

Я подумал о Братике, и стало жутковато.

- Кто их?

- Никто не знает. Предводители оружейников принесли клятву Огня, что их люди не делали этого. Такую клятву нельзя нарушить... Но тогда кто? - он взглянул на меня требовательно, словно я знал.

- И что дальше? - спросил я.

- Дальше... Барабанщики собрались в один отряд и стали вооружаться. И потребовали себе медальоны, как у взрослых. Сказали: "Раз мы рискуем, как взрослые, давайте нам знаки".

- Это такой орех на шнуре? - вспомнил я.

- Да. Есть обычай: каждый взрослый носит такой медальон.

- Зачем?

- Не знаю. Раньше этого не было...

- А Стена... далеко?

- Здесь...

Мы свернули в укрытый тенью переулок. С одной стороны стояли плоские дома с редкими темными окнами. С другой тянулась стена, сложенная из ноздреватого песчаника. Вверху она была разрушена, и гребень порос кустиками травы.

Невысоко от гранитного тротуара на железных кронштейнах горели граненые фонарики. Шесть фонариков. Небольшие, разной формы. Они висели вразброс. Желтые пятна света падали от них на песчаник.

Ни надписей, ни барельефа, только фонарики. Да еще пучки цветов, торчащие из расщелин в камне. Сухие цветы, похожие на бессмертники.

Было совсем безветренно, однако мне показалось, что фонарики тихо качаются. Может быть, от нашего дыхания?

Я шепотом спросил:

- Братик тоже был тогда барабанщиком?

- Нет. Он ушел к ним, потом, когда узнал о Стене... Думаешь, что он такой тихий и послушный? Он отчаянный.

- Он маленький, - сказал я.

Фонарики горели неярко и ровно.

- Надо идти, - напомнил Валерка.

Мы вышли из переулка и поднялись на горбатый мостик с каменными столбами по краям. На столбах блестели разбитыми стеклами четырехгранные светильники. Огня в них не было.

Глубоко под мостом черной водой журчала речка.

Валерка вдруг сказал:

- Те шестеро тоже были маленькие...

- Да... Но я не понимаю... Кто с кем сражается. За что? Кто за кого? - с досадой спросил я.

- Черт их знает! - в сердцах сказал Валерка. - Каждый за себя.

- А зачем малыши суются в эту свалку?

- Так уж повелось. Вместе с отцами сначала... А потом... Сейчас у барабанщиков и факельщиков свое дело.

- Какое?

- Я расскажу... Подожди!

Навстречу нам шеренгой шли трое. В тускло-малиновых мундирах и медных нагрудниках. Двое - в плоских касках, напоминавших тазик Дон-Кихота, третий - в широкополой шляпе, похожей на мушкетерскую. Наверно, офицер.

- Гвардейцы, - пробормотал Валерка. - Патруль. Ну, ничего, идем.

Когда между нами было шагов пять, гвардейцы остановились. Офицер коснулся шляпы, зажатой в кулаке перчаткой. Я разглядел колючие усики и

заплывшие глазки. А еще заметил, что к сапогу офицера прицеплен широкий метательный нож – такой же, как недавно был у Валерки.

– Светлый Рыцарь – Юный Трубач, Спаситель Города... – почтительно произнес командир гвардейцев – И его доблестный молодой друг, звания которого мы не знаем.

– Сколько слов... – настороженно откликнулся Валерка. – Что вы хотите?

Офицер слегка наклонился и вкрадчиво сказал:

– Мы слышали шум барабанов. Мы хотим знать, где ваш маленький храбрый брат и его друзья?

– Какое ваше дело? Каждый может ходить, где хочет.

– Конечно, Светлый Рыцарь, таков закон. Однако в это смутное время...

– Не мутите его еще больше, – резко перебил Валерка. – Дайте нам пройти!

– Разумеется, Светлый Рыцарь. Но мы хотели бы пройти с вами. В наши казармы.

– А мы не хотели бы! – громко сказал Валерка. Он сделал движение, словно думал наклониться и взять оружие. И, видимо, вспомнил, что ножа нет. Быстро оглянулся на меня.

– Вы храбрые рыцари, вы мужчины... – неопределенно отозвался офицер и положил руку на эфес тяжелой армейской шпаги. Гвардейцы сделали то же.

Мужчиной надо быть и наяву, и во сне. Даже если тебе двенадцать лет.

– Руки... – сказал я и вынул рапиру.

– Что? – не понял командир гвардейцев.

– Руки с эфесов! – повторил я и почувствовал, как внутри у меня все задрожало. Не от страха. – Уйдите с дороги!

– Юный Рыцарь, нас трое, – снисходительно сказал командир. – Отдайте оружие, сейчас не до игры.

И три острия затронули мою рубашку.

...Валерка правду говорил, слабаки они были в этом деле. Не дошла еще их фехтовальная наука до нашего уровня. Всего-то два простых захвата – и две шпаги зазвенели по мостовой. Валерка юркнул у меня под рукой и схватил оба клинка.

Два гвардейца обалдело смотрели на нас. Но командир их оказался покрепче. Отскочив, он ушел в глухую защиту, а потом сделал красивый выпад.

– Ну-ну, сеньор, вы не в театре, – сказал я. – Не надо эффектов.

Он стал тяжело скакать вокруг, демонстрируя приемы – устрашающие внешне, но довольно безобидные. Это было даже забавно. Я перестал волноваться. Чему их тут учили? Этот дядя в покоем на самовар панцире не знал даже, что такое нижний блок защит, и два раза пытался достать меня, падая на левое колено.

Мне стало весело. Отмахиваясь от грузного гвардейского начальника, я спросил у Валерки:

– Они все у вас такие бездари?

– Почти, – откликнулся Валерка. – Они привыкли нападать толпой, да и то после хорошей выпивки.

Он держал в каждой руке по шпаге и показывал безоружным гвардейцам, что лучше не соваться. Те и не совались.

– А ты говорил, что у вас не воют с детьми, – сказал я Валерке.

– У него служба такая, – не без ехидства объяснил Валерка. И попросил: – Не убивай его, он дурак.

Командир патруля уже изрядно запыхался.

– Брось оружие... Именем предначертанного будущего... – просипел он.

– Чего-чего? – спросил я и слегка ткнул рапирой в его мягкий сапог. Мой противник басовито взвыл и широко размахнулся – с явной целью снести мне своей шпагой башку. И очень удивился, почуяв у горла мой клинок.

Его рука остановилась в воздухе.

– Спокойно, – сказал я. – Вы утомились. Разожмите пальцы... Вот так. (Шпага звякнула о камни). Можете опустить руку... Хороший замах полезен в любом деле, кроме фехтования. (Это я вспомнил слова нашего тренера в спортивном клубе "Буревестник".)

Валерка подобрал шпагу командира и потянул меня за рукав – к перилам. Мы отошли. Гвардейцы потерянно смотрели на нас.

- Отдайте шпаги, Рыцари, - сумрачно сказал один. - Нас выгонят из гвардии.

- И правильно сделают, - откликнулся Валерка. - Идите торговать вареной репой.

Всегда такой спокойный и сдержанный, он был сейчас возбужден и насмешлив. Подпрыгнув, сел на широкие перила, взял за конец одну шпагу, покачал ее, как маятник, над водой и выпустил.

Шпага булькнула далеко внизу.

- Хотите добыть оружие - купайтесь, - предложил Валерка. - Правда, там глубоко и холодно.

Я стоял рядом с ним, прислонившись затылком к каменному столбу. Валеркины глаза недобро блестели. Я чувствовал, что он не просто так издевается над гвардейцами. Он сводит счеты за что-то.

Валерка не торопясь отправил в реку вторую шпагу.

Гвардейцы уныло следили за ним. Валерка взял за конец третью.

- Не надо, - сказал я. - Оставь себе. Ты без оружия.

- И верно, - спохватился он. - Пригодится... Только не привык я... - Он вдруг весело глянул на офицера. - Эй, предводитель! Хотите вашу шпагу? Меняю на нож! Видите, у меня пустой чехол... - Валерка качнул ногой.

Командир гвардейцев подумал секунду, хмуро кивнул и, медленно стибаясь, потянулся к ножу.

...Валерка успел подставить налокотник! Нож чиркнул по стали, свистнул у моего уха, оглушительно ударил в камень. Мелкие осколки впились мне в щеку. Я зажмурился на миг, а потом увидел, что Валерка бежит за гвардейцами. Он кричал что-то и мчался, держа шпагу, словно копье.

Но гвардейцы бежали быстрее. С одного сорвалась каска и, громко звеня, катилась поперек моста. Она долго дребезжала и вздрагивала, прежде чем улеглась на камнях.

Валерка, тяжело дыша, вернулся на мост.

- Они не люди, - сказал он тихо и зло. - Хуже наемников.

Я ладонью провел по щеке. На ладони остались полоски крови.

Я нашел на камне след от удара ножа. Это была ямка, похожая на воронку. Крупинки мрамора на свежем изломе искрились под луной. Я потрогал их - к пальцу прилипла белая пыль.

Отскочивший от столба нож валялся в трех шагах. Я подобрал его. Поднес к лицу. Нож был тяжелый, с медным шариком на костяной рукояти, с гравировкой из цветов и листьев на широком лезвии.

Подожел Валерка. Я протянул ему нож. Он торопливо сунул клинок в чехол, одним движением расстегнул куртку, рванул от белой рубашки лоскут. Прижал его к моей щеке.

- Да пустяки, - сказал я.

- Прости, - сказал он. - Это из-за меня.

- Ну что ты... - сказал я. И вернулся к столбу.

Опять посмотрел на ямку в мраморе.

Ощущение реальной опасности выросло во мне неожиданно и стало очень ясным. Сон это или сказка, или все по правде, я не понимал теперь, но чувствовал одно: не закрой меня Валерка стальным налокотником - и был бы конец.

И напрасно ждал бы на берегу пруда Володька своего взрослого нескладного друга.

Я оглянулся и как бы новыми глазами увидел непонятный город: квадратные и многогранные башни с флюгерами, темные арки галерей, блестящие бруски гранита на мостовой. До сих пор я смотрел на это почти как на декорацию. Сейчас это был настоящий город.

Валерка подошел и опять негромко произнес:

- Прости... Но я же говорил: это всерьез.

Он был смущен и расстроен.

А во мне заиграла радость: значит, и Валерка настоящий!

- И хорошо, что всерьез! - сказал я и поддернул перевязь с рапирой.

Мы торопились уйти от места схватки, чтобы гвардейцы не вернулись с подмогой.

Не могу точно вспомнить город – такая в нем была запутанность. Кажется, что башен было больше, чем домов, а мостиков, площадок и лестниц – больше, чем улиц.

Помню каменного льва, словно уснувшего на ступенях широкой лестницы. На спине у льва беззаботно сидел мальчишка лет восьми и грыз большой огурец. Льняные волосы мальчишки светились под луной. Ярко белела рубашка. На лестницу падала от мальчика и льва очень резкая ломаная тень.

Мальчик весело проводил нас глазами.

– Факельщик, – на ходу сказал Валерка. – Чего-то он ждет...

– Факельщик? Значит, он против барабанщиков? Он не наведет на след?

Валерка улыбнулся:

– Никогда.

Мы оказались высоко над улицей, на мостике, соединявшем две башни. Валерка остановился, ухватившись за перила. И вдруг сказал тихо, но резко:

– Надоело.

Рванул с руки налокотник и швырнул с размаху. Железо, разбивая тишину, загремело по крышам и карнизам. Валерка стянул куртку и тоже бросил. Она темной птицей улетела в глубину улиц.

– Ты что? – сказал я.

Он повернул бледное от луны лицо.

– Смотри, какой город... Хороший, да? Мы так по нему тосковали тогда... А вернулись – и что? Кругом драки, ножи из-за угла. Все с ума посходили...

– Почему напали гвардейцы?

– Не знаю, это первый раз. Они раньше не вмешивались, но недавно я почувствовал: они почему-то невзлюбили барабанщиков.

– Значит, они за тех... за других?

– Они – ни за кого. Доблестная гвардия служит только Великому Канцлеру и охраняет его особу.

– Кто такой Великий Канцлер?

Валерка усмехнулся:

– Га Ихигнор Тас-ута, Отец и Защитник Города и всех степей и гор до самого Океана.

– И этот... Отец и Защитник... он за кого?

Валерка опять усмехнулся:

– За кого... Он слишком велик. Он скорбит о раздорах и горюет о погибших. А предводители разных цехов и общин режутся, чтобы получить повыше звание в свите Великого. И все клянутся в любви к нему и к народу... А люди гибнут.

– Так какого же черта этот Канцлер, если он горюет и скорбит, не наведет порядок?

– А зачем? – с горечью произнес Валерка. – Все идет, как предписано. Сказано в Книгах Белого Кристалла, что будет время... как его... да, Эра Багровых Облаков. И будут бои, которые необходимы, чтобы победила Истина. А потом придет Время Синей Воды, и народ заживет счастливо и мирно при мудром правлении великого Га Ихигнора. А когда настанет Время Второго Рассвета, Га Ихигнор Тас-ута, сотворивший счастье, уйдет на покой, передав знаки власти юному Хозяину Света и Ветров, который еще не родился...

– Что за молитву ты прочитал? – спросил я. – Что за бред?

– Ты не знаешь еще... – откликнулся Валерка. – Это не бред. Этому верят все... Говорят, что лет двести назад Большой Звездный Мастер – самый главный ученый – сумел победить время и побывать в глубине будущего. Он записал все, что должно случиться на много веков вперед. Получились целые книги...

– Книги Белого Кристалла?

– Да... По ним можно узнать заранее, что случится в этом мире.

– Скучно так жить, – сказал я.

Валерка пожал плечами.

- Чушь какая-то, - сказал я.

- Может быть, - откликнулся Валерка. - Но понимаешь... Все, что известно заранее, в самом деле случается: битвы, пожары, открытия ученых. И хорошее, и плохое.

- Но если плохое известно заранее, можно постараться его победить! Можно предупредить несчастье! Ведь, наверно, для того и написаны книги!

Валерка вздохнул:

- Здесь говорят: "От написанного не спрячешься". И мудрый Канцлер учит жить, как велят Книги.

- Зачем?

- Ну, послушай, - как-то очень по-детски сказал Валерка. - Я же еще не взрослый, я сам не понимаю. Все это случилось без меня. Мне рассказал про это Звездный Мастер из Северной башни, мой друг... Он все знает...

Я вспомнил шесть фонариков у Стены...

- Если все известно наперед, то и про тех барабанщиков знали? Что их убьют...

Валерка вздрогнул. Глаза у него стали большие и очень темные.

- Не знаю... Я не думал, - тихо сказал он. - Ну... ведь, наверно, не о каждом написано, а только о больших событиях.

- А Стена - маленькое событие?

Он медленно опустил голову.

Потом оттолкнулся от перил и пошел к башне. И, не оглядываясь, сказал:

- Все было ясно, когда я был трубачом...

Мне стало жаль Валерку. И чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я пошел следом и спросил:

- А чего этот офицер так величал тебя: "Светлый Рыцарь... Спаситель"?

Валерка не обернулся, но я почувствовал его улыбку.

- Ну, помнишь, я рассказывал?... Когда меченосцы ворвались в крепость, я затрубил... Я все же успел, наши построились в боевые треугольники. А когда наши воины так в ставали, разбить их было нельзя. И в этот раз тоже: они сперва защищались, а потом пошли в атаку и выбили врага...

- Значит, ты спас Город...

- Так говорят...

- Выходит, ты знаменитость?

- А толку-то... - сказал Валерка.

Снова площадь. Очень ровная, покрытая шестиугольными плитами. И окружали ее не дома, а узловатые деревья, на которых, как фонарики, светились под луной желтые цветы.

Посреди площади, за круглым каменным барьерчиком, в окружении громадных медных колес и рычагов блестел большой стеклянный цилиндр с прозрачными шарами на концах. Он был подвешен на оси за середину к двум узорчатым столбам. Вся эта машина казалась ростом с двухэтажный дом, а сам цилиндр напоминал громадные песочные часы, только внутри был не песок, а вода: она тонкой струйкой бежала из верхнего шара в нижний - совсем уже полный.

- Часы? - спросил я.

- Да.

- Очень уж большие.

- Время - вещь серьезная, - сказал Валерка. - Это главные полуночные часы. Им двести лет, и они никогда не ошибаются. Их строил Большой Звездный Мастер.

Отражения луны горели на стеклянных шарах нестерпимо яркими огоньками. Я мигнул и посмотрел в сторону, на темные деревья. В глазах плавали круглые зеленые пятнышки. Но сквозь них я все равно увидел гвардейцев. Они стояли всюду, замыкая проходы между стволами. Молчаливые и неподвижные. Тускло блестели их медные шлемы.

- Смотри-ка, - шепотом сказал я.

Валерка - молодец. Он не дрогнул. Только трофейную шпагу переложил из левой руки в правую.

А меня даже замутило от предчувствия беды: их была целая рота, никакое фехтование не поможет, сомнут и скрутят. Но говорить я старался беззаботно:

- Будет свалка?

- Здесь не будет, - сказал Валерка. - На этой площади никто не смеет драться. Говорят, что Канцлер очень редко спит, а вон его окно.

И Валерка указал куда-то вверх.

Я увидел темную башню, самую высокую из всех. Под карнизом ее острой крыши неярко горел оранжевый квадрат. словно странное четырехугольное светило поднялось над площадью.

- Он там живет, этот ваш Канцлер?

Валерка кивнул.

Я на минуту забыл о гвардейцах: простая до удивления мысль словно потрянула меня.

- Послушай! Там крутые и длинные лестницы! А если однажды Канцлер поскользнется и сломает шею? Вдруг?! Ведь всякое случается! Как тогда быть с Эрой Синей Воды и всякими другими? Все предсказания полетят к чертям!

Валерка глянул удивленно.

- Ну... значит, не поскользнется и не сломает... А вот нам сейчас могут шеи сломать, если попытаемся выйти с площади.

- Чего нас сюда понесло? - с досадой спросил я.

- Мне хотелось показать тебе часы.

- Самое время для экскурсий...

Валерка подошел ко мне вплотную, грустный, но решительный.

- Не сердись, - сказал он. - Я втянул тебя в опасные дела. Но сейчас ты можешь уйти.

- Куда? - растерянно спросил я.

- Вернуться к себе.

- Как?

- Сейчас это просто. В несколько секунд. Я объясню.

- А ты? Ты можешь уйти со мной?

- Так давай!

- А Василек?

О черт же возьми! Как я не подумал!

- Тогда о чем ты говоришь, - тихо сказал я. - Как я без вас?

- Но будет кровь...

Я вдруг понял, что сейчас разревусь, как режут мальчишки от нестерпимой боли. И чтобы этого не случилось, я заговорил шепотом:

- Зачем ты так? Разве я вас бросал? Разве я когда-нибудь трусил? Я всегда... с вами... а ты...

Он почувал мои слезы. Очень растерялся и смутился. Он сунул шпагу под мышку и взял меня за локти горячими пальцами.

- Извини. Ну, пожалуйста... Просто я должен был это сказать, на всякий случай.

- Братик никогда бы так не сказал. Он умнее тебя, - буркнул я.

- Конечно, - согласился Валерка искренне и торопливо.

Я улыбнулся.

Он тоже.

- Ладно, - сказал я. - Как-нибудь отмахаемся.

Гвардейцы неподвижно, как идола, стояли среди деревьев. Но в этой неподвижности была нахальная уверенность.

- Послушай, а как я мог уйти? - спросил я. - Ты не подумай... Просто интересно.

Валерка кивнул.

- Это самый легкий переход. В ночь большого полнолуния в океане очень сильный прилив. Океан всей тяжестью бросается на берега - и такой толчок... Ну, я не могу точно рассказать. Мне это объяснял наш Звездный Мастер, но я до конца еще не понял. В общем, планета чуть-чуть вздрагивает и еле заметно сбивается с орбиты. И в пустоте сбивается, и во времени. И наше пространство на миг словно сталкивается с другими пространствами... Видишь лунные лучи?

Я пригляделся и впервые различил в лунном воздухе серебристые, тонкие, как фольга, полосы. Некоторые из них чуть заметно дрожали.

- Надо встать в поток дрожащих лучей и ждать удара, - сказал Валерка. Раздался перезвон. Негромкий, но очень настойчивый. Сразу стало ясно, что его слышно во всем Городе. Медные рычаги и зубчатые колеса пришли в движение, цилиндр перевернулся пустым шаром вниз. В этот шар ударила искрящаяся струйка. На миг пришло ко мне ясное ощущение, что я лежу на дощатом плотике, и жду Володьку. Но тут же оно исчезло. Видимо, я не стоял в пучке дрожащих лучей.

- В такие ночи самый большой прилив, - сказал Валерка.

- У нас такие дела называются научной фантастикой, - сказал я.

Валерка улыбнулся, но тут же нахмурился и совсем другим голосом произнес:

- Фантастика будет, если пробьется к дому. А пробиться надо, Василек ждет.

Мы пробились. Заранее договорившись, мы взяли наизготовку шпаги и пошли прямо на гвардейцев. Те, кто оказался позади, широкой дугой двинулись за нами.

- А мы прошли двадцать шагов и, развернувшись, бросились на преследователей. Ух, как бросились! Встречный воздух ударил меня по лицу и по ногам, словно лохматым полотенцем! Башни, казалось, падают навстречу!

Круг, в который нас замыкали гвардейцы, был широким. Враги не могли броситься на нас все сразу. К тому же те, кто оказались перед нами, стояли теперь на площади. Обычай запрещал им здесь драться.

Валерка на бегу сбил бородатого вояку. Я вытянул клинком по чьей-то медной кирасе, и рапира долго звенела, как камертон. Мы прыгнули в тень деревьев, потом промчались сквозь хрупкие кусты, проскочили две галереи и разрушенную лестницу, перелезли через кирпичную изгородь. Остановились мы на заросшем пустыре, где валялся вверх лапами каменный зверь, сбитый с пьедестала. У него была добродушная морда и поломанные перепончатые крылья. Я сел на мраморное брюхо зверя и отдышался.

Рубашка на плече была порвана. Болел ушибленный локоть. К тому же на краю пустыря я влетел в крапиву, а она, подлая, в здешнем сказочном лунном мире жалилась в точности как у нас дома.

Я сказал об этом Валерке. Он весело заметил, что если это самая большая неприятность, то жить можно. И добавил:

- Зато мы почти пришли.

12

Их дом прилепился к развалинам громадного здания, похожего на храм. В светлом небе чернели разрушенные арки и обломки колонн, а домик прятался в тени. Он был сложен из камней, взятых здесь же, на развалинах, и почти сливался со стеной храма. Только два полукруглых окошка светились, как два больших глаза.

"Небогато для Светлого Рыцаря и Спасителя Города", - подумал я.

Валерка особым образом постучал в сбитую из грубых досок дверь: раз, три раза, потом еще три...

Что-то лязгнуло, дверь, помедлив, со стоном отошла внутрь. Я увидел Братика. Он стоял у порога и держал в опущенной руке тяжелый взведенный самострел.

С мягким упреком Братик взглянул на Валерку.

- Что вы так долго? Я жду, жду...

Валерка обнял его за плечи, и мы молча вошли в дом.

В глиняных плосках горело у стен яркое пламя.

Валерка взял у Братика его оружие, вынул из желоба железную стрелу с шариком вместо острия, нажал на спуск. Тетива сорвалась с тяжелым звоном, гул заполнил комнату.

Я попросил у Валерки самострел. Это был окованный медью приклад со стальным луком, зубчатым колесом и рычагом для взвода. Крученая из жил тетива толщиной была с мой мизинец.

- Как ты заряжаешь эту штуку? - спросил я у Братика.

Он в это время запирает дверь на звякающие засовы.

Отглянулся и, смутившись отчего-то, объяснил:

- Мы каждый самострел впятером натягиваем, а потом уже берем себе.

Затем он поманил Валерку, поднялся на цыпочки и что-то зашептал ему на ухо.

Валерка рассмеялся:

- Он стесняется. Говорит, что не знает, чем кормить гостя... Это не гость, Василек.

- У... - тихонько сказал Братик и слегка толкнул Валерку в бок. Потом с лукавинкой глянул на меня и убежал за серую дерюжную занавеску. Сначала он притащил и бухнул на стол чугунный горшок - по стенкам посуды стекали капли молока. После этого принес громадный поджаристый каравай. Прижимая хлеб к майке, Братик широким Валеркиным ножом стал отрезать большие ломти. Ух как я захотел есть!

Мы поужинали за круглым столом, неизвестно как попавшим в эту лачугу (богатый был стол - с инкрустацией и витыми ножками, - только очень старый и скрипучий).

Когда ужин подходил к концу, из окна в комнату бесшумно прыгнул рыжий усатый зверь. Сел у стола, зажмурился и замурлыкал с громкостью включенной стиральной машины.

- Это Рыжик? - спросил я. - Такой вымахал?

- Ага... - сказал Братик. - У, бродяга. Опоздал, а теперь попрошайничаешь.

Он стал кормить нагулявшегося Рыжика, а мы с Валеркой легли на широкий топчан, застеленный белым войлоком. Таким же войлоком укрылись. Он был очень легкий и шелковистый.

Братик задул плошки и полез между нами.

- Ну-ка, раздвиньтесь. Все заняли, какие хитрые... - Он уже не стеснялся меня.

- Ты лягаешься во сне, - сказал Валерка. - Ложись у стенки. Тогда хоть я один буду страдать.

- Ага, у стенки... Там пауки-косиножки ходят, я их боюсь.

- Наш храбрый барабанщик...

- Подумаешь... А ты боишься с большого моста нырять.

- Ябеда, - ласково сказал Валерка.

На лежак прыгнул Рыжик, долго возился у нас в ногах, наконец устроился и заурчал.

Я зажмурился, и на миг показалось, что я в деревне у бабушки и ночью на сеновале с Алькой Головкиным и Мишкой Масловым - одноклассниками и друзьями детства. А в ногах - беспризорный, но любимый кот Жорка.

Я опять открыл глаза. И только сейчас в яркой полосе лунного света заметил на стене два рисунка. Их сделали углем на штукатурке. Слева был портрет усатого Рыжика - смешной и очень похожий. Справа и повыше - парусное судно. Хорошо нарисованный корабль, вроде испанского галеона, только с более низким корпусом. Паруса были надуты пузырями, а из-под форштевня крыльями разлетались волны.

- Кто это рисовал? - спросил я.

- Василек, - сказал Валерка. - Хорошо, да?

- Ладно тебе... - шепотом сказал Братик.

- Здорово нарисовано, - сказал я. - А я и не думал, что у вас есть такие корабли.

- Были, - со вздохом сказал Валерка. - А сейчас порт опустел, корабли гниют у причалов.

- Почему?

- Все боятся, что волны разобьют дамбы и весь берег будет затоплен...

Братик вдруг зашевелился и сказал мне тихонько:

- Знаешь, мы когда вернулись, хотели пойти в моряки. А кораблей нет.

- Но почему? Почему не чинят дамбы, зачем все бросили?

Валерка ответил с сердитой усмешкой:

- Некогда. Эра Багровых Облаков. Все воюют...

Я не помню, долго ли шел ночной разговор. Но утром я уже многое понимал. Знал, что население Города разбилось на две враждующие группы и каждая обвиняет противника в неумеренной жажде власти и нежелании работать. Вожаки хотят получить важные посты, а простые горожане бьются

кто за что: за право торговать без налогов, за право строить дома на месте развалин, за какие-то почетные звания и еще – для того, чтобы отомстить за полузабытые старинные обиды. А многие – видимо, просто по привычке и чтобы не осудили сограждане. Что поделаешь, сражения предсказаны Книгами, и даже Великий Канцлер не в силах их предотвратить.

Разбились на две партии и мальчишки. Пошли в барабанщики к старому герцогу по прозвищу Большой Зверь и в факельщики к вожакам цеха оружейников. Для них это было вроде игры – опасной и увлекательной. Сначала... Но пришлось хоронить отцов, а потом факельщики и барабанщики встречались в одной школе. Когда горе, то не до игры. А для серьезной вражды не было уже сил. Случались, конечно, бои и даже кровь, но никто не знал толком, за что дерется. А Утренняя площадь, где когда-то стояли кукольные театры и карусели, зарастала сорняками. А факелы и барабаны были слишком тяжелы... Потом случилась Стена, и кто-то из факельщиков вдруг спросил: "А наша очередь – когда?"

Их учили в школе слушаться Книг, но не все мальчишки прилежные ученики. И кто-то в первый раз начертил на доске угловатую спираль, рассеченную прямым ударом: старинный знак "преодоленного времени". Теперь этот знак приобрел другой смысл: "Разбить предсказание Белого Кристалла". Взрослые – те, кто о чем-то догадывался, – грустно смеялись: разве можно изменить законы Книг?

Но дети часто не верят взрослым...

Я узнал, что есть заговор. Вернее, план. Армии всегда идут за барабанщиками и факельщиками, и ребята решили свести оба войска на старинной улице, у крепостных ворот. Эта улица в давние времена перегораживалась железными решетками для защиты от врагов.

Мальчишки задумали пробраться в Цепную башню, где механизмы, и опустить решетки, рассечь армии на мелкие группы.

– А потом? – спросил я.

– Они не смогут драться, – сказал Братик. – И мы потребуем от всех Клятву Огня, что больше не будет боев.

– А если не дадут они клятву?

– Пусть попробуют... – сумрачно сказал Братик. И я услышал, как тревожно вздохнул Валерка.

Утром Братик убежал к барабанщикам, а мы с Валеркой прошлись по Городу. Было солнечно и мирно. Торговали лавки с овощами и рыбой. Женщины в длинных платьях тащили к речке корзины с бельем. Усатые мужчины в разноцветных рубашках и клеенчатых шляпах чинили каменную изгородь. Две крошечные девочки в клетчатых сарафанах везли на тележке бочонок с водой. Мы помогли им...

Нигде не было гвардейцев.

– Все-таки что нужно было патрулю от барабанщиков? – вспомнил я. – Может быть, узнали про заговор?

– Может быть, – хмуро сказал Валерка. – Хотя какое их дело? Они не должны вмешиваться... А в эту затею с решетками я не верю. Об одном думаю: лишь бы ничего не случилось... с ребятами, с Васильком... Ты знаешь что? Поучи меня сегодня на шпагах...

Мы вернулись домой. Почти весь день, с небольшими перерывами, среди развалин храма я учил Валерку приемам спортивного фехтования – скупым и стремительным движениям. Он здорово устал, но зато многое усвоил.

Два раза прибежал Братик. Последний раз он ушел от нас под вечер, и мы проводили его с молчаливой тревогой. Мы знали, что бой будет сегодня.

– А почему нам не пойти с барабанщиками? – спросил я.

– Мы подождем их у башни. Так будет лучше.

К Цепной башне мы пробрались через пустыри и болотистые проходы под мостами. Башня была квадратная, двухъярусная, с темно-серыми стенами. К верхнему ярусу вела наклонная галерея со ступенями. Мы взбежали по ней, встали за гранитными столбами навеса.

Под нами лежала пустая неширокая улица. Ее плоские трехэтажные дома

через каждые двадцать шагов соединялись поперек мостовой воротами. Вернее, это были не ворота, а высокие стены, прорезанные внизу широкими арками. Я знал теперь, что в толще этих стен притаились тяжелые ржавые решетки.

Солнце садилось. Оно светило вдоль улицы длинными лучами. Стены и мостовая казались красноватыми. И тихо было так, словно все в городе уже погибло.

Потом вдали ухнули барабаны.

...Вначале все шло, как было задумано. Правда, походило это не на завязку битвы, а, скорее, напоминало начало какого-то праздника.

Пестрые ряды барабанщиков появились справа от нас. За ними колыхались разноцветные знамена, красными бликами горели наконечники копий и медные шлемы.

Слева вышли шеренги мальчишек в одинаковых алых рубашках. Факельщики. Было светло, и факелы не горели. Ребята несли их на плечах, как солдаты носят карабины.

За факельщиками тоже мерцали каски, и щетинилось оружие.

Барабаны смолкли. Армии сходились в молчании. Оба войска выглядели пестро, но люди шли слаженно. Ритмичные удары шагов заполнили каменный коридор улицы.

Мне стало страшно. Показалось, что сейчас шеренги столкнутся, и начнется неудержимый бой. Мельком я взглянул на Валерку. Он стоял, стиснув себе плечи, прямой, со сжатыми губами. Неотрывно смотрел вниз, на улицу. Видимо, он тоже боялся.

Но боялись мы зря. Четко, как на параде, шеренги факельщиков и барабанщиков прошли друг сквозь друга. Затем факельщики сделали поворот направо, барабанщики – налево, и все разом кинулись к башне. Лишь несколько ребят остались между армиями и отчаянно вскинули руки, словно хотели удержать взрослых воинов.

Оба войска действительно остановились.

Мальчишки действовали слаженно. Большинство из них ухватились за руки и встали перед башней живыми цепями, в несколько рядов. А человек двадцать кинулись вверх по галерее. На ступенях загудели брошенные барабаны.

На улице нарастал шум взрослых и ребячьих голосов. Один мальчишечий голос – тонкий и отчаянно яростный – все время повторял:

– Стойте! Не смейте! Не смейте!

Те, кто ворвался на галерею, поравнялись с нами. Все происходило так быстро! Мы с Валеркой увидели Братика, рванулись к нему и вместе вбежали в сводчатый коридор.

Сначала была полная мгла, но очень скоро зажглись факелы. Двое мальчиков в алых рубашках проскочили вперед и освещали дорогу.

Коридор вывел на квадратную площадку, а от нее кругами уходила вверх широкая лестница. Наш бег был молчалив и стремителен. Только гулкий топот разносился среди стен. Один из факельщиков поскользнулся и упал. Толпа могла налететь сзади, но Валерка успел подхватить и поставить мальчишку. Тот благодарно улыбнулся и, сильно хромя, побежал дальше. Он не выпустил горящий факел.

Лестница кончилась, и мы высыпали в просторную сводчатую комнату, где было очень светло.

Горели развешанные по стенам фонари (кто их зажег?). Я увидел зубчатые барабаны и громадные деревянные катушки с намотанными цепями.

И тут же я увидел гвардейцев.

Они стояли всюду, у каждого барабана, в глубоких оконных нишах, на каменных выступах и бревенчатых балках. Поверх малиновых мундиров на гвардейцах красовались золоченые наплечники и желтые панцири из тисненой кожи. А на головах – клеенчатые шапочки с черными перьями. Каждый держал легкую трехгранную рапиру...

Стало тихо-тихо. Я вдруг почувствовал, что здесь очень холодно и пахнет гнилым деревом. И услышал частое дыхание ребят. Никто не ждал, что здесь будет охрана: мы натолкнулись на засаду, как волна на стенку. Никто, наверно, не испугался, просто растерялись.

Просто никто не знал, что теперь делать.

Темноволосый курчавый мальчик, которому только что помог Валерка,

вдруг подскочил к барабану с цепями и рукоятью факела ударил деревянный клин, торчавший между зубьями шестерни. Клин не шевельнулся. Стоявший рядом гвардеец, как-то механически поднял кулак в желтой очень короткой перчатке и опустил на голову мальчишки. Факельщик беззвучно упал, скорчился на кирпичном полу, подтянув к подбородку ободранные коленки.

Я прыгнул и как бы со стороны услышал свист своей рапиры. Удар пришелся по запястью гвардейца. Тот молча открыл рот и, сгибаясь, прижал к животу раненую кисть.

В это время по другому ходу ворвался отряд: ребята лет шестнадцати с тонкими, словно удочки, копьями. Впереди был паренек – смуглый, с длинными желтыми волосами, в медной кирасе на кожаной куртке.

Он крикнул очень звонко:

– Прочь от машин, солдаты!

Бородатый гвардеец с лиловым шарфом поверх нагрудника неторопливо взял с кирпичного уступа взведенный самострел и нажал спуск. Стальной стержень гулко ударил по кирасе и остался торчать в нем. Паренек стал падать – очень медленно, – и все в тишине смотрели, как он падает. Потом рванулся яростный крик, копья полетели в гвардейцев. Люди смешались, и тонкие рапиры замелькали в свете фонарей, как большие вязальные спицы.

Нечего было и думать о решетках. Гвардейцы вмиг оттеснили нас к выходу. Мы с Валеркой встали рядом и отчаянно крестили воздух клинками, пока ребята уходили на лестницу и в коридор. Братик держался за нами. Рубашку с него сорвали в схватке, и теперь он, щуплый, тонкорукый, в своей выцветшей маечке, казался особенно маленьким и беззащитным.

– Уходи! – крикнул Валерка.

Братик прикусил губу и помотал головой. Он сжимал Валеркин нож, совершенно бесполезный в таком бою.

Два барабанщика подхватили и унесли мальчика-факельщика, которого сбил гвардеец.

Я думал, что охрана отгонит нас от механизмов и не будет преследовать. Однако гвардейцы наседали и пытались схватить ребят. У двоих я вышиб клинки, троим основательно поцарапал рожи. Валерка держался рядом, не отходил ни на полшага. Он был молодец. Я видел, как он заставил отступить рослого пузатого гвардейца. Тот откинулся и сбил еще одного.

Тогда вперед протолкался бородатый с шарфом. Он криво улыбался черным открытым ртом и крутил рапирой хитрые финты. Из-за него тупо лез другой – белобрысый и прыщеватый.

Валерка ткнул прыщеватого в плечо, но клинок скользнул по металлу.

– Отходите! – крикнул я и махнул левой рукой. "Туда, назад!" Неосторожно повернулся – и клинок бородатого чиркнул меня по ребрам.

Боли почти не было, но я сразу ощутил, как намокла рубашка. Прижал к ране левый локоть. Бородатый замахнулся. Ударом снизу я рассек ему на локте рукав. Гвардеец качнулся и отступил.

В этот миг я услышал, что Братик негромко вскрикнул.

Я оглянулся. Братик жалобно улыбался. Под ключицей у него, рядом с перекрученной лямочкой майки было треугольное черное отверстие. Сначала – черное. Но тут же оно налилось словно ярко-красным соком. Тяжелый шарик крови выкатился из него и побежал под майку, потянув за собой алую полоску. Братик растерянно посмотрел на Валерку и прислонился к нему. Валерка заплакал и подхватил его на руки, уронив шпагу.

– Сволочи, – сказал он.

Видимо, прошло всего две-три секунды. Когда я повернулся к гвардейцам, они стояли на тех же местах, и бородатый держался за локоть. Я схватил Валеркину шпагу и с двумя клинками рванулся по ступеням. Я что-то кричал от ярости и отчаянья.

Не знаю, может ли быть страшным вострепанный двенадцатилетний мальчишка, даже со шпагами в руках. Но гвардейцы отступили, откатились вниз по лестнице. Я, пятась, вернулся к Валерке и Братику. Сердце колотилось сильно, беспорядочно и словно не в груди, а где-то в горле. Я переглатывал и кашлял.

– Уходим, быстро...

Мы оказались в темном коридоре. Нас не преследовали. Мы не стали спускаться по галерее. Валерка с Братиком на руках свернул в незаметную

боковую дверь, и мы вышли на висячий мостик.

Теплый воздух сразу охватил нас. Были синие сумерки: солнце уже село. Из-за крыши торчала половинка розовой чудовищно большой луны. С улицы не доносилось ни звука. Но все это я отметил мельком, между прочим. Одна мысль, одна тревога была сейчас: что с Братиком?

Он висел на руках у Валерки, расслабив руки и ноги. Только голову старался не ронять, прислонил ее к плечу брата. Он по-прежнему слабо улыбался, но глаза его были закрыты.

- Очень больно, Василек? - спросил Валерка и коротко всхлипнул.

Не открывая глаз, Братик сказал:

- Не очень... Только жжет.

Мне показалось, что губы у него сухие, и он их с трудом расклеивает.

Кровь, кажется, больше не текла. Ее подсохший след на плече казался очень черным.

- Надо... перевязать... - сказал я.

Говорил я отрывисто, в промежутках между прыгающими ударами сердца.

- Здесь негде. Спустимся, - ответил Валерка.

Мы сошли по железным ступеням и оказались у знакомого фонтана с каменными рыбами, рядом с крепостной стеной. Положили Братика на край бассейна. Бассейн был сух, нечем промыть рану.

- Все равно... - сказал я. - Это временная перевязка... Все равно надо врача... В этом идиотском городе есть врачи, или только дураки и убийцы?

- Надо к Мастеру, - откликнулся Валерка. - Звездный Мастер вылечит, он знает все.

Валерка уже справился с собой. Говорил решительно. Оторвал от своей рубашки рукав, разодрал не полосы, осторожно положил бинт на черный запекшийся след рапиры.

- Больно, Василек?

Братик разлепил губы:

- Не-а... Только пить...

- Сейчас, сейчас...

Обдирая локти о камень, он подsunул Братику руки под шею и под колени, поднял его снова. И пошел. А я за ним, с двумя шпагами на изготовку. Я охранял Валерку и Братика. Но не знаю, как бы я стал драться, если бы встретил врагов. Меня шатало.

14

Шли мы недолго. Но за это время луна посветлела, выкатилась на середину неба, и все, как прошлой ночью, стало ярко-голубым.

Башня Звездного Мастера стояла в глубине заросшего двора. Высоко-высоко светилось окошко, и так же высоко была дверь. К ней вели каменные ступени.

Валерка совсем вымотался и у подножья лестницы молча прислонился к стене.

- Давай, - сказал я и бросил в траву клинки.

Валерка не мог даже спорить. Молча передал мне Братика.

Братик спал или был без сознания. Он оказался вдруг очень тяжелым. Я ступал осторожно. Лестница была совсем старой: на ступенях были вытерты ногами глубокие круглые впадины.

...Потом как бы качнулась навстречу освещенная комната. Высокий человек в каком-то нелепом свитере до колен подхватил у меня Братика. Это был старый человек, с редкими седыми прядями, дряблыми щеками и жалостливым взглядом.

- Маленький мой... - сказал он.

Сзади зазвенело: Валерка бросил на пол наши шпаги.

Мы положили Братика на широкую постель, в беспорядке заваленную пестрыми одеялами. Мастер, сокрушенно бормоча, размотал повязку. Потом он кривыми ножницами перестриг лямки у майки, стянул ее вниз.

Не открывая глаз, Братик негромко застонал.

- Полминутки потерпи, малыш, - прошептал Мастер.

Я увидел у него в ладонях мясистый лист какого-то растения. Мастер

ногтями содрал с листа кожицу, и заискрилась жидкая изумрудная мякоть. Этой мякотью Мастер положил лист на запекшуюся ранку. Затем, не бинтуя Братика, укрыл его по самый подбородок одеялом. Но прежде чем он сделал это, я заметил на другом, нераненом плече Братика натертую полоску. И понял: от перевязи барабана... Барабаны были слишком тяжелы, а ребята-барабанщики все же носили их. Тянули свою лямку маленьких солдат. Солдат, которые дрались против войны.

Я услышал укоризненный голос Мастера:

- Разве мальчики могут изменить предначертанное будущее?..

Ну, конечно! Мальчики ничего не могут! Они тянут свою лямку, пока взрослые делают глупости! Лишь падать - и умирать они могут, как большие... И не только в сказке...

Я увидел умоляющие Валеркины глаза.

- Он поправится? - прошептал Валерка.

- К утру, - ласково сказал Мастер. - Если не будет воспаления. Но отчего ему быть? Воспаление бывает у старых и нездоровых людей...

- Он просил пить, - вспомнил я.

- Теперь ему и так хорошо, - успокоил Мастер.

Братик дышал легко, лицо его порозовело.

Валерка сидел на краю постели, положив на колени кулаки. Глядя в стенку, он сказал:

- Все равно я найду того прыщавого...

- Разве это он ранил? - спросил я.

- Конечно. Ты не видел?

Я не видел. Я тогда... Что я тогда? Ага, я зажимал локтем раненый бок... Черт, я и забыл о ране! Саднящая боль была все время, но я привык и не думал о ней. А, вот в чем дело: ткань присохла и остановила кровь...

- Посмотрите у меня, - сказал я Мастеру.

...Ух, как больно отдирается рубашка. Ничего, Братiku было больнее. А вот и лист... Мокрый, прохладный. Влажный холод словно втягивает в себя боль, растворяет ее. Вот уже совсем хорошо. Даже усталость поубавилась.

Значит, и Братiku так же хорошо? Тогда все в порядке...

Я сел на низкий треугольный табурет, привалился спиной к холодной стене. Осмотрелся наконец.

Высокая комната, яркие свечи в настенных светильниках. Стены голые, из песчаника (как та стена с фонариками!), под потолком - скелет крылатого ящера. Неструганный стол, на нем приборы, похожие на старинные штурманские инструменты в Музее флота в Ленинграде.

Мастер сдвинул инструменты на край, принес на стол горшок и глиняные кружки.

- Поешьте, рыцари, - сказал он. Слово "рыцари" прозвучало с грустной насмешкой.

В кружках был сладкий молочный кисель, он пах степной травой.

Мастер смотрел на нас голубыми слезящимися глазами. Только сейчас я понял, что он очень-очень старый. У него были тонкие коричневые пальцы с узловатыми суставами, сухая кожа на руках. Пальцы слегка дрожали, когда Мастер брал свою кружку.

- Когда кончатся эти багровые времена? - горько сказал он. - Когда Великий Канцлер перестанет печалиться о страдающих детях?

Я не смог сдержать раздражения:

- Если он такой добрый, этот ваш Канцлер, зачем он позволяет литься крови?

- Он не добрый и не злой, - сказал Мастер. - Он неизбежный. Как и все в этом мире.

- Ну, неужели все-все у вас расписано наперед? Легенда о Большом Мастере - это правда?

Мастер кивнул:

- Все правда. Он проник сквозь Время и составил Книги... Не знаю, может быть, это была ошибка. Зачем каждому человеку заранее знать свою судьбу?

- Каждому? - не поверил я. - Но разве можно описать судьбу всех людей за несколько веков? С этим не справится и тысяча ученых.

- Ему помогал Белый Кристалл, - грустно сказал Мастер. - Большой

Белый Кристалл, который все знал и все помнил. Он таял, пока писались книги. А когда был закончен великий труд, Кристалл рассыпался в пыль.

Пока мы говорили, Валерка смотрел то на меня, то на Мастера тревожными глазами. Наконец он спросил:

- Но разве каждый человек знает свое будущее?

- Если хочет. И если он взрослый. Взрослые получают у Канцлера знак совершеннолетия. В нем записано все. Не всякий только может прочитать, но Мастер, если попросят, может. В каждом знаке - пыль Белого Кристалла.

Я увидел, как Валерка побледнел. Он медленно встал и, оглядываясь на Мастера, пошел к Братiku. "Не надо", - хотел сказать я, но почему-то не смог. Валерка откинул на Братике одеяло, осторожно сунул пальцы в карман его сбившихся штанишек. Еще раз оглянулся и вытянул на свет медальон.

Коричневый орех закачался на белом шнурке.

- Этот? - шепотом спросил Валерка.

Старик потянул к медальону дрожащие пальцы.

"Не надо", - снова хотел сказать я. Но неизвестность была бы слишком мучительна. Вдруг тайные знаки говорят о чем-то страшном?

Да нет, чебуха! Братик - маленький. Он будет жить долго-долго. Сейчас Мастер прочтает и скажет, что все хорошо...

Мастер надавил орех ногтем, и тот раскрылся, как старинные часы. Я мельком увидел внутри что-то черное и в этом черном блестящие красные точки - словно вмазанные в смолу рубинчики от часов. Странно: ведь Кристалл-то белый. Мастер, морща лоб, долго смотрел на них, а мы не дышали. Потом он, пряча глаза, положил на раскрытый медальон пальцы - как слепой, читающий на ощупь. Еще посидел и негромко сказал...

Что он сказал?!

Он прошептал, глядя в сторону:

- Бедный ты мой...

- Что?! - крикнул я.

Мастер мелко затряс головой, а орех упал на пол, захлопнулся и укатился под стол.

- Там сказано, что убит сегодня, - однотонным голосом сообщил старик.

- Какая чушь! - со смехом сказал я. И оборвал смех под Валеркиным взглядом.

Валерка попятился к постели, словно хотел загородить Братика от беды.

- Он же не убит, - сказал Валерка. - Он просто спит. Видите?! Он спит!..

- "Сегодня" еще не кончилось, - горько возразил Мастер. Он, сутулясь, подошел к Братiku, приподнял на его плече влажный лист. Даже издали, от стола, я увидел, что вокруг ранки растеклась большая розовая опухоль. Мастер осторожно положил лист.

- Черное воспаление, - пробормотал он. - Через час начнется горячка.

Он сел, нагнув голову, обхватил затылок.

Я чувствовал отвратительную слабость и не мог даже встать с табурета. Я только спросил:

- Неужели ничего нельзя сделать?

Мастер молча покачал головой.

Валерка как-то страшно сник и потемнел лицом. Он поверил. А я? Я тоже поверил. Здесь были свои законы.

Здесь...

- Переход! - вспомнил я. - Валерка, переход! Уйдем к нам! У нас такие врачи!

- Переход бывает в полночь, - тихо сказал Валерка. - А до полуночи он...

А до полуночи Братик умрет! Сегодня! Скоро...

Мне показалось, что он уже умер. Я рванулся к постели. Нет, он дышал, и довольно спокойно, только опять побледнел, и на губах появилась белая корочка.

- Сделайте же что-нибудь... - шепотом сказал Валерка.

- Сделайте же что-нибудь! - заорал я на Мастера. - Нельзя же так! Из-за какого-то ореха!!

У Мастера опять затряслась голова.

- Не из-за ореха... Из-за предназначения...

- Из-за предр... прен... Тьфу! Какого дьявола? Слушайте. Не может

этого быть!

Мастер, не мигая, смотрел слезящимися глазами.

- Может... Есть...

- Что есть?! Про себя вы тоже знаете, когда помрете?

Он продолжал трясти головой.

- Через четыре года и три дня... Скорее всего, в День большого наводнения. Океан прорвет дамбы.

- А вы знаете, что прорвет, и ждете, как кролики! Надо чинить дамбы, а не резню устраивать!

- Резня... Такое время. Даже Канцлер бессилён...

- Гад ваш Канцлер, - сказал я. - А вы...

Я начал его ненавидеть. За дурацкую упрямую покорность, за беспомощность, за то, что не может помочь Братику... За то, что стены в его комнате из такого же камня, как Стена!

- Вы врете! - сказал я. - Вы не понимаете! А если до наводнения вы свалитесь с лестницы? Или подавитесь косточкой от сливы? Или этот дурацкий скелет грохнется вниз и пробьет вам голову? Тогда к чертям полетят все предсказания! Тогда все посыплется, как домик из спичек!

Он покорно кивнул:

- Посыпалось бы... Но не посыплется. Потому что никто не может разбить предначертание. То, что должно случиться, уже случилось в будущем, и никто не в силах это изменить.

Братик сзади чуть слышно забормотал. Я оглянулся. Валерка лежал головой на ногах у Братика, а в руке держал его ладонь.

Я не мог смотреть на это, опустил глаза. На полу, у постели, валялась моя рапира.

Я медленно повернулся к Мастеру.

- Никто не может изменить пред... начертанье, - хриловато повторил я. - Да? А если...

Он понял. Он выпрямился. На щетинистом подбородке у него блестела капля молочного киселя. И все-таки он был не противный, а даже красивый, только совсем древний.

- Сделай это, Светлый Рыцарь, - негромко сказал он. - Я пробовал сам, я не сумел... Убей, если можешь.

Я не мог. Но теперь я отчетливо знал, как поступить.

- Валерка! - громко позвал я.

Он поднял мокрое лицо.

- Ничего, - сказал я. - Ты не думай, что все... Ты же звал меня не зря. До полуночи есть время. - И поднял рапиру.

Он смотрел на меня с надеждой. Ни до этого, ни после я не видел глаз, в которых была бы такая отчаянная надежда.

15

Я шел по пустым голубым улицам и неотрывно смотрел на самую большую башню. Там, высоко над крышами, светилось оранжевое квадратное окно - недремлющее око Отца и Защитника Города и всех степей и гор до самого Океана.

"Защитник"... А кто защитил Братика? И того мальчишку-факельщика, сбитого кулаком бородатого солдафона? И того паренька, убитого железной стрелой?

Где ты был, Га Ихигнор Тас-ута, Великий Канцлер, когда шесть барабанщиков легли у Стены? За что они погибли? Кто этого хотел?

Я ничем не могу помочь тем шестерым. Не могу их вернуть, тут бессильна любая сказка. Только фонарики горят... То слабее, то ярче... Фонарики...

Не знал я этих ребят, но мне кажется почему-то, что все они были похожи на Володьку. На моего Володьку, который сейчас далеко-далеко от меня - за сотни лет и неизвестно за сколько километров. Может быть, и не были похожи, но мне кажется... как он сползает по стене и валится вниз лицом... Или это Братик?... Фонарики...

Не хочу, чтобы горел еще один!

Не хочу!!

...Думаете, я стискивал кулаки или плакал? Нет, я спокойно шел через площади и мосты. По крайней мере, внешне был спокойным. Все отчаянье и тоска, весь страх за Братика свернулись во мне в тугую пружину и превратились в решимость. У входа в башню Канцлера чадили факелы и толпились гвардейцы. Видимо, я держался вполне уверенно – они посмотрели вслед и даже не окликнули, когда я вошел внутрь.

Я оказался в мраморном вестибюле. Здесь тоже были гвардейцы, а у лестницы стоял офицер с лиловой перевязью.

– Великий Канцлер ожидает меня, – решительно сказал я.

Офицер удивленно поднял брови и посторонился.

Может быть, эти гвардейцы ничего не знали про меня, а может быть, знали, но думали, что я не опасен для Канцлера. В самом деле: что такое забияка-мальчишка для могучего правителя, которому суждено жить до Зры Второго Рассвета?

Я стал подниматься по светлой лестнице, звеня рапирой о ступени.

"Светлый Рыцарь... Мастер клинка", – запоздало заговорили сзади. Но никто не пошел следом.

Лестница была очень длинной. Наконец она привела меня к высокой двери из простых темных досок. Я потянул медную скобу. Дверь отошла бесшумно, я шагнул через порог и прикрыл ее за собой.

В просторной комнате горела, как звездочка, лишь одна свеча, но было светло: в окна падали яркие голубые лучи. Окна были узкие и высокие. Видимо, квадратное окно находилось выше и светило просто так.

В глубине комнаты качнулась тяжелая портьера, и вышел на свет высокий костлявый человек. Он был в черном костюме (как у Валерки в первый день, только без налокотника). Я разглядел его лицо: очень узкое, с плотными губами и хрящеватым носом. Гладкие короткие волосы плотно прижимались к голове. Они были седые или выглядели такими из-за луны. Бровей почти не было, а круглые глаза напоминали глаза птицы.

Я вздрогнул, но обрадовался. Ведь враг мог бы оказаться вполне симпатичным и добродушным на вид. Все тогда было бы труднее.

Но этот был таким, как я ожидал.

– Вы – Канцлер? – сказал я.

Он не возмущился и не удивился. Улыбнулся. Странно выглядит лицо, которое старается казаться добрым, хотя не приспособлено к этому.

– Да, я Канцлер. – Голос у него был сипловатый, но громкий. – А вы – Светлый Рыцарь, друг нашего славного Трубача...

Знает! Тем лучше.

Я переглотнул и спросил:

– У вас есть шпага?

Глупый был вопрос. На стенах в лунном свете блестело множество разных клинков.

Канцлер, все улыбаясь, спросил:

– Мастеру клинка понадобилось новое оружие? После того, как он потрепал в схватках стольких доблестных гвардейцев...

– Оно понадобилось вам, – перебил я. – Возьмите шпагу, Канцлер.

– Зачем? – весело удивился он.

– Чтобы защищаться... Я вас убью.

Что-то дрогнуло у него в лице. Но улыбка не сошла. Он качнулся вперед, словно стараясь разглядеть меня получше. И, увидев, что я не шучу, снисходительно объяснил:

– Меня нельзя убить. В Книгах сказано, что...

– Плевал я на ваши книги! Они меня не касаются, я не ваш!

Он опять качнулся вперед. Перестал улыбаться и скрестил руки.

– Да... – произнес он. – Книги говорят и об этом... К сожалению, старый язык тяжел и не всегда ясен. Мы не поняли, нам казалось, что ты обьявишься среди барабанщиков...

– Вот как... – тихо сказал я. – И потому была Стена?

Он отшатнулся.

– Опомнись, Рыцарь... – Это прозвучало вроде бы искренне. Но в глазах его скользнула боязнь, и теперь я знал точно: лжет Канцлер.

– Возьмите шпагу, – почти шепотом произнес я. – Возьмите шпагу или... как там у вас?... Клянусь Огнем, я вас убью безоружного.

– Убить того, кто не защищается, – невелика честь.

- Те шестеро... - сбивчиво сказал я, - у Стены... Они защищались?
- Опомнись... - опять начал он, но вдруг замолчал, нехотя шагнул к простенку и снял блестящий тонкий палаш. Сбросил на пол куртку.

- Я - лучший фехтовальщик в Городе, - сказал он без хвастовства и даже как-то грустно.

- И прекрасно.

Он чиркнул по воздуху и срубил несколько кистей у портьеры. Кисти мягко стукнули об пол.

- Прямо кино, - сказал я.

- Не понимаю...

- Естественно.

- Сколько вам лет, Рыцарь?

- Двенадцать.

- Это неправда.

- Правда. Мне всегда было и будет двенадцать.

- Было... Но не будет, если ты сейчас не уйдешь, - возразил он с неожиданной злобой.

- Я не уйду. Может, начнем? Мне некогда. У меня из-за вас... умирает братик.

Я впервые так сказал - "братик". Не с большой буквы, а как о собственном братишке. Мгновенная режущая тоска ударила по сердцу. Чего я жду?

И я напал на Канцлера.

Он дрался здорово! Куда там его увальням-гвардейцам! К тому же он был просто здоровее, сильнее меня в десять раз. А у меня сразу отклеился от раны целебный лист, и по боку опять потекло. Ну, черт с ним! Лишь бы не помешали.

Да, Канцлер здорово дрался. Сперва я даже подумал, что все, крышка. Но он давил меня лишь за счет быстроты и силы. Техника его была бедновата, и, наконец, в контратаке я здорово поранил ему правую руку.

- Что насчет этого говорят Книги? - спросил я, стараясь отдышаться.

Он быстро переложил клинок в левую руку. Я тоже - мне было все равно.

- Меня можно только ранить, - свистящим голосом сказал Канцлер. - Только ранить. Понял?

Он как-то сразу и сильно устал. Я тоже, но он больше. Я прижал его к стене напротив окон. Он стоял на свету - сутулый, с полуопущенным палашом и шумно дышал открытым ртом. Я не мог убить его, он был беспомощен. В схватке, споряча - другое дело. А сейчас...

А Братик? Я вспомнил его спекшиеся губы. И отчаянный взгляд Валерки... И опять - фонарики у Стены. Такие спокойные, будто просто так горят...

- Зачем тебе убивать меня? - спросил Канцлер.

- Чтобы разрушить ваше подлое "предначертанное будущее". Чтобы братик мой жил!

- Разве я виноват? Не я писал Книги!

- Ты не писал! Ты только учишь жить по ним! Пускай люди режут друг друга! Пускай мальчишек убивают, как кроликов! Жестяной фонарик - не велик расход для казны! Да, Канцлер?

Он, не отрывая от меня взгляда, медленно скользил вдоль стены - к двери. К спасительной двери!

Я прыгнул и загородил выход. Он спиной оттолкнулся от стены.

- Ты глупец, - медленно сказал он. - Один мальчишка не может изменить мир.

- Это ты дурак, - сказал я. - Разве я один? Я один из многих. Знаешь, сколько дралось сегодня в Цепной башне? Тебя скоро все равно прихлопнули бы, Канцлер. Просто мне надо успеть до полуночи.

- Твой брат все равно умрет.

- Врешь!!

- Не вру!!

Зря он это. Себе сделал хуже. Я сжал рукоять.

Канцлер впился в меня круглыми глазами.

На миг я словно поменялся с ним местами. Я ощутил то, что чувствовал он. В нем вырастал отчаянный страх. Потому что творилось непостижимое: из чужого мира пришел неведомый враг, и грозил разрушить все, что

казалось таким ясным, известным заранее. Вопреки всем законам, враг грозил ему, Канцлеру, смертью!

Стереть, уничтожить этого врага! Чтобы все опять стало прочным, покорным предсказаниям Белого Кристалла! Убить, не медля ни мгновения!

Я понял, что сейчас Канцлер кинется на меня. И в тот же миг он с нацеленным палахом в отчаянном броске пересек комнату.

Я не успел защититься. Лишь откинул тело в сторону и назад. Плоское лезвие прошло у моей груди и вдоль отброшенной правой руки. Острие было поднято. Канцлер так и наделся на него – рапира вошла ему под ребра и выскочила между лопаток.

Я отпустил рукоять и отпрыгнул. Канцлер выпрямился, слегка выгнулся назад и посмотрел мимо меня удивительно спокойными глазами. Он не выпустил оружия. Он прочно сжимал эфес, а отточенный конец палаша смотрел вперед и шевелился, словно отыскивая цель.

Страх, что я безоружен перед Канцлером, сбил у меня все мысли и чувства. Я ухватился за рапиру двумя руками и отчаянно рванул на себя. Отлетел с ней к дверям. Канцлер постоял секунду и, не согнув коленей, с деревянным стуком упал вниз лицом.

Видимо, он умер сразу. Скорее всего, раньше, чем упал. Но тогда я этого не понял. Я стоял и смотрел на Канцлера и видел его худую спину, покрытую широкой лунной полосой – эта полоса протянулась от окна. На белой рубашке Канцлера было маленькое рваное отверстие с загнутыми вверх клочками ткани по краям. Вокруг набухало на полотне темное пятно, однако отверстие выделялось четко...

Мне было жутко до тошноты. Какая-то каша отчаянных мыслей и страхов. Но самый главный страх – такой: вдруг Канцлер зашевелится? Что же тогда делать? Для последнего удара не поднялась бы рука. А уйти, не убедившись, что противник убит, я не мог. И взять за руку или повернуть вверх лицом тоже не мог, не решался. Не знаю, сколько времени я так стоял. Потом пришло ясное ощущение, что лежащая на полу фигура не имеет ничего общего с жизнью.

Я с облегчением вздохнул и отодвинулся к окну. Морщась, вытер портьерой клинок. Затем, далеко обойдя Канцлера, подошел к двери.

Я готов был с боем пробиваться на свободу, но лестница оказалась пуста. Только внизу, у выхода, стояли два часовых и незнакомый офицер. Он молча коснулся перчаткой шляпы.

Мне показалось, что на улице стоит ласковое тепло: словно луна грела, как солнце. И я опять ощутил запах шелковистой степной травы. Кружилась голова, сильно болел бок, и ноги были слабые. Но я испытывал огромное облегчение.

Теперь все. Все!

Может быть, случатся еще битвы и кровь, наводнения и пожары, но Братик мой будет жить. Я порвал проклятую цепь...

Я брел и улыбался. Недалеко от фонтана с каменными рыбами до меня донесся перезвон Главных часов. Полночь.

– Все... – снова сказал я.

И тут же страшная и простая мысль словно пригвоздила меня к месту: "А если он все-таки умер?"

Как я бежал! Шарахались редкие прохожие, обалдело посмотрел вслед гвардейский патруль.

"А если он все-таки умер! Ведь он мог умереть не из-за предсказания, а просто от раны!"

Всхлипывая и задыхаясь, я прорвался в комнату. И сразу увидел изумленно-счастливые Валеркины глаза.

...Потом уже я увидел все остальное: что Братик дышит ровно и нет на его губах белой плесени; что Мастер безмерно удивлен и суетлив (он возился с компрессом); что медальон раздавлен на полу – видимо, на него случайно наступили.

Но сначала – Валеркины глаза. И этого было достаточно.

Чтобы удержать слезы, я прикусил губу, а потом грубовато сказал:

– Залепите мне рану, Мастер.

Он закивал и, продолжая счастливо суетиться, встал на табурет, потянулся к полке. Табурет качнулся.

- Не упадите, Мастер, - сказал я. - Будьте осторожны. Всегда будьте осторожны... - Я понимал, что говорю не то, но не мог остановиться, иначе бы заплакал. - Не думайте, Мастер, что с вами ничего не может случиться до большого наводнения. Не очень верьте Книгам Белого Кристалла. А то Канцлер верил, и вот...

Сильно закружилась голова, и я уронил рапиру. Острие легло к моим ногам, а рукоять с выпуклым щитком покатилась по дуге, словно рапира хотела замкнуть меня в окружность, где радиус - клинок. Я торопливо переступил эту черту...

Постель у Мастера была одна, и меня положили рядом с Братиком. Я слышал, как он дышит. Валерка сидел у нас в ногах и молчал.

Мастер погасил свечи и лег на узкой скамье у двери.

Еще помню, что в окно заглянула луна, и я наконец увидел, что это обычная земная Луна со знакомыми пятнами равнин и гор.

16

Я проспал почти до полудня. Когда проснулся, солнце горело на стеклах и медных дугах у развешанных по стенам инструментов. Братик, скрестив ноги, сидел на столе и большой иглой чинил свою майку, пострадавшую от ножниц Мастера. Он сразу встретился со мной глазами и улыбнулся. На его плече белел наклеенный кусочек ткани.

- Болит плечо, Василек? - спросил я.

Братик опять улыбнулся:

- Не-а... Только палец болит истыканный.

Он неумело откусил нитку и объяснил:

- Я давно шью. Я тебе рубашку зашил.

Рубашка, отмытая от крови и заштопанная крупными стежками, лежала на табурете.

Я скосил глаза на свой голый бок. Там был заросший розовый рубец, похожий на вытянутую букву "S". Ай да Мастер!

Братик стал натягивать майку и поморщился: видимо, плечо все-таки побаливало. Потом он спрыгнул со стола, подошел, сел на краешек постели. Осторожно тронул мой шрам. Глянул тревожно, шепотом спросил:

- Страшно было?

Недавняя ночь как бы придвинулась вплотную.

- Страшно, - сказал я. - Но теперь уже все.

- Уже все, - серьезно согласился он.

Я потрянул головой, прогоняя воспоминанье. Потянулся и сел. Ни усталости, ни боли! Мышцы - как тугие струны!

- Где Валерка? Где Мастер?

- Валерка в Городе, - беззаботно откликнулся Братик. - Мастер внизу, у очага, варит овсянку. - Он вдруг смешно сморщил нос и признался. - Я ее не люблю.

- Валерка в Городе? - с беспокойством переспросил я.

- Да ничего, - успокоил Братик. - Он теперь тоже Мастер клинка.

Но я уже был на ногах и глазами искал рапиру.

В это время Валерка ворвался в дверь. Он был злой и очень веселый. Зазвенела в углу брошенная им шпага.

- Гвардейцы заперлись в башне и голося по Канцлеру, как древние плакальщицы, - сообщил он. - Но того прыщавого я нашел! - Он встретил мой взгляд и торопливо объяснил. - Да нет, я просто заставил его прыгнуть со Стены в старое болото, а там - как знает. Хотя Стена высокая, а внизу трясина...

Я не улыбнулся. "Гвардейцы голосят..." Я как наяву увидел распластанное на полу тело, продранную на спине рубашку. Ни о чем я не жалел, и совесть меня не мучила. Просто стало не по себе.

У Валерки сошла улыбка и потемнели глаза. Он вдруг подошел вплотную, положил мне на плечи ладони. Лбом коснулся моего лба.

- Прости, - сказал он тихонько. - Я обалдел от радости. Сколько миллиардов раз я должен сказать тебе спасибо...

- Да ладно... - совершенно растерявшись, пробормотал я. - Ну, ты

чего... Лучше расскажи, что в Городе.

Он отодвинулся, помолчал, потом сразу повеселел и ответил с облегчением:

- В Городе кавардак. Большой Зверь объявил себя верховным правителем. Предводители оружейников обозвали его самозванцем. Поднялся крик, начальники хотели устроить сражение. Но многие люди сказали: "Канцлера нет, значит, Книги лгут. Деритесь сами". Больше сотни человек побросали у Главных часов копья и самострелы...

Через час мы попрощались с Мастером, и вышли на лестницу. Недавно прошел крупный дождик, а сейчас опять было солнечно. В выемках истертых ступеней блестели лужицы. Мы побежали по ним вниз, и теплые капли забрызгали нам ноги.

Мы пересекли площадь с фонтаном. В сухом бассейне валялись длинные пики и несколько зазубренных палашей.

- Бросаем? - сказал Валерка.

- А не рано?

- Бросайте, - сказал Братик. Сказал так уверенно, что мы сразу послушались. Наши клинки зазвенели о камень.

Мы в знакомом месте перебрались через стену. Сразу обняло нас море голубоватой травы. Над ней струился солнечный воздух. Трещали кузнечики.

- Мы уйдем к рыбакам, - сказал неожиданно Братик. - Будем там жить. Теперь можно.

- А Мастер? - спросил Валерка.

- Мы будем его навещать.

Валерка кивнул.

- Люди починят дамбы, отстроят пристани и корабли. Вы станете моряками, - сказал я.

- Да, - согласился ясноглазый мой братик.

Некоторое время мы шли просто так, ни о чем не говорили. Мы держались за руки.

У Василька на раненом плече сидел крупный голубой кузнечик. Он совсем по-человечьи поглядывал на нас крошечными черными глазками.

- Кто такой Володька? - вдруг спросил Братик.

Я вздрогнул.

- Ты ночью звал его, - объяснил Братик. - Он кто?

- Просто мальчик, - сказал я. - Вроде тебя.

И тут я увидел, что мы идем прямо к одинокой старой башне. Я оглянулся. Город белел у горизонта. А башня была рядом.

- Что? Уже? - с печалью спросил я у Валерки.

Он слегка улыбнулся:

- Нет еще, нет...

Мы поднялись на балкон, но не стали входить в дверь, а по ржавым скобам забрались на самый верх башни. Это была круглая площадка. За много лет ветер нанес сюда землю, и теперь здесь росла трава. Не такая как в степи, а невысокая, с мелкими желтыми цветами.

- Полежим, - сказал Валерка.

Мы легли на животы и стали смотреть в проем между зубцами.

- Там океан, - сказал мне Братик. - Видишь?

Я разглядел у горизонта темную полоску. В это время пришел ветер и принес запах моря.

Я перевернулся на спину. Валерка и Братик тоже. Я лежал между ними и держал их за руки.

Небо над нами было очень синим, резким, и я закрыл глаза. И почувствовал вдруг, что в руках моих ничего нет, а под лопатками доски.

Я лежал на плотике. Ко мне шумно плыл от острова Володька. Он явно был намерен опять окатить меня брызгами.

Я пружинисто вскочил. Я все сразу понял, но не чувствовал ни горечи, ни печали. Валерка и Братик, словно по-прежнему были со мной. Я снова стал большим, но мальчишечья легкость и упругость звенели во мне.

- Без диверсий, - весело сказал я Володьке.

Он, фыркая, выбрался на плотик, а я показал ему язык и вскинул руки, чтобы прыгнуть и скользнуть вдоль воды.

- Ой... - сказал Володька.

- Что?

Он мокрым пальцем коснулся моих ребер.

- Это у тебя откуда?

На коже у меня был заросший рубец в виде вытянутой буквы "S"... Я закрыл глаза и постоял несколько секунд, заново переживая все, что было... Или не было? Потом посмотрел опять. Шрам оказался на месте. Он даже болел чуть-чуть, хотя выглядел старым.

- Это давно, Володька, - тихо произнес я. - Это когда мне было двенадцать лет.

- Что ты морочишь голову? - жалобно сказал он. - Мы позавчера купались, и у тебя ничего не было.

- Это случилось, когда мне было двенадцать лет, - повторил я. И от мгновенного толчка радости рассмеялся совсем как мальчишка. Я прыгнул, уплыл на глубину и долго плавал в зеленоватой толще воды. Потом вернулся к Володьке.

Он сидел, обхватив колени, и вопросительно смотрел на меня янтарными своими глазами. О шраме он больше не спрашивал. Заговорил про другое:

- Куда ты уходил?

Я сел рядом на теплые доски.

- Уходил? Когда?

- Ну, недавно, пока я был на острове? Целых два часа гулял где-то и ничего не сказал.

Я молча смотрел на Володьку.

Он обиженно заморгал. Это было уже всерьез.

- Ну что ты... - сказал я. - Ну, уходил. Было одно срочное дело. Я расскажу.

Он кивнул, дотянулся до валявшейся обгорелой спички, начал тонким угольком царапать доски. Затем, поглядывая исподлобья, спросил:

- А меня возмешь?

- Куда?

- Туда... Если опять будет срочное дело?

Я слегка вздрогнул. Володька рисовал на доске угловатую спираль. Потом он вздохнул, улыбнулся и разрубил ее решительной чертой.

ВЕЧНЫЙ ЖЕМЧУГ

1

Три дня мы с Варей жили у ее родителей в Старокаменке. Потом Варя осталась, а я на такси вернулся в город.

Колеса машины шумно шипели на сыром асфальте и с размаху вспарывали мелкие лужи. К ветровому стеклу прилип кленовый лист. Когда машина проносилась мимо фонарей, лист просвечивал, как тонкая ребячья ладошка.

Было поздно. Я безнадежно опаздывал в театр на совещание. Вопрос обсуждался важный: об открытии нового сезона, и я заранее представил, каким взглядом встретит меня наша грозная директриса Августа Кузьминична. Поэтому решил не заезжать домой и сразу ехать в ТЮЗ.

Машина проскочила мимо нашего переулочка с одинокой лампочкой на углу. Очень быстро. И я не понял в первый миг, отчего появилась тревога. Сначала это было смутное ощущение какого-то неблагополучия. Потом оно перешло в острое беспокойство...

Еще несколько секунд я убеждал себя, что мне просто от усталости привиделась за искрящейся сеткой дождя тощая мальчишечья фигурка с поникшими плечами. Потом сказал водителю:

- Простите, я забыл. Надо вернуться, заехать...

Шофер притормозил и заворчал, что на узкой улице не развернешься и

надо было думать раньше...

Я чертыхнулся про себя, торопливо расплатился и зашагал назад.

Дождь был не очень холодный, зато нудный какой-то. Сеял и сеял. С кленов падали в лужи большие капли. Я придумывал самые искренние извинения, которые скажу Августе Кузьминичне, и ругал себя за разболтанные нервы.

Но, оказывается, ругал зря.

Он, в самом деле, стоял на углу, у столба с лампочкой. Прижимал к животу большого рыжего кота Митьку и пытался прикрыть его от дождя промокшим подолом рубашки-распашонки. Митька не ценил такой заботы. Время от времени он принимался дергать задними лапами и нервно колотил хозяина облипшим хвостом по мокрым ногам.

- Ты сумасшедший, - сказал я, накрывая их обоих плащом. - Ты что здесь делаешь?

Он заулыбался, весь потянулся ко мне и вдруг смутился:

- Митьку искал... На улице дождь, а он все бежит...

- У Митьки-то шкура, а у тебя... Совсем раздетый! Вот угодишь в больницу перед самым началом учебы!

- Да не холодно, - пробормотал он и вздрогнул под плащом. Потом тихонько сказал: - Хорошо, что ты приехал.

- Еще бы! Иначе тебя пришлось бы над печкой сушить... Митьку искал! Нашел ведь, так зачем еще торчишь под дождем?

Он опустил голову.

- Я ждал.

- Кого ждал?

- Ну... может, мама приедет.

- Разве она уехала?

- Ага, утром. В Лесногорск к тете Тане.

- Тогда какой же смысл ждать? Разве она успеет за день?

Он коротко глянул на меня и опять опустил голову.

- Ну... может, успеет...

Снова шевельнулось колючее беспокойство. Я наклонился.

- Послушай, а почему ты не ждешь дома? Володька, что случилось?

Он поднял лицо, усыпанное блестящим дождевым бисером. Если речь шла о серьезных вещах, Володька не лукавил. Он вздохнул и сказал, не отводя глаз:

- Я там почему-то боюсь.

Каждый человек чего-нибудь боится. Так уж устроены люди. Володька боялся всякой мелкой живности: тараканов, мохнатых ночных бабочек, гусениц, оводов и даже ящериц. Боялся одно время хулигана Ваську Лупникова по кличке Пузырь. Боялся, что станут смеяться над его дружбой с Женей Девяткиной (хотя никто не смеялся). Но никогда в жизни ему не было страшно дома. Он с пяти лет был самостоятельным человеком и даже ночевал один, когда мама его уходила на ночные дежурства в больницу.

- Ты не заболел? - осторожно спросил я.

Он энергично помотал головой. Лоб у него был холодный.

- Так что же случилось, Володька?

Он виновато пожал плечами.

- Пошли, - решительно сказал я.

Дома я сразу же погнал Володьку под горячий душ. Пока он плескался в ванной, я устроил мокрого Митьку у электрокамина и осмотрелся. Все было привычно и знакомо. Что могло напугать Володьку в этой комнате?

Раньше здесь жил я. Целых четыре года. Потом мы с Володькой и его мамой поменялись квартирами. Это Володькина мама предложила, когда узнала, что мы с Варей хотим пожениться.

- Вам, Сергей Витальевич, внизу удобнее будет, - сказала она. - Комната попросторнее.

- Нам-то удобнее, - возразил я. - А вам? Вас тоже двое.

- А вас глядишь, скоро трое будет, - улыбнулась она. - Коляску-то по лестнице нелегко таскать.

Володька, который был при этом разговоре, пристально посмотрел на меня. Я пробормотал, что, "конечно, спасибо, я посоветуюсь с Варей", и, видимо, покраснел. И поспешил исчезнуть. Володька догнал меня на

лестнице. Несколько секунд он стоял понурившись. Наконец шепотом спросил:

- А вы... пускать меня будете к себе... иногда?

Я неловко прижал его к свитеру и сказал, что он дурень.

Под Новый год была свадьба. Не долгая и не шумная. Володька сидел среди гостей, солидный и серьезный. Пил газировку, ел салаты и, кажется, чувствовал себя неплохо. Но потом, когда за столом царило уже шумное и слегка усталое веселье, я увидел, что он непонятно смотрит на нас с Варей мокрыми глазами. Я заерзал и, пробормотав Варе "извини, я сейчас", хотел пробраться к Володьке. Но она строго прошептала: "Сиди!" Встала и сама подошла к нему. Что-то шепнула ему, обняла за плечи и увела в коридор. В дверях оглянулась и сказала мне глазами: "Не бойся". Я вдруг подумал, что она сама слегка похожа на Володьку, хотя совсем светловолосая и с веснушками. Недаром у нас в театре она играла озорных и храбрых мальчишек.

Они вернулись минут через десять. Глаза у Володьки были сухие и веселые. Он ввинтился между гостями, вынырнул рядом со мной и зловеще прошептал:

- Теперь мы будем вдвоем тебя воспитывать, вот. Будешь бриться каждый день и приучишься не разбрасывать вещи.

- Инквизиторы... - сказал я с облегчением...

Жить на втором этаже Володьке нравилось. Он придумал такую штуку: привязывал к нитке граненую пробку от графина, спускал ее из своего окна и звякал о наше стекло. Это означало: "Вы про меня не забыли? Можно вас навестить?" Если мы были заняты, он не обижался. Но чаще всего Варя или я стучали в потолок ручкой от швабры. И тогда Володька спускался сам.

Спускался хитрым способом. Напротив наших окон рос могучий тополь, и от него над крышей протянулась крепкая ветвь. К этой ветви Володька прицепил несколько блоков, пропустил через них капроновый шнур и к одному концу привязал большую ребристую шину от грузовика. Он выбирался из окна, усаживался на шину и, перехватывая свободный конец веревки, плавно приземлялся в траву за нашим подоконником. Эту систему он называл "парашют".

При взгляде на "парашют" меня оторопь брала. Сам-то Володька щуплый и легонький - его хоть на суровой нитке спускай. Но как тонкий шнурок выдерживал тяжеленную шину от самосвала?

- Вот грохнешься однажды...

- Ой уж...

- Сломаешь шею, тогда будет "ой уж"!

Володька насмешливо фыркал. Но я не отступал. Очень уж ненадежно выглядела веревочка. Наконец Володька слегка рассердился, глянул в упор потемневшими глазами и решительно сказал:

- Ну что ты трепыхаешься? Эту веревочку мне Женька подарила. У друзей веревочки никогда не рвутся.

Чтобы доказать это, он спустился на "парашюте" вместе с Женей, да еще рыжего Митьку прихватил. И все кончилось благополучно, только шиной придавило к земле Митькин хвост, и бедный кот заверещал, забыв про солидность и достоинство...

А в начале августа Володька пришел без предупреждения. Остановился в дверях. Веревку, скрученную в моток, он держал на согнутом локте и поглаживал, как живого котенка. Печально глянул на нас исподлобья.

- Ты чего, Володенька? - встревожилась Варя.

- Да ничего, - со вздохом, сказал он. - Так... Женька вот уехала...

- В лагерь? - глупо спросил я.

- В Африку, - сумрачно сказал Володька.

Я косо глянул на него: "С тобой по-хорошему, а ты дразнишься".

- Да, правда, в Африку. На целый год, с родителями. Они геологи, их послали африканцам помогать...

- Год - это долго, - сочувственно сказала Варя. - Чаю хочешь с вареньем?.. Ну ничего, приедет ведь.

- Хочу, - сказал Володька. - Приедет... Когда еще...

Варя вышла на кухню, а Володька подошел осторожно, коснулся щекой моего рукава. Поднял печальные глазищи.

- Ты смотри, никуда не уезжай надолго. А то совсем...

Оставляя мокрые следы на половицах, Володька выбрался из ванной. Он яростно тер полотенцем всклокоченную голову и на меня не смотрел. Я понимал, что он хочет скрыть неловкость за недавний страх.

– Одевайся в сухое, а то опять продрогнешь...

Он раздраженно шевельнул худущими лопатками (без тебя, мол, знаю) и с головой и ногами скрылся в недрах платяного шкафа. Послышались возня и хмурое ворчанье:

– Никогда ничего не найдешь...

Наконец он вылез. Вытащил модную майку, украшенную иностранными газетными заголовками, и новенькие шорты защитного цвета. Майка была ему впору, а шорты велики. Мама купила их Володьке весной, она надеялась, что сын за лето подрастет. Однако Володька вытянулся немного, но в ширину ничуть не увеличился, и штаны болтались на нем, как юбочка. Сползали.

– Ну и жизнь, – капризно сказал он.

– Надень ремень, вот и все...

Володька ехидно заметил, что эта умная мысль ему тоже пришла в голову. Но старый ремешок он потерял на пляже, а широкий командирский пояс подарил... одному человеку.

– Кому это?

– Ну... Женьке. Когда уезжала.

Он вдруг вспомнил что-то, сердито поддернул шорты почти до подмышек и схватил со стола белую веревочку. Ловко опоясался ее концом, а весь моток, не обрезая, сунул в карман.

Капроновый, тонкий шнур даже на вид был скользким. А узелок с легкомысленной петелькой выглядел совершенно ненадежно.

– Развяжется, – усмехнулся я. – И потеряешь штаны.

– Не развяжется, – рассеянно откликнулся Володька.

У него дурацкая привычка: вот так, между делом, отрицать очевидные вещи!

– Ведь развяжется, – сдерживая раздражение, сказал я. – Через несколько шагов.

Этот тип равнодушно сообщил:

– Мой узелок никто не развяжет. Кроме меня.

– На что спорим? – сухо спросил я.

Он сунул руки в карманы, выпятил живот и предложил:

– Развяжи без спора.

Ну ладно... Я поставил перед ним стул, неторопливо сел, двумя пальцами взял капроновый кончик и слегка потянул.

Узелок был прочнее, чем казалось. Я потянул посильнее. Гм... Ч-черт... Я разозлился и дернул изо всех сил! И... с чем это сравнить? Представьте, будто вас попросили порвать нитку, а оказалось, что это замаскированная стальная струна.

Узел не поддался, а Володька от рывка подлетел ко мне вплотную. Я встретился с его сердитыми глазами, и... мы поняли, что обманываем друг друга. Спорим о всякой ерунде, о веревочке, и стесняемся заговорить о главном.

Я взял Володьку за колючие холодные локти.

– Ну, что ты... Ну, давай разберемся. Чего ты испугался?

Он отвел глаза, подумал, глядя в пол. Вдруг сел ко мне на колени и полупшепотом попросил:

– Помолчим немного.

– Ну... хорошо. И что будет?

– И будет... пусто.

Он это спокойно сказал, но я ощутил, как у него под майкой струнами натянулись мышцы. Тогда я плотно прижал его к себе.

Стало тихо. Перестали потрескивать спирали в электрокаmine. Рыжий Митька кончил вылизывать подсыхающую шкуру и непонятно смотрел на нас.

Сначала ничего не было. Потом... потом тоже ничего не было, но... как бы это объяснить? Словно исчезли стены. Они, конечно, были на месте, и

все было на месте. Но стало все ненастоящим, непрочным, как воздух. А настоящим было ощущение громадного пространства. Словно мы в ночной степи или на плоском пустом берегу под темным небом. И шум... То ли чей-то шепот, то ли осторожные волны лижут шершавый песок...

Я прикрыл глаза и прислушался. Каждым кончиком нервов, каждой клеточкой тела прислушался: что это? откуда?

Нет, было не страшно. Не грозило это ни бедой, ни опасностью. Просто незнакомое загадочное пространство подошло вплотную и словно мягким темным крылом коснулось лица.

Но если за окном поздний вечер, и ты один в комнате, и тебе одиннадцать лет... Конечно, станет жутковато.

– Наверно, это ветер, – сказал я. – Ну что ты, Володька. Это ветер и дождь. Такой неуютный вечер...

Он покачал головой и прыгнул с моего колена.

– Это не вечер. Это было еще днем... Может быть, это... она?

Отглядываясь на меня, он подошел к столу и отодвинул пачку новых учебников для пятого класса. За книгами лежала морская раковина.

Большая была раковина и не очень красивая снаружи: серая, бугристая, с длинными шипами. Свернутая в спираль со множеством витков. А внутри она была темно-розовая и казалась очень глубокой. В самой глубине ее притаилась синеватая темнота.

– Откуда это?

– Я маму проводил, пришел домой и увидел... Она лежала на подоконнике. Я думал сперва, что это мама мне ее оставила. Ну, в подарок, чтобы не скучал...

– Может быть, так и есть?

Володька с беспокойством посмотрел на меня и сказал:

– Ты ее послушай. Приложи к уху.

Я поднял раковину – тяжелую, колючую – и поднес к щеке. И сразу накатил ритмичный гул. Океанские валы ровно шли на пологий песчаный берег. Еще немного – и брызги, прилетевшие с гребней волн, осядут у меня на лице. Я прикрыл глаза. Ощущение близкого моря стало полным... И вдруг мне показалось, что Володька сказал какие-то слова. Я взглянул на него, не опуская раковину. Нет, Володька молчал, только смотрел на меня неотрывно и тревожно. А слова прозвучали опять. Они проступили сквозь шум океанского наката. И еще, еще... Сначала я просто почувствовал, что это человеческие слова. Потом понял, о чем они. И сразу же узнал голос.

Он звучал, как магнитофонная лента, склеенная в кольцо.

"Приходи, как раньше... Приходи, как раньше... Приходи, как раньше..." – звал из чужого мира мой далекий друг – трубач, командир и рыцарь Валерка...

Видимо, я очень долго слушал, и в тревожных Володькиных глазах появилось нетерпение. Тогда я опустил раковину.

– Володька, ты слышал в ней слова?

Он растерянно мигнул.

– Я думал, что показалось... Разве так бывает?

– Бывает, – сказал я.

У меня появилось странное ощущение. Была уверенность, что скоро случится что-то необычное, но не чувствовалось волнения. Наоборот, пришло спокойствие, и даже какая-то сонливость. Я сел на стул перед Володькой, улыбнулся ему и сказал:

– Это не для тебя раковина... Просто они не знали, что мы поменялись комнатами.

– Кто? – спросил Володька и придвинулся вплотную.

– Помнишь, я рассказывал? Про Город, про барабанщиков, про Канцлера? Про Валерку и Братика... Ты, Володька, решил, что это совсем сказка?

Он взял раковину, прижал к уху. Потом прошептал:

– Зовет...

Я кивнул.

Володька требовательно смотрел на меня.

– А как туда попасть?

Я пожал плечами.

- Понимаешь, Володька, раньше он сам приходил за мной...

- Разве ты не знаешь дорогу?

"Дорогу... - подумал я. - Это не дорога. Это способ перехода в непонятный мир: то ли в сказку, то ли в другую галактику. Наверно, есть какие-то хитрые законы, только я их не изучал. До того ли мне там было?"

- Не знаю, - сказал я. - Сейчас не знаю...

- Но ты должен знать!

- Каждый раз - новый способ. Наверно, должно быть какое-то место. Особое.

- Место? - переспросил Володька.

- Да. Откуда можно уйти к ним...

- Место... - повторил Володька. Сел опять ко мне на колени, глянул снизу вверх. - Только ты не смейся и не спорь... У меня уже было, как сегодня с этой раковиной. Ну, не так, а похоже. У дедушки на даче...

Я слегка удивился. Дача Володькиного деда находилась далеко за городом. К тому же она стояла заколоченная, а дед отдыхал в Сочи.

- Было, - повторил Володька. - Когда мы там в июне жили... Знаешь, там такая улица есть, и мне иногда казалось, что в конце ее море... На самом деле ничего нет. Ну, кусты да трава. А идешь, и все кажется, что вот-вот море будет. Даже запах как от водорослей. А если глаза закроешь, то совсем будто на берегу. И шум...

- А ты доходил до конца улицы?

Володька сердито мотнул головой:

- Не доходил.

- А почему? Боялся, да?

- Да нет... Ну да, боялся. Что обманусь...

- Ну что ж... Может быть, это то, что нужно, Володька.

Он вскочил:

- Так едем!

- Прямо сейчас?

Володька очень удивился:

- А разве можно ждать?

Я встряхнулся. В самом деле, что со мной? Что за сонная одурь? Или правда старею и глупею понемногу. Может быть, там дорога каждая секунда, а мы рассуждаем!

- Одевайся, - велел я Володьке, а сам спустился к себе. Надел сапоги, взял брезентовый плащ. Положил в карман тяжелый охотничий нож - подарок приятелей, с которыми был в походе по Кавказу. Может быть, и не пригодится, а может быть... При этой мысли у меня слегка заболел шрам на левом боку и кольнула тревога за Володьку. Но было ясно, что уговаривать его остаться бесполезно. К тому же, я не знал дороги...

Володька ждал меня. Вместо раскисших на дожде сандалий он натянул старенькие, но надежные кеды, а на майку надел оранжевую курточку-штормовку с капюшоном. Он стал в ней похож на яркого тонконового гномика, который из таинственной пещеры несет кому-то в подарок волшебную раковину.

Штормовочка была так себе, из легкой материи. "Продрогнешь, глупый", - хотел сказать я. Но Володька глянул с такой суровой нетерпеливостью, что я промолчал.

3

Как добрались до вокзала, я совершенно не помню. Мы словно сразу оказались в вагоне электрички. Он был пуст. Ярko горели лампы. У Володьки на щеках блестели дождевики, а штормовка была усыпана темными звездочками - следами капель.

Мы сели друг против друга на желтые лаковые скамейки. Поезд будто нас одних и ждал: мягко толкнулся и набрал скорость. Сразу прижалась к стеклам густая, как смола, чернота.

Володька сидел прямой, и даже строгий какой-то. Положил раковину на блестящие от дождя колени, смотрел перед собой и шевелил губами - словно повторял тихонько важный урок.

- Володька, - окликнул я. - Долго ехать?

Он вздрогнул.

- Что?... Нет, не очень. - Приложил раковину к уху и улыбнулся: - Говорит. Будто даже громче.

Я тоже послушал. Может быть, не громче, но неумолимо и настойчиво звучал Валеркин голос...

Мы, и правда, ехали недолго. Даже темные звездочки на Володькиной куртке не успели исчезнуть. Не знаю, что Володька сумел различить в темноте за окнами, но вдруг вскочил и потянул меня за рукав. Едва мы вышли в тамбур, как зашипели тормоза и разошлись двери. Мы прыгнули на мокрые доски платформы. В них отсвечивал станционный фонарь. Поезд опять зашипел и умчался, а мы по скользким ступенькам спустились на размокшую траву.

- Здесь тропинка, - шепотом сказал Володька и повел меня мимо темных плетней и сараев. По-прежнему сеял дождик.

- Вот здесь дедушкина дача. Видишь?

Ничего я не видел. Кругом ни огонька, даже станционный фонарик затерялся во мгле. Я уже хотел сообщить своему спутнику, что глаза у меня не кошачьи, но он вдруг виновато попросил:

- Слушай, возьми меня на руки, пожалуйста. Тут шиповник.

Я сразу подхватил его, но для порядка проворчал:

- Нежности какие. Давно ты стал бояться колючек?

- Но ведь это железный шиповник... Ты осторожнее, он и сапоги может изорвать.

Я никогда о железном шиповнике не слышал, поэтому только хмыкнул. Потом попросил:

- Если он такой вредный, почему вы с дедом его не выкорчевали?

- Как его выкорчуеть? - удивленно сказал Володька. - Я же говорю: железный шиповник. У него корни до центра Земли.

- Вечно ты выдумываешь...

- Ничего не выдумываю, - рассеянно откликнулся Володька. - Это правда... Ты иди теперь прямо, здесь короткая дорога.

Я продрался сквозь кусты и вынес Володьку на широкую улицу дачного поселка.

Тишина стояла невероятная. Даже дождик закончился и не шуршал в траве. Ни одно окошко не светилось. Однако полной темноты уже не было: в небе стали видны облака, словно отразившие далекий рассеянный свет.

Володька нетерпеливо шевельнулся, и я опустил его на дорогу. Он ойкнул. Оказалось, уронил на ногу раковину. Я поднял ее и больше не дал Володьке: разобьет еще или сам поранится.

- Куда же теперь пойдем? - спросил я.

Володька уверенно махнул рукой вдоль домов. Я взял его за плечо, и мы зашагали посредине дороги.

Стало еще светлее: облака проступили ярче, и в воздухе как бы повисла серебристая пыль. Мы молчали и думали, наверно, об одном и том же: чем кончится наше путешествие? Говорить об этом я не решался, и Володька, видимо, тоже. Мы оба, наверно, боялись спугнуть сказку. А молчать стало трудно. И я просто так, лишь бы сказать что-нибудь, полушепотом произнес:

- Какие-то странные облака. Светятся...

Володька подумал и тихонько ответил:

- Наверно, в них распыляется звездный свет.

- Такой сильный?

- А что? За облаками звезды светят очень ярко. Просто мы не видим...

- Он помолчал и вдруг спросил: - А почему они горят?

- Звезды?

- Ну да. Огонь горит, если воздух кругом, а там ведь безвоздушное пространство...

- Ученые говорят, что в них атомные процессы идут. А в общем, до конца это еще не изучено...

- И главное, вечно горят...

- Не совсем вечно. У звезд тоже бывает рождение и конец.

- Ну, все равно. Миллиарды лет...

- С чего это ты о звездах задумался, Володька?

Он серьезно сказал:

- А что? Я о них часто думаю... Вот смотри: если бы не было звезд, не было бы планет. Значит, не было бы людей. Вообще ничего хорошего не было бы... И мы с тобой никогда бы не подружились...

"А ведь в самом деле..." - подумал я и покрепче взялся за Володькино плечо.

Шли мы уже минут пятнадцать, а улица все тянулась. "Удивительно, - думал я. - Это же поселок, а не город..."

Сделалось теплее. Володька откинул капюшон.

Улица стала узкой, дома вплотную подступили к дороге. В мерцающем полусвете облаков я разглядел, что это необычные дома. Точнее, это были всего два очень длинных дома - справа и слева. Они и составляли улицу. С правой стороны тускло поблескивал бесконечный ряд полукруглых окон, с левой тянулась перед домом длинная терраса или галерея - столбы с навесами.

Мы подошли совсем близко, и я увидел, что столбы покрыты резьбой: их оплетали деревянные листья и цветы. А вверху, на карнизе, я смутно различил какие-то смеющиеся маски.

- Что это за дома, Володька?

- Не знаю, - шепотом сказал он. - Я их раньше не видел.

Даже в полумраке я различил, какие опять встревоженные сделались у него глаза.

Ощутимой волной прошел вдоль домов теплый воздух, и я уловил в нем запах травы. Той серебристой травы, что росла у стен Валеркиного Города.

- Что? - поспешно прошептал Володька. - Это <MI>уже?<D> Это правда?

Я сжал ему руку и повел мимо резных столбов. Я не знал еще точно, где мы, но от волнения перехватило горло.

Так шли мы полминуты. Улица оборвалась наконец, и в этот же миг из-за просветлевшей кромки облака выглянул краешек луны. Я остановился и радостно прижал к себе Володьку. Луна могла светить только <MI>там<D>. У Валерки. У нас было новолуние.

Яркий круг выкатился из-за облака целиком, и словно включили голубой прожектор.

- Ой! Ура... - с тихим восторгом сказал Володька. - Смотри.

Я смотрел. Но глаза не сразу привыкли к странному серебристо-голубому миру.

Слева на холме, в километре от нас, я разглядел белые домики. А справа и впереди, занимая половину пространства, стояла туманная мерцающая стена. И неясно было: вблизи она или очень-очень далеко. Только то, что находилось совсем рядом, я видел отчетливо: кусты и нагромождение камней.

Не знаю, что меня толкнуло, но я моментально решил забраться на камни и осмотреться. Держа в руках раковину, я по гранитным уступам взбежал наверх и тут услышал Володькин крик:

- А я?! Подожди, я с тобой!

Чтобы успокоить его, я обернулся. Из-под ноги выскользнул камень. Я шагнул в сторону, однако нога не нашла опоры. Качнувшись, я замахал руками... и ухнул в пустоту.

4

У меня есть приятели-альпинисты, кое-чему я у них научился. Извернувшись, я ухватился за каменный карниз. Раковина, конечно, улетела, но мне было не до нее. Острый толчок опасности как бы встряхнул меня, и я сразу все понял. Понял, что туманная стена с лунными искрами - это океан и что я повис на краю обрывистого берега - видимо, очень высокого. И если разожму пальцы, грохнусь об утесы или окажусь под водой (а какой из меня пловец в сапогах и плаще?).

- Володька! - сдавленно крикнул я. Но, услышав, как из-под ног у него посыпались камешки, испугался: - Не подходи, сорвешься!

Это было глупо. Кто, кроме него, мог помочь?

Ну а он? Разве он вытащит? Я висел на закаменевших пальцах и чувствовал, какое нескладное и тяжелое у меня тело.

Что внизу, я не видел. Видел только перед носом темный камень. Ноги

болтались и не находили, за что уцепиться.

– Сейчас! – крикнул Володька. – Не бойся!

Я отчаянно попытался подтянуться, но пальцы едва не сорвались. Я поднял лицо, но увидел над собой лишь каменный козырек.

– Тихо ты, – почти со слезами сказал Володька. – На, держи.

По пальцам левой руки, по кисти скользнула и закачалась у щеки знакомая веревочка. С узелками и петлей на конце. Умница Володька!

Я знал, что капроновый шнурок выдержит меня. Ухвачусь, раскачаюсь, заброшу на карниз локоть и ногу. Володька вцепится в плащ, поможет выбраться... Только удержу ли я в ладонях тонкую скользкую веревочку?

Из последних сил я вцепился в камень правой рукой, а левую освободил на миг, сунул в страховочную петлю и сжал узелки. Но правая рука подвела: пальцы сорвались. От рывка узелки выскочили из ладони, тонкая петля затянула кисть, и я повис, вращаясь на шнуре.

Режущая боль была такой дикой, что я ничего не увидел, хотя сделал на веревке полный оборот.

Я застонал и схватился правой рукой за шнур, повыше петли. Он был совсем тоненький и гладкий, не удержать. А до узелков теперь не дотянуться. Боль от кисти уже подкатила к плечу, и я побоялся, что потеряю сознание.

"Не смей", – сказал я и широко открыл глаза. Я опять висел лицом к обрыву, но ниже, чем раньше: веревка опустилась приблизительно на метр. Зато недалеко был выступ: если раскачаться, можно встать на него и ухватиться за гранитный гребешок. Лишь бы выдержать!

– Володька! – со стоном крикнул я. – Ты хорошо привязал?

И услышал глухой, хриплый какой-то ответ:

– Я не успел... Я держу.

На миг я забыл даже про боль. Ужас бывает сильнее боли.

– Отпусти! – приказал я.

Мне вовсе не хотелось в герои, и я не мечтал о подвиге. Я даже успел всей душой понадеяться, что, может быть, падая, зацеплюсь за какой-нибудь выступ. Или свалюсь в воду и все-таки выберусь. А Володьке не выбраться. Он-то уж точно грохнется насмерть, если сорвется.

– Отпусти сейчас же!

– Не отпущу... Выбирайся...

– Брось, ты не удержишь!

– Удержу. Я ногами зацепился. – Он говорил глухо и с трудом.

Какие же отчаянные силы появились у него, если своими тощими ручонками он удерживал меня – взрослого тяжелого дядьку!

Я представил, как тугие капроновые пряди врезаются в Володькины ладони, и закричал изо всей мочи:

– Брось веревку!!

– Не брошу, – сказал он и, кажется, заплакал.

Тогда я от страха за него и за себя, от боли и отчаянья начал орать на Володьку. Орал и висел неподвижно, потому что чувствовал: если чуть качнусь – Володька сорвется с каменной площадки. Потом оборвал крик. Вспомнил про нож.

Опять я повис на левой руке, (она уже онемела в петле), сунул правую ладонь в карман, ухватил рукоятку. Все напряглось во мне от предчувствия жуткого падения. Но я же не погибну, нет! Рывком я сбросил с клинка ножны и тяжелым отточенным лезвием рубанул натянутый шнур...

Я им гвозди рубил когда-то, этим ножом. Но от Володькиной веревочки клинок отлетел, как от стального троса. Упругая отдача вырвала нож из ладони.

Несмотря на все отчаянье и страх, я так изумился, что повис, как мешок. Нож тихо звякнул где-то далеко внизу. Это привело меня в чувство. Я опять хотел заорать на Володьку, но почувствовал, что меня поднимают. Перед глазами появился край обрыва, потом чьи-то пальцы яростно ухватили мой плащ и потянули вверх. Я уцепился за карниз локтем, лег грудью, забросил колено. Перевалился через левое плечо на спину и от последнего толчка боли закрыл глаза.

Видимо, с полминуты я все же был без сознания. По крайней мере, не помню, как снимали у меня с запястья петлю. Я ощутил прикосновение

прохладной мякоти к содранной коже. Эта прохлада всосала в себя и растворила боль. Только щекочущие мурашки бегали по левой руке, словно я ее отлежал.

Я открыл глаза и увидел Володек. Двух Володек. Они стояли надо мной рядышком. Один Володька был в своей штормовке, а другой – в светлой шелковистой рубашонке, подпоясанной тонким блестящим ремешком.

– Ну, ты чего? – жалобно сказал Володька в штормовке. – Ты живой?

А Володька в рубашке сел на корточки и поправил на моей руке накладку из влажных листьев. Под луной вспыхнули его светлые волосы. И хотя лицо осталось в тени, я все равно узнал. Сразу же. Он засмутился и спросил:

– Ну, как ваша рука? Не сильно болит?

– Василек! – сказал я почти с испугом. – Ты что? Ты почему говоришь мне "вы"?

Он улыбнулся знакомой своей улыбкой: нерешительной, но очень славной.

– Ну... ты такой большой теперь.

В самом деле! Он же никогда раньше не видел меня большим. Валерка видел, а Братик – ни разу. Я всегда приходил к нему мальчишкой. Двенадцатилетним пацаном с выгоревшими волосами и засохшими ссадинами на острых локтях...

– Ну и что же, что большой! Какая разница, Василек!

– Все равно глупый, – негромко добавил Володька.

Я не рассердился. Мне стало вдруг очень стыдно, что я, такой здоровенный, раскис и валяюсь перед ребятами. Я вскочил. Боль опять прошла руку, но я сдержался.

– Не скажи, снова загремишь, – хмуро предупредил Володька. – Лучше погляди, куда ты собирался лететь.

Далеко внизу штурмовали берег длинные водяные валы, и между утесами вырастали белые деревья: это вставали громадные столбы брызг. Только сейчас я понял, что в воздухе висит шум прибоя. Он был такой ровный, что казался частью тишины.

От края обрыва до прибоя было не меньше сотни метров.

– Ну, что? – сумрачно сказал Володька.

– Как ты меня удержал? – тихо спросил я.

Володька шевельнул плечом. Потом объяснил:

– Вон видишь камень? Я на нем лежал на спине. А ноги согнул и цеплялся за край...

Значит, он лежал навзничь, на этой квадратной глыбе. Острая каменная грань врезалась ему под коленки, а веревка, намотанная на руки, срывала с ладоней кожу...

– Хорошо, что он подрос, – шепотом сказал Володька и кивнул на Братика. – Сразу как вцепился тебе в воротник...

Два таких мальчика – и вытянули меня.

– Покажи руки, Володька.

Он ворчливо объяснил:

– Видишь, я штаны держу. Если отпущу, свалятся.

Он и правда еще не успел подпоясаться веревочкой.

– Никуда штаны не денутся. Покажи ладони.

Володька вздохнул, надул живот, чтобы штаны и вправду не съехали, и протянул руки. На ладонях были темные полосы. Но не такие страшные, как я ожидал.

Подошел Братик и застенчиво объяснил:

– Мы сразу листья приложили. Это черепашья трава, ее здесь много. Она тут же залечивает.

Это я и сам чувствовал: боль в руке опять утихла.

Володька подобрал с камней свою веревочку.

– Хорошая ты моя. Надеженькая... А этот вредный дядька тебя ножом. Тоже мне, Смок Беллью...

– Откуда ты знаешь про нож? Ты же не видел.

– "Откуда"... Догадался. Мало ли чего я не видел? Зато слышал много... Как ты там вишишь и ругаешься.

– Прости, малыш, – сказал я.

– Ладно, уж, – снисходительно буркнул Володька и запоздало отгрызнулся: – Сам малыш!

Братик засмеялся. Тогда засмеялся и Володька, и они посмотрели друг

на друга.

А я обрадовался и рассердился. Рассердился на себя – за то, что до сих пор как бы в плену у жуткого случая. Все кончилось хорошо, сколько же еще вздрагивать? А обрадовался потому, что наконец понял: вот же он, Братик! Самый настоящий!

Теперь самое время начаться главным событиям. Не зря же Валерка послал нам раковину! Не для того же мы с Володькой пришли сюда, чтобы я поболтался на веревочке!

Было уже две Сказки: одна печальная и ласковая, другая – жестокая, но с хорошим концом. Должна быть, и третья. Неизвестно какая, но должна.

...А Володька и Василек все смотрели друг на друга, словно шел между ними молчаливый разговор.

– Вы хоть познакомьтесь, – сказал я.

Володька небрежно глянул на меня.

– А чего нам знакомиться? Мы и так знаем.

Он взял Братика за руку, и мы стали спускаться с камней.

На ходу Володька негромко сказал Братику:

– Он про тебя много рассказывал... Тебя Васильком зовут? А можно Васькой?

Я поморщился. Но Братик сказал весело и просто:

– Можно, конечно.

Мы пошли по тропе среди травы. Я шагал сзади и видел только ребячьи затылки, освещенные луной. Оба лохматые и порядком заросшие. Темно-русый Володькин и совсем светлый Василька. Но я представлял, какие у Володьки и Братика сейчас лица. Володька пытается скрыть стеснительность за беззаботной улыбкой, а Василек поглядывает на него сбоку – смущенно и слегка нерешительно: кажется, хочет что-то сказать.

Наконец он проговорил вполголоса:

– Я про тебя тоже слышал...

– Он рассказывал? – торопливо спросил Володька.

– Он тебя во сне звал... В тот раз, после боя...

Володька перестал, кажется, улыбаться. Братик сказал:

– Я тогда и понял...

– Ну... какой ты.

Володька помолчал и скованно спросил:

– Какой?

– Ну, такой... – Братик опять засмущался и не сразу нашел ответ. Потом серьезно сказал: – Как твоя веревочка...

Володька сбил шаг, и у них с Васильком дрогнули сомкнутые руки. Но не разорвались, а сцепились крепче – ладонь в ладони.

Мне стало даже капельку обидно, что они идут рядом, а я один остался. Но в этот же миг Братик и Володька обернулись.

– Догоняй, – сказал Братик. – Ты не устал?

А Володька сурово заметил:

– Надо вместе ходить, а то опять куда-нибудь свалишься... Беда с этими взрослыми: ноги длинные, а толку никакого.

Я обрадованно догнал их, и они ухватили меня за руки с двух сторон. И пошли, крепко прижавшись ко мне. Может быть, потому, что тропа была неширокая, а по краям стояли высокие стебли с жесткими зубчатыми листьями.

– Василек, а что случилось? – спросил я. – Вы позвали...

– Ничего не случилось, – беззаботно сказал он. – Ну, ничего такого... Скоро дальнейшее плавание, на целый год. Брат хотел повидаться перед уходом.

– А как вы послали раковину? – вмешался Володька.

Все так же беззаботно Братик объяснил:

– Их посылают по солнечным лучам, когда полуденный ветер... Брат знает, он эти хитрости изучал, а я пока не разбираюсь.

– Мы к нему идем? – спросил я.

– К нему.

Скоро мы вошли в поселок. Белые домики с полукруглыми окнами и множеством деревянных лестниц в беспорядке толпились на склоне холма. Склон опускался к морю. По берегу шла высокая набережная. Она была выложена бугристыми плитами. Вдоль набережной стояли шесты, и между ними тянулись развешанные сети. На сетях, как выловленные в море, серебряные монетки, сверкали крупные рыбы чешуйки.

В лицо нам дул теплый ветерок, сети медленно качались. Пахло бочками из-под рыбы, сладковатой травой и морской солью.

Володька вертел головой, и глаза у него блеснули.

Изредка попадались навстречу мужчины в кожаных шляпах и полосатых фуфайках. Без удивления провожали нас взглядами.

Море шумело, и брызги иногда перелетали через парапет набережной.

У самого моря, за парапетом, поднимался еще один дом, не похожий на другие. Он был темный, с тремя рядами узких решетчатых окон, с тяжелыми звериными фигурами и узорчатыми фонарями на выпуклом фасаде. И я вдруг сообразил, что это высокая корма парусного корабля.

Мы подошли ближе. Округлый борт с балюстрадой навис над нами. На плиты набережной был спущен гибкий трап.

По трапу сбежал к нам Валерка.

Он без улыбки взял мои ладони и сказал:

– Здравствуй.

И Володьке сказал "здравствуй". Как давно знакомому. Володька смущенно засопел.

Валерка выглядел старше, чем в прошлый раз. Было ему на вид лет пятнадцать. Над губой темнели волосы, лицо стало худым и казалось очень смуглым. Он был в узкой черной форме. На плечах и рукавах его короткой куртки неярко блестело серебряное шитье. На боку висел тонкий палаш в черных ножнах.

– Он капитан? – шепотом спросил Володька у Братика.

Валерка услышал и улыбнулся:

– Штурман...

Мы поднялись по трапу, и несколько личностей пиратского вида почтительно расступились перед нами. Валерка привел нас в просторную каюту. Мягким, но сильным светом горела круглая лампа, подвешенная к выгнутой балке потолка. На широком столе были раскинуты карты. На картах спал большущий рыжий кот.

– У, какой! Больше Митьки, – с завистью сказал Володька.

– Это Рыжик наш, – сказал Братик.

Он потянул Володьку на обтянутую кожей койку, а мы с Валеркой сели у стола.

Была в нас какая-то скованность.

– Ты не сердись, – проговорил Валерка. – Я не встретил... Третий день погрузка, а сегодня еще подвязывали паруса.

Братик встрепнулся:

– Уже сделали? Мы пойдем, я покажу Володьке корабль!

Они вмиг исчезли из каюты. Я с тревогой посмотрел вслед.

– Да ничего, – успокоил Валерка. – Там кругом матросы...

– Значит, отстроили все же корабли, – сказал я.

– Да. Это сумели...

– И теперь в плаванье? Далеко?

– Далеко... Почти наугад. Говорят, на юге есть большой материк. А что там, никто не знает. Может быть, на нем целые страны, и люди лучше нас живут. И умнее... Ты ведь знаешь, как мы жили: все на свете провоевали. Что помнили – забыли, что умели – разучились. Теперь открываем планету заново.

– Но главное, что плывете. Ты штурман теперь... А Братик?

Валерка вздохнул и прикусил нижнюю губу. Посмотрел на меня жалобно, как маленький.

– Ему нельзя плыть.

– Опасно?

– Не то, что опасно. Смертельно.

Я, не понимая, молчал.

– Мы пойдем через полуденную черту, – сказал Валерка. – Там бешеное солнце, стальные лучи. Взрослые могут вытерпеть, а такие, как Василек...

Понимаешь, у них не выдерживает кровь. Становится желтой, как лимонный сок, жидкой делается. Из любой царапинки бежит без остановки. Даже старые шрамы будто тают и начинают кровоточить. А ты ведь помнишь, у него на плече...

Еще бы не помнить! Этот жуткий треугольный глазок от рапиры гвардейца...

- Как же Братик будет без тебя? - спросил я.

- Вот так и будет, - печально сказал Валерка. - Поживет с Рыжиком у рыбаков.

Легко сказать "поживет у рыбаков". Это Василек-то, у которого старший брат - единственный свет в окошке!

Но тут я вспомнил, какой Братик сегодня. Он вовсе не казался печальным. Смеялся, прыгал. Я удивленно посмотрел на Валерку, и он понял. Он сказал:

- Все уже было. Сколько слез пролилось... Но мы собираемся давно, и он привык к мысли, что мне придется уплыть. И он твердый все-таки... А сегодня еще вы пришли, вот он и радуется.

- Мы будем его навещать. Ведь это можно, да?

У Валерки нервно дрогнули брови. Он собрался что-то ответить. Но в это время завизжала дверь, и в проеме показалась могучая фигура - в кожаных штанах, сапогах, в клетчатой рубаше и драной шляпе, из-под которой торчали концы пестрой косынки. Этакая глыба с лицом, заросшим шерстью.

Глыба стащила шляпу и сквозь косынку поскребла скрюченным пальцем затылок. И заговорила почтительно приглушенным басом.

- Прошу прощения у Светлого штурмана Иту Лариу Дэна, только матросы в полном недоумении. Капитан велел грузить сначала волокно, а сверху бочки с солониной.

- Ну и делайте, как велел капитан, - нетерпеливо откликнулся Валерка. - Ему лучше знать.

- Оно вроде бы справедливо, - прогудел рыжий великан. - Только осмелюсь заметить Светлому штурману, что бочки тяжелые. Их если погрузить высоко, на волне появится лишняя раскачка. Вам трудно будет инструментами звезды ловить.

Валерка улыбнулся:

- Ладно, поймаю...

- Опять же при такой погрузке запасные цепи придется укладывать под палубой у бизани. А там рядом компаса...

- О черт, - сказал Валерка и встал. - Извини, я сейчас.

Он выскочил из каюты, зацепив рукояткой палаша косяк. А я подумал, что мне трудно будет называть его Валеркой. Теперь это Светлый штурман Иту Лариу Дэна, знающий тайны звезд и моря. И, видимо, имеющий власть на корабле не меньше власти капитана.

Вернулся он через две минуты. Виновато проговорил:

- Капитан очень хороший человек, но в компасах и картах - во... - Он постучал ногтем по большому глобусу с очертаньями незнакомых земель. Спящий Рыжик недовольно дернул хвостом.

Я опять хотел спросить, можно ли будет навещать Братика. И снова появилась в двери голова в косынке на рыжих космах.

- Осмелюсь еще раз побеспокоить Светлого штурмана и его гостя. Ваш юный брат и его друг носятся по вантам и между мачтами, как летучие обезьяны. Смотреть, конечно, полная радость, только один раз они уже скатились в рыбный трюм.

Тут уж вскочили мы оба. Но "летучие обезьяны" сами влетели в каюту. Они бухнулись на кожаную лежанку, задрав ноги, облепленные рыбьей чешуей. Я заметил, что Володька подпоясан блестящим ремешком, а рубашка Василька заправлена в коротенькие штаны, и из кармана торчит белая веревочка.

Светлый штурман Иту Лариу Дэна принял решительный вид. Он заговорил с Братиком суровым тоном, в котором я уловил, однако, беспомощную нотку:

- Сколько раз я втолковывал: не смей носиться по мачтам!

- Мы больше не будем, - кротко сказал Братик. Покосился на Володьку, и оба фыркнули.

- Достукаешься, что выставлю с судна, - пригрозил штурман.

Братик лукаво заметил:

- Ты же над парусами не начальник. Ты над приборами начальник, а над парусами боцман Вига Астик. Он разрешает.

- Выставляю с боцманом, - пообещал Валерка. Сжал губы, чтобы не засмеяться, и отвернулся, изобразив спиной возмущение. Негромко, но чтобы слышал строптивый брат, сказал мне:

- До того вредный стал. Никакого сладу...

Я выразительно посмотрел на своего Володьку и сообщил, что у этих двух пиратов начинается, видимо, знаменитый переходный возраст.

- Слушай, штурман, ваши ученые пишут про переходный возраст в своих мудрых книгах? Что при этом надо делать?

- Пишут, конечно, - охотно откликнулся Валерка. - За уши драть надо, чего же еще.

- И здесь не без дураков, - заметил Володька.

Они с Братиком поднялись и на цыпочках двинулись к двери.

- Куда?! - рявкнул я.

Володька обернулся.

- Мы не будем скакать. Мы посмотрим, как протягивают штуртрос.

Штурман Дэн махнул рукой. Братик и Володька дурашливо изобразили пай-мальчиков и удалились.

- Спелись голубчики, - сказал я с улыбкой. И увидел Валеркино лицо. Мне даже страшновато стало - такая безнадежность была в этом лице.

- Плохо, наверное, что спелись.

- Что случилось, Валерка?

- Видишь, они полюбили друг друга. А сегодня расстанутся. Василек еще не знает...

- Но ведь...

Он покачал головой.

- Думаешь, я из-за плаванья позвал тебя? Плаванье - что... Уплыл и вернулся... Дело не в этом. Планеты расходятся. Нам больше не увидаться, Сережа...

6

Планеты расходятся...

Мы стояли на высокой кормовой палубе, у планшира, и над нами качались громадные деревянные блоки. Над близким волноломом гавани вставали под лунной белые языки пены, а в бухточке, где стоял корабль, было тихо. У борта слегка плескалась рябь, да шипел в тросах ровный ветерок.

Внизу, на средней палубе, Братик и Володька натянули между мачтами веревочку и учили ходить по ней Рыжика. Любопытно, что Рыжик слушался. Матросы толпились вокруг и сдержанно посмеивались в волосатые кулаки.

Но все это я замечал машинально, а думал о другом, о печальном. Планеты расходятся. Какая-то космическая сила разрывает наши пространства.

А меня и Володьку уносит от Валерки и Братика. Навсегда...

- А может быть, не навсегда?

Штурман Дэн покачал головой. Он знал о неизбежности движения перепутанных галактических миров и не мог ошибиться.

Он сказал:

- Ты и сам, наверно, заметил: переход сделался труднее.

- Не заметил я. Шли и шли. Сперва дождик, потом луна...

Валерка грустно улыбнулся:

- Шли и шли... Это в протяженности. А во времени? Ты же не стал, как в тот раз, мальчиком.

Да, он прав. А я как-то не подумал об этом. Наверно, потому, что рядом со своим Володькой привык быть большим. А может быть, случай на обрыве выбил меня из колеи...

Я спросил:

- Нельзя было уже сделать, чтобы я стал... ну, как вы?

- Можно, только очень тяжело. Надо строить лабиринт. Я этого никогда не делал.

Мы помолчали.

- Когда уплываете? - спросил я.
- На рассвете... А вам надо уйти раньше, пока луна...

Я подумал, каким тягостным будет прощанье. И Валерка меня понял. Он проговорил:

- Даже не знаю, как сказать Васильку.
- Может быть, пока не говорить?
- Нельзя обманывать, - хмуро откликнулся Валерка.

Я услышал позади мягкий толчок и оглянулся. Это упал на четыре лапы Рыжик, которого выпустил из рук не то Братик, не то Володька.

Они стояли рядом и одинаково смотрели на нас отчаянными глазами. Они так сцепились руками, словно уже сию секунду их могли оторвать друг от друга. Я понял, что говорить ничего не надо. Но Валерка не выдержал. Глянул на Володьку, на меня и умоляюще сказал:

- А может, останетесь?

Я на миг забыл про все на свете и снова почувствовал себя мальчишкой. Я качнулся Валерке навстречу. Ведь это же так просто: остаться.

И тут же услышал удивленный Володькин голос:

- А как же мама?

Да. Как быть с теми, кого любишь? И Володькина мама, и Варя, и тот малыш, который должен у нас родиться. Это обязательно будет сын, и мы назовем его Валеркой. Как быть со сказкой, которую я написал для театра и которую ребята не увидят, если я не вернусь? Как бросить все, к чему привязан с детства? Всю планету с ее горечью и радостью, жестокостью и лаской? С нашей травой и нашим солнцем?

Валерка опустил глаза.

- Простите, ребята, - сказал он.

Молчаливым и печальным оказался наш обратный путь. Если люди расстаются на время, они дают друг другу наставленья, мечтают о будущей встрече, а о чем было нам говорить? О том, что никогда не забудем друг друга? Это ясно и так.

Валерка и Братик проводили нас очень далеко. Уже кончились длинные дома, и затерялся в тучах лунный свет. И опять начал сеять дождик. Братик зябко передернул плечами, и Валерка торопливо накинул на него свою расшитую куртку.

Наконец мы остановились у зарослей железного шиповника, недалеко от заколоченной дачи. Встали тесным кружком. Было совсем темно.

- Пора нам... - сказал Валерка.

Я молча сжал в темноте его узкую ладонь.

- Не потеряй... ремешок, - тихо и сбивчиво сказал Братик Володьке.

- Не потеряю. А ты веревочку... не потеряй.

- Ни за что, - прошептал Братик. Он прижимался ко мне плечом, и я почувствовал, как плечо задрожало.

Я ни разу не видел, как плачет Братик. И сейчас не видел из-за темноты. Но я понял.

Жалость, тоска и злость смешались и подкатили к горлу. Потому что все было дико и несправедливо!

- Валерка... - сказал я. - Ребята... Подождите. Ну, нельзя же так! Должно же случиться что-то хорошее, раз мы встретились!

Володька и Братик замерли с напряженностью взведенных курков. А Валерка тихо сказал:

- Придумай.

Мне даже насмешка почудилась. Но это не Валерка смеялся, а сама Третья Сказка. В ней был нарушен какой-то закон: в ней ничего не случилось, и она принесла только горечь расставания.

Что я мог придумать? Дважды я выручал друзей из беды, но тогда у меня было оружие и я знал, с кем драться.

А может быть, дело не в этом? Тогда я был мальчишкой, а сейчас взрослый и, наверно, поэтому не могу отстоять наше мальчишечье счастье.

- Валерка! Ты же говорил, что можно. Трудно, а все-таки можно... Лабиринт.

Пусть ничего не случится. Пусть ничего я не придумаю. Но хоть на полчаса я опять стану таким же, как они. Еще раз вместе пробежимся по щекочущей высокой траве. Лишь бы не это прощанье под моросящим дождем.

Валерка выдернул из моей руки ладонь.

- Ты верно говоришь, - сказал он. - Что-то не так. Неправильно...
Ладно, я попробую.

Он отошел, и в трех шагах от нас размытым пятном забелела его рубашка. По резкому шелесту я понял, что он выхватил из ножен палаш.

Через несколько секунд на острие поднятого клинка зажегся зеленый огонек. При этом свете мы хорошо разглядели Валерку. Он стоял, вытянувшись, с направленным вперед палашом. Рука и клинок были одной прямой линией. Голову Валерка опустил и словно прислушивался.

Он был неподвижен сначала. Потом откинул назад левую руку и несколько раз стиснул и разжал пальцы. Будто искал, за что ухватиться. Я понял и подскочил. Валерка не глядя вцепился в левое запястье (боль опять прошла по руке). Пальцы у Валерки леденели. Мало того, я тоже начал весь холодеть. Казалось, тепло уходит из нас, как энергия из электрических батарей. Мне стало даже не по себе.

И вдруг все это кончилось. Погас зеленый огонек. Валерка разжал пальцы, расслабленно опустил палаш и долго не мог попасть клинком в ножны.

- Ну вот, все, - сказал он наконец, и я почувствовал в темноте его улыбку.

Перед нами в сумраке неясно обрисовались скалы, и в них абсолютной чернотой проступала узкая щель.

- Что ж, пойдём, - сказал Валерка. - Не отставайте, а то можно заблудиться. Это же лабиринт...

- Слушай, штурман, а Володька наш не станет совсем младенцем, если я...

Валерка перебил с усмешкой:

- Не станет, если не захочет.

- А ты не опоздаешь на корабль?

- Нет, - со сдержанным торжеством в голосе откликнулся штурман Иту Лариу Дэн. - Теперь время нас подождет.

7

Даже не знаю, с чем это сравнить. Мы шли то по траве, то по камням, но не могли разглядеть их, а только слышали шорох подошв и шелест стеблей. Я чувствовал, что рядом твердые высокие стены, но их тоже не видел, а видел зыбкий темный туман, в котором передвигались, мерцая, россыпи неярких звезд и даже целые спиральные галактики. Одна - косматая и плоская, размером с тарелку - медленно прошла у моего плеча назад. Я отглянулся и при убегающем свете разглядел Володьку и Братика. Они держались за руки. Лица у них были бледные и серьезные.

Валерка шел впереди. Он поглядывал вверх, где на извилистой полосе обычного земного неба светили несколько неизменных звезд. Мы часто сворачивали, и при каждом резком повороте из тумана выплывали разноцветные планеты, похожие на елочные шарики. Они проходили сквозь меня и Валерку, словно мы были из воздуха. Это похоже было на сон, когда ничто не удивляет и не страшно.

Потом снова стало темнее. Стены сделались непрозрачными. Валерка вдруг замедлил шаги, и я опять почувствовал его улыбку. Он спросил:

- Так сколько же тебе лет?

Я тоже улыбнулся и нетерпеливо сказал:

- Ты же знаешь: всегда двенадцать.

- Ну, смотри, - серьезно откликнулся Валерка, и голос его вдруг разнесся по галактикам. - Здесь такое место. Каким хочешь, таким и выйдешь. Хоть ребенком, хоть стариком... Хоть ангелом с крылышками, хоть рыцарем в латах. Задумай...

Не надо мне крыльев. И лат не надо! Пусть я стану снова обычным пацаном с заросшей тополями улицы Чехова, где когда-то жил с мамой и друзьями. Пусть, как в прошлый раз, будут на мне разношенные мягкие кеды тридцать шестого размера (на левом лопнул шнурок, и я заменил его проводком в красной изоляции). И мятые синие шорты с потертыми и побелевшими от стирки швами. И рубашка, которую неумело и заботливо

зашил мне Братик после боя с Канцлером...

Или... не рубашка?

Все детство, лет с пяти и чуть ли не до пятнадцати я мечтал о матроске. Такие форменки – маленькие, но настоящие – носили ребята из кружка судомоделистов в городском Доме пионеров. Но в кружок принимали тех, у кого не было троек...

Я мечтал о матроске отчаянно, до тоски. Больше, чем о велосипеде. По крайней мере, так мне вспоминалось сейчас. Потому что велосипед в конце концов купили, а морская форменка так и осталась несбывшейся сказкой.

Один раз мне чуть не повезло. На рынке-толкучке, где мы с мамой искали шланг для стиральной машины, хмурый тощий дядька продавал мою мечту. Мама посмотрела мне в глаза и пожалела меня. Но денег не хватило. Не хватило столько, что не было смысла и торговаться. Наверно, я заревел бы. Но рядом крутилась веснушчатая девчонка со спокойно-насмешливыми желтыми глазами. Я ее немного знал, она недавно стала жить на нашей улице...

...Зеленоватая планета размером с яблоко неслышно прошла через толщу стен и повисла невдалеке от нас.

У нее было кольцо, как у Сатурна. Планета быстро вертелась внутри кольца и разбрасывала отблески, похожие на светлых бабочек.

– Ух, ты... – тихонько сказал сзади Володька.

Одна светлая бабочка теплым крылом задела мою ладонь. Я поднял к лицу руки – они стали тонкими и легкими. Я увидел синие обшлага с тремя полосками, белые рукава. На правом рукаве у локтя виднелась аккуратная штопка.

Значит, это было? Или не было...

Я же знал, что мы не купили матроску. И, несмотря на это, вспомнил сейчас, что все-таки купили. Да, упросили дядьку подождать и сходили за деньгами. Потом мама несла домой плоский газетный сверток, а я, радостный и благодарный, тащил скрипучую корзину с картошкой (мы зашли за ней в овощные ряды).

Корзина безжалостно оттягивала руки и больно скребла по ногам лопнувшими прутьями. Но это была такая ерунда по сравнению с моим счастьем. И тени от веток весело танцевали на потрескавшемся асфальтовом тротуаре... Только это случилось, кажется, не в нашем городе, а в Северо-Подольске, где мы гостили у дяди. Но не все ли равно?

Я теперь помнил!

Матроска оказалась великовата, и мама до вечера перекраивала ее и перешивала, а я пританцовывал от нетерпения. Наконец я нырнул головой в прохладные полотняные складки, и мне показалось, что матроска пахнет, как паруса на старых фрегатах.

Я перед зеркалом расправил складки под ремешком, глубоко вздохнул, повис у мамы на шее и чуть не уронил ее.

– Пират, – сказала мама. – Не носись долго по улицам, уже поздно.

Вечер висел над городом прозрачно-синий, с желтой полосой за низкими крышами. Кое-где на огородах горели маленькие оранжевые костры. Стояло такое тепло, что воздух казался пушистым. И все кругом было молчаливым, но живым. Облетала черемуха, и густо цвели над заборами яблони. И еще казалось, что в воздухе неслышно лопаются невидимые почки каких-то громадных цветов. Вот-вот эти цветы выступят из полумрака, коснутся теплых заборов, сухих телеграфных столбов, железных крыш, и тогда все оживет и задрожит от непонятной радости.

Едва я отошел от крыльца, как мне в плечо и в грудь с размаху ударились два майских жука. Я вздрогнул, хотя жуков ничуть не боялся. Просто нервы были натянуты. Сердце колотилось от радостного страха и смущения. Так колотилось, что бумажный голубь, спрятанный под матроской, вздрагивал и шевелил крыльями. Еще бы не колотиться! Я ведь не просто так вышел на улицу. Я шел к дому, где жила девчонка с желтыми глазами.

Замирая и оглядываясь, я перелез через забор, и прыгнул в траву. Лето еще не начиналось, а трава уже стояла большая, особенно разрослись лопухи. Они были прохладные и мягкие, как губы доброго большого зверя. Я посидел в лопухах, скользнул к большой яблоне и по корявому стволу забрался в чашу веток. Цветы белые – и матроска белая. Цветы щекотали мне щеки, и я чувствовал, что пушистые тычинки оставляют на коже пыльцу.

В просветах между листьями я видел открытое окно. И девочку. Она сидела у настольной лампы и читала учебник географии за пятый класс, такой же, как у меня. Она рассеянно теребила двумя пальцами нижнюю губу и слегка хмурилась. Так славно она хмурилась...

Я сидел и смотрел, пока она не перелистнула страницу. Тогда я испугался: вдруг закроет книгу и уйдет! Перестал дышать и достал из-под матроски бумажного голубя. Это было мое первое письмо к девочке. Ничего я на нем не писал, только нарисовал на крыльях красные звездочки, как у самолета. Но все равно...

Я сосчитал до пяти, рывком высунулся из веток, прицелился и послал голубка. Он хорошо пошел сначала, а у самого подоконника нырнул к земле. И сердце у меня нырнуло. Но голубок взмыл, влетел в комнату и клюнул матовый белый абажур. И упал на стол.

Она вздрогнула. Взяла его, обернулась к окну. Она смотрела прямо на яблоню. Прямо на меня!

Я шумно упал в траву. Неуклюже, но быстро перевалился через забор и припустил вдоль переулочка. Дышал отчаянно, со всхлипом. Непонятное чувство – какая-то смесь стыда и радости – обжигало лицо. Она меня заметила! В белой матроске на темном заборе, конечно, заметила! И узнала... Ну и пусть! Пусть узнала!..

Лишь у крыльца я увидел, что на рукаве вырван клочок...

– Надо же так набегаться, – сказала мама. – Бурлишь, как самовар...

– Ма... ты не сердись. Я порвал нечаянно...

Мама вздохнула и пошла за нитками.

Было это или не было?

Когда я вернусь, я спрошу у Вари, не залетала ли в ее детство бумажная птичка с красными звездочками на крыльях.

Долго ли шли, не знаю. Не чувствовалось время. Его, может быть, вообще не было в этом лабиринте. Но вот запрыгали у меня по белым рукавам матроски солнечные пятна.

Мы, жмурясь, вышли из расщелины в яркий летний день. Перед нами лежал пологий берег со светлыми пляжами. Кое-где из ровной земли торчали обрывки желтых скал – в одиночку и группами. Впечатление было такое, словно скалистую местность занесло до каменных верхушек песком и он образовал ровные площади. Местами они заросли сплошной высокой травой, но были и прогалины, где сквозь песок торчали только отдельные тонкие стебельки. Трава тоже была желтоватого цвета. Она гнулась под ровным ветром и звенела, как звенит в полях спелый овес.

На желтую сушу ровными синими грядами с белыми гребешками двигался океан. Волны далеко-далеко разбегались по пескам, а уходя, оставляли шипящие языки пены.

Было столько солнца, тепла и спокойного праздника в этом летнем мире, что тревога и горечь растаяли. Мысль о неизбежном расставании не забылась, но отступила и стала пока не главной. А главным был яркий день, который ждал нас. И мало ли что еще могло случиться!

Я увидел веселые Володькины глаза.

– Так вот ты какой на самом деле, – сказал Володька.

Я чувствовал знакомую легкость и струнную упругость в своих ребячьих мускулах. И все ощущения были ребячьими. От чрезмерного недавнего загорания – на плотках в Северо-Подольске – слегка болела на плечах кожа (это была несильная, даже приятная боль, а касание матроски было прохладным и ласковым). Немного ныла коленка с подсохшей ссадиной – ободрал недавно на откосе у Северо-Подольской крепости... А рука совсем не болела!

Володька еще раз оглядел меня от кедров до матросского воротника и заметил:

– Ничего. Сейчас хоть на человека похож.

– Будешь дразниться – получишь, – пообещал я. – Теперь имею право.

Володька отскочил и показал язык. Братик скинул на песок штурманскую куртку и торопливо встал рядом с другом.

– Кто на наших?

Это он шутя сказал, даже ласково. С веселым прищуром и улыбкой. Но я подумал: "Не дай бог кому-нибудь всерьез обидеть Володьку на глазах у

Василька".

Они стояли плечом к плечу, и опять я заметил их удивительное сходство. Не в лицах, а в чем-то неуловимом: в улыбке, может быть, или в движениях... Оба с растрепанными волосами, с одинаково озорными взглядами. У Братика выбилась из штанишек и полоскала по ветру шелковистая рубашонка, у Володьки задралась пестрая майка, открыв поцарапанный загорелый живот.

- А где твоя штормовка?

- Там осталась, - беспечно откликнулся Володька. - Застряла в шиповнике, я ее бросил.

- Растяпа, - по привычке сказал я.

Они, переглянувшись, двинулись ко мне, и я отскочил. Конечно, они потоньше и пониже ростом, но зато двое. Уж если взрослого вытянули из-под обрыва, мальчишку отвалют в песке за милую душу.

А Валерка на нас поглядывал с молчаливой усмешкой. Он был теперь самый старший.

Но и он не был взрослым. Вдруг подхватил с земли куртку, вытянул ею меня по спине и закричал:

- Купаться!

Мы радостно заорали и бросились к морю.

Теплые волны были упругими и добрыми. Мы так наплавались и напрыгались в них, что обессиленно бухнулись ничком, едва выбравшись на берег.

Это было такое счастье: лежать под солнцем, слизывать с кожи соленые капельки и подгрести под себя горячий песок.

За травой, за камнями, в сотне метров от нас, на плоском бугре стоял серый маяк. Он был совсем рядом с выходом из лабиринта, но мы, когда появились здесь, не заметили башню: она стояла у нас за спиной, а мы смотрели на море.

Зато теперь мы разглядывали маяк внимательно. Это была квадратная башня с узкими окнами и чем-то вроде круглой застекленной беседки, похожей на громадный фонарь. Я вспомнил, что стеклянная надстройка у маяков так и называется - "фонарь". Там должны стоять яркие лампы. Но на этом маяке ламп, наверно, не было. В решетчатых стеклах "фонаря" чернело множество пустых клеток, а на верхнем карнизе я различил кустики.

- Он не действует? - спросил я у Валерки.

- Давно уже. Лет сто... Знаешь, куда нас занесло? Это Желтый остров Западного Каменного барьера. Очень опасное место для кораблей. Штурманы обходят его по такой дуге, что тратится лишняя неделя. Вот пока горел маяк, другое дело...

- Почему же сейчас не горит?

Валерка досадливо двинул острыми плечами.

- А кто починит? Я же говорил, мы все начинаем заново. До многого руки не дошли. Здесь давным-давно и не бывал никто. Я это место сам раньше только на карте видел.

- Далеко отсюда до вашей гавани?

Валерка смущенно сказал:

- Миль триста. Промахнулся я немного с лабиринтом... А может быть, это и хорошо.

- На маяк слазим? - спросил Володька.

- Обязательно, - пообещал Валерка.

Но подниматься с песка не хотелось, и мы лениво валялись на солнце.

Наконец Братик подполз к Володьке и зашептал на ухо. Они поднялись, пошли вдоль пляжа по шипучей пене и скоро исчезли за грядой камней - она тянулась с берега в море, как остаток древней крепостной стены.

Я с некоторым беспокойством посмотрел им вслед, однако, вставать было лень. "Ничего не случится", - сказал я себе.

Но через несколько минут что-то случилось. Братик и Володька выскочили из-за камней и пустились к нам. О чем-то кричали.

Мы вскочили.

Они подлетели возбужденные, но без испуга, а с радостью:

- Пошли скорее! Мы лодку нашли!

Скалистая гряда врезалась в море метров на семьдесят, а потом круто поворачивала и шла вдоль берега, постепенно рассыпаясь на отдельные камни, как сплошная линия, которая вдруг рвется на тире и точки. Этот невысокий каменный барьер образовал бухточку. Волны лишь кое-где перехлестывали в нее, и вода была почти спокойной. В самом тихом месте, там, где гряда делает поворот, стояла, приткнувшись к скале, парусная лодка.

Мы добрались до нее по каменистому гребню.

У лодки была высокая узкая корма с затейливой резьбой, широкий корпус, обведенный узорчатым поясом по округлым бортам, крепкая мачта и длинный косой реёк со свернутым на нем парусом.

Братик первым прыгнул в лодку. За ним, конечно, Володька. Лодка закачалась, словно проснулась.

– Как для нас приготовлена! – весело сказал Володька. А Братик ухватился за руль, и тот бесшумно заходил в медных петлях.

Мы с Валеркой тоже прыгнули.

– А ничего, что мы без спросу? – сказал я Валерке. – У нее, наверное, есть хозяин? Кто-то приплыл сюда.

– Приплыл с полвека назад, – отозвался штурман Дэн. – Смотри, какая старая.

И в самом деле, в мелких щелях обшивки и у шпангоутов блестел песок, принесенный ветром. Древесина планшира выветрилась, а к железным втулкам уключин прикипела морская ржавчина.

– Но тогда лодка гнилая, наверно...

– Это дерево не гниет. Вот разве парус...

Парус был треугольный, вроде тех, какие у нас называют латинскими. Он закачался, когда мы его развернули, хлопнул под ветерком.

– Хорошая ткань, – сказал Валерка. – Каменистое волокно. Тоже не гниет.

– Вроде капрона? – спросил Братик и потрогал обмотанную вокруг живота веревочку.

– Вроде... – согласился Валерка.

А Володька нетерпеливо сказал:

– Раз лодка есть, надо плыть. Не зря же она...

Валерка встал к рулю, а мне дал шкот – мягкий трос, идущий от нижнего угла паруса.

– Держи, чтобы не полоскал.

Братик и Володька сбросили с каменного выступа канатную петлю, которая удерживала лодку. Оттолкнули нос.

И мы пошли!

Сначала не очень быстро пошли, но когда гряда кончилась, ветер навалился на парус, растянул складки, и мы понеслись.

– Поворот! – сказал Валерка.

Лодка покатила носом в открытое море, парус перекинуло, а меня нижним углом отрело по уху и чуть не выкинуло за борт.

– Держи! – завопил Валерка. – Я же сказал – поворот!

Я очень хотел выглядеть морским волком и натянул шкот изо всей силы. Братик и Володька бросились мне помогать.

Лодка весело мчалась в распахнутый синий океан, разлинованный шипучими белыми гребнями.

Может быть, если смотреть с берега, скорость была небольшой. Но мы шли круто к ветру, волны бежали навстречу нам, и казалось, что мы взлетаем на них со скоростью глиссера.

Лодка легко взбегала на гребни, но иногда теплые брызги окатывали нас. Мы хохотали и не боялись. Все равно вся одежда осталась на берегу, на нас были только плавки, да веревочка на поясе у Братика.

Лодку стало сильно класть на правый борт. Чтобы открепить ее, Братик и Володька с левой стороны ухватились за планшир, зацепились ногами и сильно откинулись назад. Почти вывалились за борт. Гребни перехлестывали через них, и они радостно орали.

Мне стало завидно, и я, не выпуская шкота, перебрался к Володьке и

Братику. Тоже откинулся за борт.

- Перевернете лодку, черти, - сказал Валерка.

Но мы не слушали Светлого штурмана, хотя он и обещал выкинуть нас из лодки. Тогда штурман вскользь заметил, что в этих водах на таком удалении от берега уже плавают всякие кальмары и другие морские гады - скользкие и кусачие. Володька торопливо перебрался к мачте и сообщил, что ему надоело окунаться. Деловито спросил:

- А куда плывем?

- Все равно. Давайте вон на тот островок, - сказал наш командир.

Впереди, в полукилометре от нас, подымались каменные зубцы.

Минут через пять мы подошли к скалам. С подветренной стороны, где как раз не было сильной волны, виднелся неширокий проход.

Парус заполоскал. Хватаясь за камни, мы завели лодку в крошечную круглую бухту. Скалы вокруг были такими высокими, что бухточка напоминала грот.

- Наверно, это жерло старого вулкана, - сказал Володька шепотом, но этот шепот на шелестящих крыльях разнесся по каменным уступам.

- Скорее, это остатки морского храма, - сказал Валерка. - Смотрите.

Вверху на желтоватой плоскости скалы было выбито громадное лицо с длинным подбородком и продольным разрезом глаз.

- Суровый портрет, - заметил я. - Какой-нибудь бог моря?

Валерка кивнул:

- Кажется, это Хранитель морских глубин...

- Не Хранитель глубин, а Хака Баркарис - Раскаленный Клык и Звезда Океана. Адмирал пиратской флотилии, - серьезно сказал Братик.

- Откуда ты знаешь? - удивился Валерка.

Братик хитровато глянул на него.

- Читал. Думаешь, ты один изучал науки?

- Зазнайка, - сказал Валерка, но без насмешки, а скорее с удовольствием. И растрепал Васильку волосы на загривке.

Братик притворно надул губы.

- У, какой... - буркнул он, легонько двинул Валерку локтем, но тут же потерялся ухом о его плечо. Потом застеснялся незаметной этой ласки и весело предложил:

- Окунем штурмана? Он один сухой.

Мы дружно поддержали эту мысль. А Светлый штурман Иту Лариу Дэн убежал на нос и оттуда сказал, что пиратский адмирал Хака Баркарис был бы в восторге от такого бандитского экипажа, как мы.

Преследовать штурмана мы не стали. В этой похожей на храм бухте не хотелось дурачиться.

В узкие проходы среди камней вливалась вода, когда накатывал гребень. Плеск и журчанье наполняли бухту. Но всякий другой звук все равно вызывал гулкое эхо.

Свет падал сверху золотистыми столбами. Столбы эти уходили в толщу воды и постепенно растворялись в зеленом сумраке. Дна не было видно. Только смутные тени водорослей колыхались в глубине.

Володька и Братик легли животами на планшир и стали смотреть в воду.

- Если здесь бывали пираты, значит, на дне могут лежать сокровища, - заявил Володька

Братик тут же его поддержал.

- А глубина-то, - сказал Валерка. - Разве донырнешь?

- Давайте смерим, - предложил Володька.

Они с Братиком отыскиали на дне лодки уключину, покрытую окалиной морской ржавчины, и привязали к концу веревочки.

- Здесь ровно двадцать метров, - сообщил Володька. - Достанет или нет?

Они стали опускать свой самодельный лот. Но достал ли он до дна, было непонятно. Веревочка, разматавшись почти до конца, ослабла, потом снова натянулась - и так несколько раз. Братик переглянулся с Володькой и потянул ее назад.

- Мамошка! - не скрывая ужаса, вдруг завопил Володька. Торопливо стуча локтями и коленками по шпангоутам, он уполз на корму.

На конце веревочки не было уключины. Вместо нее, прицепившись

клешней, висел громадный краб.

- Да не бойся, - со смехом сказал Братик.

- Ага, не бойся! Чудовище такое.

Краб в самом деле выглядел страшновато. Его туловище было размером с чайное блюдце, а клешни - каждая с Володькину ладошку. Панцирь оброс ноздреватыми ракушками, среди которых запутались обрывки водорослей. От этого краб казался замшелым каким-то, старым и сердитым.

Но Братик бесстрашно, словно котенка, посадил его на колени. Ласково поскреб твердую крабью спину.

- Совсем не чудовище. Он добрый.

Краб далеко выставил на стебельках глаза-шарики и повернул их к Братику. Мне показалось, что с любопытством.

- Хороший... - снова сказал ему Братик и отколупнул несколько ракушек. Из-под них блеснула чистая эмаль панциря - голубоватая, с мраморными прожилками.

Крабы, конечно, не умеют улыбаться, но мне, честное слово, показалось, что этот смотрит на Братика с улыбкой.

Братик ему тоже улыбнулся. Потом сказал, не поднимая головы:

- Володька, иди сюда.

- Я что, псих?

Братик опять засмеялся:

- Иди, иди.

Володька вздохнул и, как был на четвереньках, двинулся навстречу страху.

Краб ждал, приподняв клешни.

- Смотри, он все понимает, - сказал Братик. И сунул мизинец в крабью клешню. Володька охнул и зажмурился. Краб чуть-чуть сдвинул палец Братика и тут же отпустил. Это было похоже на ласковое рукопожатие.

Володька приоткрыл один глаз.

- Теперь ты, - сказал Братик. - Не бойся.

Володька жалобно оглянулся на меня.

- Давай, давай, - сказал я.

И Володька совершил подвиг: дал крабу свой мизинец.

Потом, когда ничего страшного не случилось, он шумно подышал, сел, привалившись к борту, и локтем вытер капли со лба.

- Молодец, - прошептал Братик. То ли Володьке, то ли крабу.

- Это очень умные звери, - объяснил мне Валерка. - Некоторые ученые пишут, что у больших крабов есть свой язык.

- Крабы все понимают, как люди, - сказал Братик. - Давайте мы его попросим что-нибудь найти.

- Давайте! - совсем по-ребячьи обрадовался штурман Валерка.

- А как это - попросим? - слабым голосом поинтересовался Володька.

- А вот сейчас...

Братик взял моток веревочки, наклонился над крабом и, немного смущаясь, проговорил полупшепотом:

Житель моря, добрый краб,

Ты наш друг, а не раб.

Будь так добр, достань со дна

То, что спрятала волна.

После этого он сунул крабу в клешню веревочку и отпустил его за борт. Мы увидели, как наш морской гость погружается в зеленую глубину. Белый шнурок потянулся за ним.

Скоро краб исчез в тени среди водорослей.

- Подождем, - сказал Братик и намотал веревочку на палец.

- А долго ждать? - спросил я.

- Не-а...

Прошло минуты две, и Братик стал выбирать шнур. Мы с Валеркой легли животами на планшир, но Братик сказал:

- Пожалуйста, не надо. А то он подумает, что мы жадные.

Мы были не жадные, но любопытные. И с нетерпением ждали, когда краб снова окажется в лодке. Даже Володька ждал.

Братик ухватил краба за твердую спину и посадил на планшир. Наш

восьминогий друг встал на четыре задние лапы, а остальные конечности поднял, словно приветствуя нас. Глаза его весело блестели. В левой клешне у краба зажат был приплюснутый серый шарик размером с небольшое яблоко. Братик подставил руку, и краб уронил свой подарок ему в ладонь.

Потом он сам опрокинулся в воду. Но прежде чем покинуть нас, этот странный морской житель (я сам видел, честное слово) прощально помахал клешней.

- Ну вот, даже спасибо не сказали зверю, - заметил Валерка.

- Я сказал, только тихонько, - возразил Братик.

- А что он принес? - заинтересовался Володька. Он сразу приободрился, когда краб исчез.

На ладошке у Василька лежал панцирь морского ежа. Он был старый, иголки с него осыпались, и остались только мелкие бугорки. Панцирь был похож на круглую коробочку с отверстием в доньшке.

Братик потряс коробочкой, и в ней что-то застучало, как в погремушке. Потом бок у панциря проломился, и на дно лодки упала светлая горошина.

Валерка схватил ее. Я увидел, что он даже слегка побледнел.

- Не может быть... - пробормотал он.

- Жемчужина? - спросил я, наклоняясь рядом.

- Жемчужины бывают в плоских раковинах, - недоверчиво проговорил Володька. - А эта в какой-то черепушке.

- Это не простой жемчуг, - тихо сказал Валерка. - Он не растет в раковинах. Это вечный жемчуг.

Я заметил, как вздрогнул и широко открыл глаза Братик.

Жемчужина лежала на ладони у Валерки. Светлая полупрозрачная бусина с затаенной голубой искрой внутри.

- А почему она вечная? - спросил я. - Не тускнеет?

- Это капли звездного дождя, они падают с неба, - объяснил Братик. - И застывают в море.

- Как метеориты? - спросил Володька.

- Почти, - задумчиво откликнулся Валерка и покачал жемчужину на ладони. - Только метеориты из камня или железа, а это... в общем, это звездное вещество... Между прочим, один такой шарик может сделать человека императором или перессорить целые государства...

- Ничего себе добыча... - опасливо заметил Володька.

А я сказал:

- Давай выкинем к аллаху...

Валерка улыбнулся:

- Зачем выкидывать? Мы с Васильком его вам подарим - тебе и Володьке. Вы же не собираетесь в императоры... Будете вспоминать нас.

Последние слова кольнули меня мыслью о близкой разлуке. Но я прогнал эту мысль: до конца Третьей Сказки еще далеко, и нечего грустить раньше времени.

Валерка взял мою ладонь и переложил в нее жемчужину. Веса она как добрая свинцовая пуля, а размером была с крупную ягоду смородины.

Я понимал, что отказываться нельзя.

- Спасибо, Валерка. Спасибо, Василек.

Братик сказал:

- Она в темноте светится. Как будто маленькая луна...

- А почему все-таки этот жемчуг вечный? - снова спросил я.

Валерка сказал с непонятной строгостью:

- Он горит вечно. Если зажечь, начинает сиять, как солнце, и уже никогда не гаснет. В Старом Городе на Западных островах одна жемчужная крупинка, в десять раз меньше этой, освещает целую площадь уже много веков. И ничто не страшно такому огню. Даже под водой не гаснет.

- Без воздуха горит?

- Звезды тоже горят без воздуха, - сказал Валерка.

Володька тронул пальцем жемчужину.

- Значит, она - маленькая звезда?... Какой хороший этот краб. Не буду я больше бояться крабов.

Мы засмеялись. Я положил тяжелую горошину в кармашек на плавках. Братик стал сматывать веревочку. А пиратский адмирал Хака Баркарис непонятно смотрел на нас со скалы.

С попутным ветром мы долетели до берега в несколько минут. Валерка ловко ввел в бухту лодку, мы ее привязали, и по камням выбрались на пляж.

Близился вечер, и в воздухе прибавилось желтизны. Тише стал ветер, и звонче шелестела трава. Мы уже не шумели и не дурачились. Утомились немного.

Начинался отлив. Океан отступал, открывая мокрое песчаное дно с темными плетями водорослей и круглыми блестящими лужами.

Братик и Володька немного побегали по этим лужам, брызгая друг друга, но без особой охоты. Потом Володька наткнулся на выпуклую блестящую спину зарывшейся в песок черепахи. Он захотел показать Братiku, что не боится морской живности, и стал откапывать черепаху. Она была неподвижная, и какая-то слишком уж круглая. А потом оказалось, что это глиняный горшок, покрытый странным клетчатым орнаментом.

- Это знаете что? - оживленно сказал Валерка. - Это посудина древних мореплавателей, которые здесь жили тысячу лет назад.

- Может, в ней клад? - заинтересовался Володька.

Но в древней посудине ничего не было. Кроме мокрого песка.

- В них варили раньше похлебку из синих водорослей, - сказал Володька.

- Хочу похлебку из синих водорослей, - с шутливой жалобностью сообщил Братик. - Есть хочется.

- Бр, - сказал Володька.

- И ничего не "бр". Она вкусная. Только этих водорослей здесь нет.

- Давайте наловим и сварим крабов, - предложил Валерка и украдкой покосился на Братика.

- Еще чего! - вскинулся тот.

Мы засмеялись.

Маленькие серые крабы, словно услышав о коварных Валеркиных замыслах, разбегались по песку и прятались под камнями. На многих камнях темнела щетина плоских ракушек - вроде черноморских мидий.

- Сварим моллюсков, - сказал Валерка. - Вполне съедобно.

- А где огонь? - спросил Володька.

Я сразу вспомнил. Побежал, разыскал на берегу свою одежду, вытряхнул карманы. Выпали два синих билета - с ними я и мой приятель Алька Головкин лет пятнадцать назад ходили в кинотеатр "Темп" на фильм "Смелые люди". Потом скользнуло мне в ладонь увеличительное стеклышко - Алькин подарок.

Солнце стояло невысоко, но грело еще хорошо. Я навел огненную точку от стекла на билеты, и скоро на них запрыгал бесцветный огонек.

Мы набрали сухой травы и веток, сварили ракушки в старинном горшке, в морской воде, которая булькала совсем по-домашнему - как суп на газовой плите. Некоторые раковины открылись сами, другие Валерка вскрывал острием своего палаша. Мясо было солоноватым и пахло морем. Ну и прекрасно! Володька сказал, что всю жизнь будет помнить этот обед.

Всю жизнь... Будет помнить! И мы снова подумали все об одном: скоро наступит время, когда останется только одно - помнить друг друга.

Мы легли рядом на сухой песок, прижались плечами и стали молчать. Справа от меня был Валерка, слева мой Володька.

Валерка сказал наконец:

- Что-то все равно не так. Будто не сделали самого главного.

- Мы на маяке не были, - напомнил Володька.

- Разве это самое главное? - с мягким упреком сказал Братик.

- А кто знает, - упрямо произнес Володька.

Я посмотрел на него, потом на Валерку. Видно, у меня и у Валерки мелькнула одна мысль.

- Надо зажечь маяк, - торопливо сказал я. - Не зря же мы попали на этот остров.

Братик и Володька разом приподнялись, уткнув острые локти в песок.

Валерка подумал и покачал головой.

- Я тоже хотел... Нет, невозможно. Там должны гореть масляные лампы.

А где масло? Кто будет следить? Их надо заряжать, они не могут гореть вечно.

Володька слева от меня резко шевельнулся, и я почувствовал его требовательный взгляд. Я сказал:

- А жемчуг? Он горит вечно.

Валерка быстро вскинул и опустил глаза.

- Это же подарок. Он же ваш - Володькин и твой.

- Он и будет гореть! И ваш тоже, - заговорил я как можно убедительнее. - Только он будет гореть! Как... - У меня в голове заскакали всякие мысли про негасимый огонь дружбы и тому подобное. Но здесь не нужны были красивые слова. И я заговорил сбивчиво: - Ну, как будто мы вместе... Зажгли для всех...

- И ты вернешься раньше, Дэни, - вдруг тихо сказал Братик. - Не надо будет огибать Барьер.

Верно, Василек! Тут штурману Дэну совсем нечего возразить.

Я вынул из кармашка тяжелый шарик с голубой искоркой внутри. Валерка взял его на ладонь.

- А как зажечь? От простого огня он не загорится. Он вспыхивает лишь от очень сильного пламени. От молнии или от горящего железа...

- Эх ты, штурман! - воскликнул я. - Ты забыл? На всех маяках есть громадные линзы! Мы соберем солнечные лучи!.. Бежим, пока солнце не ушло!

Запыхавшись, мы выбрались на каменную площадку у подножья маяка. Дверь была сорвана. Угрюмо чернел сводчатый вход. Нас не испугала эта угрюмость, мы торопились не упустить солнце: оно было близко от горизонта и стало желтоватым. И все-таки мы задержались у башни.

Недалеко от фундамента, среди обкатанных камней лежал огромный якорь. Изъеденный солью, весь красный от морской ржавчины. Его веретено плотно прижималось к плоской базальтовой площадке, один рог с треугольной лапой торчал вверх, а второй целиком ушел в камень. Слово давным-давно камень расплавился, охватил якорную лапу жидкой массой и застыл снова.

Валерка погладил ржавое туловище якоря.

- Знаете, сколько времени он лежит? Здесь было когда-то морское дно, а потом вода отступила. Наверно, он оторвался от корабля больше тысячи лет назад. Так и остался... Смотрите, он намертво врос в планету.

Мы с Братиком тоже погладили покрытую ржавчиной спину якоря-великана. А Володька хотел пошевелить большое кольцо, куда ввязывают канат, но оно приросло к проушине.

- Солнце уходит, - сказал я.

Тени от якоря, от камней, от невысоких скал, где был выход из лабиринта, стали длинными и протянулись по склону.

Мы вошли в башню.

Башня была квадратная снаружи и круглая внутри. Будто в четырехугольном столбе просверлили широкий ствол. Там, где снаружи приходились углы, каменная кладка получилась особенно толстой. В ней давние строители выбили полукруглые углубления. Ломаной линией от ниши к нише уходила вверх железная тонкая лестница.

Когда мы стали подниматься, она гулко задрожала, и с перил посыпалась ржавая чешуя.

Идти было страшновато. Круглая пустота гуделаверху и внизу. Но в узкие окна проникало солнце и рассекало эту пустоту лучами; лучи стали уже розовыми, и надо было спешить.

Я шел последним и смотрел, чтобы Володька и Братик по своей беспечности не загремели со ступеней. Поэтому лишь мельком поглядывал по сторонам. Но все же заметил в нишах мотки полустгнивших канатов, круглые фонари и какие-то черные сундуки, от которых тянулись вверх странные кожаные веревки.

После полутьмы круглого колодца застекленный фонарный ярус почти ослепил нас. Отсюда, с высоты, солнце еще не казалось слишком низким - это первое, что я заметил.

А второе... Второе - то, что линз не было.

Вернее, они были, но совсем не годились для нашей цели. Это оказались не выпуклые стекла, как мы ожидали. Маячные линзы состояли из множества

хрустальных колец – одно внутри другого. Издалека они, наверно, были похожи на ребристые стекла автомобильных фар. К тому же эти кольца наглухо были вделаны в неподвижные металлические рамы – ни повернуть, ни снять.

Мы с недоумением и досадой переглянулись. Братик сказал Валерке без упрека, но очень огорченно:

– Разве ты не знал?

Валерка хмуро ответил:

– Я же не маячный мастер. Я на маяки до сих пор только с воды смотрел...

Мне стало до жути обидно. Неужели все зря?

Володька вдруг предложил:

– А если оставить здесь жемчуг и провести к нему громоотвод? Будет гроза, ударит молния...

– Здесь не бывает гроз, – печально сказал Валерка.

Братик зачем-то полез на площадку среди линз, где раньше находилась лампа. Сейчас там торчали два железный рычага. Радужные пятна от хрустальных колец заскользили по рубашке Братика, потом яркий солнечный зайчик прыгнул ему на глаза. Братик сощурился, поднял к лицу ладонь и локтем зацепил гибкий рычаг.

Раздался треск, и среди железа проскочила синяя искра.

10

В седьмом классе меня один раз крепко трахнуло разрядом от электрической машины (знаете, такой прозрачный круг с ручкой, щеткой и блестящими шариками). С той поры я нервно отношусь к электричеству.

Я судорожно ухватил Братика за рубашку и рывком выволок его из-за линз. Он удивленно моргал. Володька тоже моргал. А Валерка заметно испугался за братишку.

– Это что же, – сказал я ему. – У вас есть электричество?

Он досадливо покосился на рычаги и хмуро ответил:

– Было... Много у нас было, да забылось. Теперь снова ищем.

Он опять посмотрел на контакты, на Братика и спросил:

– А это... опасно было?

– Смотря какое напряжение, – сказал я и вспомнил кожаные шнуры и черные сундуки в нишах. Это, наверно, кабели и аккумуляторы, с давних пор сохранившие энергию.

На косых железных рычагах были острые клювы, а чуть пониже – деревянные накладки. Видимо, для рук. Я на дрожащих ногах пробрался за линзы и, взявшись за дерево, опять сдвинул контакты. И снова с треском проскочила синяя ломаная искра. Длиной в два сантиметра.

– Это же молния! – воскликнул Володька. – Она зажжет!

Вот как все просто решилось. Мы обрадовались и стали думать, как укрепить жемчужный шарик между клювами контактов.

От пола поднимался медный винт с круглой площадкой – вроде табуретки для пианистов. Видимо, на этой штуке раньше крепился патрон для лампы. Я до отказа поднял площадку. Однако высоты винта не хватило.

Володька и Братик переглянулись. Володька торопливо сказал:

– Надо камень подложить, и чтобы в нем была ямка. Внизу есть такие.

Не успел я ответить, как под Володькиными ногами загудела лестница.

– Осторожнее ты, летучая обезьяна! – заорал я вслед.

В маячном колодце еще не успокоилось эхо, а Володька уже вылетел из башни на солнечный свет. Мы увидели его с балкончика, который опоясывал "фонарь" маяка.

Недалеко от якоря Володька нашел круглый камень и с натугой поднял его.

– Спускайте веревочку! – крикнул он.

Братик торопливо размотал капроновый шнурок.

– Не хватит, – с сомнением оказал я.

– Хватит, – сказал Братик тоном, очень похожим на Володькин.

И правда, веревочки хватило. В самый раз. Володька крест-накрест обвязал камень и крикнул, чтобы мы тащили.

- Тащим! А ты поднимайся!

- Я подожду! Вдруг еще камень понадобится!

Больше камни не понадобились. Бульжник с ямкой наверху словно специально для нас кто-то приготовил. Когда я положил в ямку жемчужину, клювы рычагов уткнулись прямо в нее.

Я нетерпеливо сдвинул их поближе.

Синяя змейка молнии проскочила раз, другой, опоясав белую горошину. Потом искры заплясали непрерывно. Жемчужина отбросила голубые зайчики, но не зажглась.

- Слабое напряжение, - сказал я.

- Значит, ничего не выйдет? - огорченно спросил Валерка.

- Не знаю. Вот если бы получилась вольтова дуга... Она даже металл плавит.

- А как сделать?

- Если бы графит был... Хотя бы карандашик!

- Может, у Володи есть? - сказал Братик.

Мы вспомнили, что Володька все еще ждет внизу и бросились на балкон. Володька стоял, задрав голову.

- У тебя есть простой карандашик? - крикнул я.

- Зачем?

- Для контактов!

- Это очень надо?

- До зарезу!

- У меня есть, только он в штормовке остался!

От досады я чуть не плюнул.

- Если надо, я сбегая! - крикнул Володька.

"Сбегая"! Будто за газетой в соседний киоск.

- Не валяй дурака! - громко сказал я и обернулся за поддержкой к Валерке. Но штурман Дэн непонятно молчал. А Братик сказал умоляюще:

- Пусть сходит. Это же очень важно...

И сбросил вниз моток веревочки.

- Пошли тогда все вместе, - сказал я.

Валерка хмуро объяснил:

- Вчетвером - это в четыре раза дольше. А время лабиринта на исходе.

Я не понял насчет лабиринта. Понял только, что должен идти кто-то один. Значит, Володька, потому что другие не отыщут в темных кустах штормовку.

- Но он же заблудится!

- Не так уж это сложно, - сказал Валерка и крикнул Володьке:

- Когда пойдешь вперед, держи за лунным зайчиком. А обратно...

- А обратно я по веревочке! Как Том Сойер в пещере! - откликнулся Володька.

Я увидел, как он привязал конец веревочки к якорному кольцу.

- Не хватит же! - крикнул я.

- Ой уж!.. - ответил снизу Володька и, разматывая шнурок, исчез среди скал.

Я приготовился ждать и тревожиться. Видимо, Третьей Сказке необходимы и такие минуты... Я стал смотреть, как опускается к морю солнце.

Ждать и тревожиться почти не пришлось. Володька вернулся стремительно. Я не видел, как он появился из-за скал, а сразу услышал гулкий топот на лестнице.

Володька шумно дышал. На нем была штормовка с темными звездочками дождя. От нее пахло сырыми листьями.

В первый миг я от радости чуть не облапил Володьку. Но сдержался и спросил, чтобы скрыть слишком явный восторг:

- Ну, все в порядке?

- Угу... - сказал Володька. - Васек, возьми карандашик.

Братик взял карандашный отгрызок и зубами расколол его на продольные половинки. Вынул грифель.

Я вытянул из кеда проводок, служивший шнурком. Валерка палахом соскоблил с проводка изоляцию. Очищенной проволокой мы примотали к железным клювам графитовые стерженьки.

- Готово? - прошептал Валерка.

- Да. Только отойдите. Надо осторожно.

Я знал, что жемчуг вспыхнет. Он не мог не вспыхнуть. Сама Сказка привела к этому: и старый маяк, и подарок доброго краба, и мысль, что должны мы оставить память о дружбе...

И не зря же Володька шел в одиночку по звездному лабиринту!

Я медленно, почти торжественно сдвинул рычаги, ожидая разряда. Вспыхнул белый огонь! И в этот миг что-то черное хлестко ударило меня по лицу. Я отлетел и грохнулся спиной о железную раму маячной линзы.

Из-под купола крыши с темных перепутанных балок на нас падали с шелестящим шумом громадные летучие мыши!

Или это были не мыши! Странные и страшные существа - безголовые или, может быть, наоборот, состоящие из одной головы. Они походили на мягкие мешки из мокрой кожи - размером с боксерскую грушу. И на каждом мешке было лицо! Отвратительное, но человеческое! С осмысленной ненавистью в тусклых желтых глазах. А из щек росли перепончатые крылья!

Откуда они взялись, эти чудовища? Наверно, ждали своего часа, притаившись на балках, а мы не заметили их. Мы же не смотрели вверх, когда пришли сюда, не до того было.

Злобная стая атаковала нас, и было жутко от хлопанья крыльев и мельканья страшных темных лиц. Что-то знакомое уловил я в этих лицах: то ли жестокость маски Хака Баркариса, то ли злое отчаянье Канцлера, с которым я дрался в поединке...

Братик и Володька вскрикнули, покатались к стеклянной стенке "фонаря". Потом вскочили. Володька сорвал с себя пластинчатый пояс и стал яростно отмахиваться от летучих гадов, придерживая левой рукой штаны. Братик сдернул рубашку и отбивался ею. Мне под руку попался стальной прут, и я с гневной радостью и отвращением почувствовал, как от моих ударов хрустят и ломаются перепончатые крылья.

Но выручил нас, конечно, Валерка. Его тонкий палаш начал рассекать воздух, и несколько "летающих мешков" с отвратительным шмяканьем ударились о каменный пол. Остальные взмыли на балки.

Бой продолжался с полминуты, не больше. Однако мы все дышали тяжело и прерывисто. Очень неожиданным было нападение, и слишком отвратительным показался враг.

Три разрубленных "мешка" на полу вздрагивали мокрой кожей и шевелили крыльями. Я не мог смотреть на их перекошенные умирающие лица.

- Ну и твари, - сказал я, передергивая плечами.

- Крылатые нежити, - сквозь зубы ответил Валерка. - В старину считали, что это души убитых злодеев. Я думал, они давно вымерли. Откуда они...

Отчаянный крик Василька перебил его:

- Жемчуг!!

По слегка наклонному полу прямо к двери катился светлый шарик. Видимо, налетевшие враги сбили его крыльями.

Почему мы не бросились за жемчужиной? Почему оцепенело смотрели, как она убегает от нас? Бывает так: видишь, как что-то падает, а подхватить не можешь, замираешь...

Лишь когда жемчужина исчезла в дверном проеме, и мы услышали несколько звякающих ударов по ступенькам, оцепенение прошло. Мы бросились на лестницу...

Искали мы долго и отчаянно. На ступеньках, в нишах, на полу первого этажа. Прощупали каждую щель. Когда солнце ушло за горизонт и лучи его, пробивавшиеся в башню, погасли, мы раздули на берегу остатки костра и сделали из веток факелы. Но и огонь не помог.

По правде говоря, мы с Валеркой понимали с самого начала, что не найдем жемчужину. Такой крошечный шарик в громадном каменном колодце с закоулками и щелями... Но Володька и Братик, странно переглядываясь, упрямо обшаривали щели между каменными плитами. Наконец все ветки сторели.

Мы вышли на воздух.

Над морем горел желтый закат. Мы стояли у якоря и смотрели на это ясное свечение. У Василька и Володьки лица стали смугло-золотистыми и совсем одинаковыми. Одинаково строгими и хмурыми.

- Ну, ничего, - заговорил Валерка. - Не плакать же теперь. Ладно,

ребята, все равно что-то было...

"Что-то было, - подумал я. - Но, наверно, ничего уже не будет. Грустная Сказка идет к концу".

И, словно отвечая мне, Валерка сказал:

- Нам пора.

- Искупаемся напоследок, - попросил я и увидел благодарные глаза Володьки и Братика.

- Но у нас мало времени. Скоро лабиринт исчезнет, - откликнулся Валерка.

- Откуда ты знаешь? - как-то капризно спросил Володька.

- Чувствую. Я же сам его строил.

- Мы только окунемся, - жалобно попросил Братик.

- Давайте, - коротко сказал Валерка.

Он бросил у якоря куртку, Володька швырнул на нее штормовку, и мы побежали к морю.

У самой воды я отглянулся. Закат отражался в стеклах маячного фонаря, и они горели, словно маяк все-таки зажегся.

11

Волны были теперь янтарными и стали еще теплее и ласковее. Они будто смыли с меня горечь неудачи. По крайней мере, когда я выбрался на песок, то прежней досады не чувствовал.

Но наступали минуты, о которых я боялся думать.

Я машинально натягивал матроску и думал о странной природе человеческих привязанностей. Ну, кто мне эти двое ребят? Ведь не братья. И даже давними друзьями не назовешь. Что же так связало меня с ними? То, что они из другого мира? Чувь какая! Да если бы они оказались мальчишками с соседней улицы, я был бы самым счастливым на свете! Может быть, дело в том, что мы рисковали друг для друга? Но это бывало со мной и раньше. В кавказском походе мы с приятелем выволокли из ледяного потока двух парней. Ну и что? Теперь только под Новый год открытками обмениваемся. А Валерка и Братик... Почему же сердце останавливается, как подумаю, что сейчас разойдемся?

Если вспомнить, мы и знакомы-то в общей сложности не больше трех дней. А Володька с Васильком - те лишь сегодня увиделись. И вот прикипели друг к другу.

Я посмотрел на них. Братик помогал Володьке застегнуть хитрую пряжку блестящего пояса, и они о чем-то шептались. Быстро и деловито. Они словно не собирались прощаться. Они вели себя как два одноклассника, - которые договариваются завтра пойти в кино.

Может быть, не почувствовали еще до конца, что сейчас расстанутся навсегда? Или не подавали вида?

Они же крепкие ребята...

Валерка тоже смотрел на Василька и Володьку. Я вдруг вспомнил, что сегодня впервые узнал его на стоящее имя.

- Дэни... - тихо сказал я.

Валерка обернулся. У него были ласковые глаза, и он хотел сказать что-то хорошее.

И вдруг он вздрогнул. Поднял голову, будто услышал далекий сигнал.

- Время убегает.

Мы начали торопливо зашнуровывать кеды.

- Скорее, - нетерпеливо попросил Валерка.

Мы бросили шнуровать и торопливо зашагали к маяку.

- Еще скорее надо, - уже с открытой тревогой сказал Валерка.

Володька и Братик переглянулись.

- Тогда побежим! - предложил Володька, и мы рванули вверх по склону.

Но Володька вдруг ойкнул и ткнулся в траву.

Я подскочил.

- За камень зацепился, - сказал Володька, глядя на свой локоть. -

Вот...

Кожа была содрана, по руке текли темные струйки,

Я скинул матроску, зубами рванул нижний шов, с треском отодрал от

подола узкую ленту, смутно вспоминая, что однажды так уже было. Начал заматывать Володькину ссадину. Валерка стоял рядом. Я чувствовал, что все жилки звенят у него от страшного нетерпеливого беспокойства. Но что я мог сделать, если у Володьки кровь?

Я затащил узел.

– Бежим!

Володька вскочил и снова сел.

– Нога, – хмуро сказал он. – Кажется, подвернулась.

Я подхватил его на руки. Бежать мы теперь не могли, но я торопился изо всех сил.

Был уже виден вход в лабиринт. Скорее! Скорее же!..

У входа словно размыло края. Скалы как бы растеклись, и щель заплывала, исчезла. Упругий толчок воздуха остановил нас. Качнулась земля, контуры камней и маяка стали размытыми, пространство сдвинулось, и... вместо скал и якоря я увидел каменную насыпь, поросшую редкими кустами, а башня исчезла.

– Что это? – растерянно спросил я.

– Эхо времени. Волна, – как-то устало сказал Валерка и сел на валун, поставив палаш между колен. У него был вид человека, который опоздал на последний пароход и знает, что сейчас торопиться бесполезно.

Я опустил Володьку, и он довольно прочно встал на больную ногу.

А Василек... Он глянул на Володьку, потом подошел к брату, сел на корточки, положил подбородок на Валеркино колено.

– Ну, ты чего, Дэни, – сказал он ласково и немного виновато. – Ты не горюй, у нас же есть лодка. Корабль без тебя не уйдет. При хорошем ветре мы доберемся до Гавани за трое суток. А там переход...

В первый момент я обрадовался: значит, ничего страшного не случилось! Но тут же чуть не взвыл от отчаянья:

– В Гавани же нет лабиринта! Значит, я в таком виде явлюсь домой?

Братик тихонько засмеялся:

– Да нет, это обратный переход. Там все просто.

Я облегченно вздохнул. А Володька заметил:

– Я бы на твоём месте только радовался, если бы таким вернулся. По крайней мере сам на себя похож.

– Ага, – сказал я. – И Августа Кузьминична тоже бы радовалась. Подумать только: зав. литературной частью в матроске и шортиках...

– А чем плохо? У вас же детский театр. По-моему, директорша была бы довольна.

– А Варя? – спросил я. – Она тоже была бы довольна?

Володька подумал и не без ехидства заметил, что с Варей, конечно, сложнее.

Мы уже шутили. А что? Выход был найден, расставанье отодвинулось на несколько дней, и эти дни обещали новые приключения. Конечно, будет очень трудно в открытом море на маленькой лодке, но зато мы вместе!

– Дэни, ну ты чего молчишь? – опять обратился к брату Василек. – Мы напечем ракушек для провизии. Для пресной воды есть горшок. Если понемножку пить, то хватит. Да мы с тобой можем и морскую...

– Я тоже могу... – вставил Володька.

Штурман Дэн шевельнулся и отложил палаш.

– Вы разве не понимаете? – спросил он угрюмо. – Откуда здесь лодка? Вы не знаете, что такое эхо времени?

Мы с Володькой не знали. Братик, видимо, тоже. И ответом Валерке было наше испуганное молчание.

– Нас волна от лабиринта закинула неизвестно куда, – сказал Валерка. – На тысячи лет назад или вперед. Смотрите, нет ни якоря, ни маяка. Даже скалы другие...

Володька торопливо шагнул ко мне и прижался забинтованным локтем к моему голому боку...

Потом сошлись мы все четверо в молчаливый кружок и сели на камни среди травы. Отчаянье часто бывает молчаливым.

Закат светил долго, но вдруг как-то сразу догорел, и наступила темно-синяя ночь. Без луны. Зато высыпали звезды, видимо-невидимо. И очень яркие, и не очень. Одни казались совсем близкими, а другие горели

в непостижимой дали. Через все небо протянулся изумительно светлый Млечный Путь. Сгустки звездной пыли словно клубились в космической глубине. Но это был чужой Млечный Путь и незнакомые созвездия.

Боже мой, как мне захотелось под хмурое ночное небо, на улицу дачного поселка, где шелестит в листьях дождик, пахнет сырой травой, а за деревьями, вдали, глухо вскрикивают электрички... Но не было туда пути. А если и был, мы его не знали. Валерка сказал, что нельзя построить второй лабиринт.

При свете звезд мы различали друг друга. Никто не шевелился. Братик положил голову на колени Валерке и, казалось, задремал. Володька сидел, обняв себя на плечи, и смотрел в землю.

Вдруг он ударил кулаками по коленям и с тоской сказал:

- Ну, дурак я, дурак. Все из-за меня.

- Ты же не виноват, что споткнулся, - сказал я.

- Да виноват же! - со слезами в голосе крикнул Володька. - Я нарочно упал! Я время тянул.

Не поднимая головы, Братик прошептал:

- Мы оба виноваты. Мы хотели, чтобы на лодке. Чтобы еще вместе...

- Я догадался, - сказал Валерка.

- Теперь вы нас никогда не простите, - бесцветным от отчаянья голосом произнес Володька.

- Простим, - сказал Валерка.

Мы еще помолчали, потом Братик поднял голову и спросил:

- Что же теперь делать?

- Думать о ночлеге, - спокойно и очень по-взрослому ответил штурман Дэн. - Ночью будет свежо. Соберите побольше сухой травы и веток, мы устроим гнездо.

Братик и Володька вскочили.

- Далеко не отходите, - предупредил я.

Володька спросил:

- Можно, я возьму саблю? Ветки рубить.

Валерка вынул из ножен и отдал ему палаш.

- Только осторожнее, - сказал я.

Они отошли за камни, но мы слышали их приглушенные голоса и удары клинка по твердым сучьям.

Валерка спросил сбивчиво и нерешительно

- Послушай... вот если бы я... ну, если бы со мной что-то случилось... совсем... Вы бы взяли к себе Василька?

- Что за чушь тебе в голову лезет! - сердито сказал я.

- Все-таки скажи. Ну, если бы...

- О чем ты говоришь! - возмутился я. - Неужели бы оставили?... Только... Он сам захотел бы? Наша Земля ему чужая.

Валерка покачал головой:

- Не чужая, раз вы там. Кроме вас, у него никого нет.

- А ты?

Валерка сел ко мне вплотную и полголоса произнес:

- Я не правду говорил. Лабиринт построить можно... Только никто не строил его трижды.

- А зачем трижды? У тебя он будет второй...

При рассеянном звездном свете я заметил Валеркину улыбку, невеселую и короткую.

- Это вроде поговорки, - объяснил он. - Трижды никто не строил, потому что второй лабиринт отнимает жизнь у строителя.

- Почему, Валерка?

- Ну, это трудно объяснить. Ты видел огонек на клинке? В нем сторают все силы... Да мне даже не страшно, только обидно...

Я вспомнил, как леденела Валеркина рука.

- А если взяться всем?

- Не поможет. Первый все равно умрет... Это же лабиринт.

- Ну и к чертям его тогда!

- А как быть?

- Не знаю. Что-нибудь придумаем.

Он поднялся, встал у меня за спиной, положил мне на плечи ладони.

- Сережа, что мы придумаем? Нас закинуло неизвестно в какие времена.

Только лабиринт еще может спасти вас.

Он так и сказал – "вас".

Я сбросил с плеч его руки.

– Дудки, Светлый штурман! Этот номер не пройдет!

– Да перестань, – досадливо сказал он. – Ты же знаешь, что иногда это необходимо. Ты же сам хотел разрубить веревку.

Оказывается, он знал!

– Ну, хотел... Я надеялся, что, может быть, спасусь. Да и выхода не было.

– А сейчас есть выход?

Я промолчал.

– Подумай о тех, кто остался там, у вас.

Это был нечестный прием. Я подумал за себя и за Володьку и... Конечно, я не собирался соглашаться с Валеркой, но в моей твердости появилась трещинка.

– Братик умрет без тебя, – сказал я.

– Не умрет, если будет с вами.

Сзади раздался громкий шелест. Мы оглянулись. Это незаметно подошел Володька и бросил охапку травы.

– Беседуете... – непонятно сказал Володька.

– Где Василек? – с тревогой спросил Валерка.

– Сейчас придет... А сабля у тебя острая. Ж-жик – и нет куста.

– Хороший клинок, – со скрытым беспокойством откликнулся Валерка. – Он где? Не потеряли?

– Вот он. – Володька поднял с земли палаш. – А без него ты мог бы построить лабиринт?

– Без него не мог бы. Давай сюда...

– Сейчас... – Володька сделал шаг назад. – Тут где то была щель в камне... Ага!

Клинок звякнул о валун. Володька замер на миг, потом рванулся назад и навзничь упал в траву. Раздался короткий звук лопнувшей стали.

Мы подскочили к Володьке, а с другой стороны, роняя ветки, подлетел испуганный Братик.

Володька лежал на спине, прижимая к груди обломок палаша.

– Ты с ума сошел! – заорал Валерка.

Володька неторопливо встал и отбросил обломок.

– Это ты сошел с ума, – сердито сказал он. – Я же слышал... Ишь чего задумал!

Валерка сразу притих и опустил руки

– Ну и дурак, – сказал он совсем по-мальчишечьи. – Ну и будем сидеть здесь всю жизнь.

– Не будем сидеть, – негромко, но твердо возразил мой Володька. – Мы пойдем. Что-то все равно должно случиться. А чтобы случилось, надо идти.

Мы шли.

Сначала под ногами были мелкие камни, а у колен качались пушистые метелки на тонких стеблях. Потом вышли мы на твердую плоскость. Свет Млечного Пути стал ярче, и видно было на сотню шагов. Я разглядел шестиугольные каменные плиты, ими оказалась покрыта широкая полоса земли. Она прямой лентой уходила к звездному горизонту.

– Смотри, Дэни, дорога, – сказал Братик и взял Валерку за руку. Другую руку он протянул Володьке, а Володька крепко сцепил свои пальцы с моими. Мы тесной шеренгой зашагали по гранитным плитам. В непонятном тихом мире, в неизвестном времени, не зная куда...

Справа мерцал океан, слева и впереди терялась в ночи каменистая равнина. Отдаленно шумели волны. Ветра не было. От нагретого за день гранита поднимался теплый воздух. Идти было легко, прямой ровный путь слегка убавкивал, успокаивал.

– Хорошая дорога, – сказал я. – Здорово строили ваши древние мастера.

– Это не древние, – отозвался Валерка. – Это, наверно, наоборот... Я смотрю на звезды, они сдвинулись так, как должны стоять в далеком

будущем...

Володька мой слегка сбил шаг.

Я спросил:

- Но если сейчас... другое время, то почему все по-прежнему? Пустой остров.

- Он же далекий. Зброшенный...

- Но на планете, наверно, все не так. Ты не хочешь... в это будущее?

- Не хочу, - тихо ответил Валерка. - Я для него ничего не сделал еще...

- Дэни, - вдруг сказал Володька хмуро и незнакомо. - Если вернетесь, вы там постарайтесь, чтобы не было у вас такого будущего.

- Какого? - тихо, но с тревогой спросил вместо Валерки Братик.

- Вот такого... - Володька мотнул головой. - Зачем вам будущее с военными самолетами? Это же взлетная полоса...

Мы шли молча, уже иначе глядя на гранитные шестиугольники. Из щелей росли кустики и трава.

- Все уже заброшено, - сказал я.

Володька все так же хмуро ответил:

- А пока не забросили, сколько было крови...

"Туп-туп, туп-туп", - мягко стучали наши шаги, и казалось, что вся планета пуста. Может быть, в самом деле пуста?

Неужели все оказалось напрасным? Зря погибли барабанщики, зря дрался я с Канцлером?

- Но почему военные? - нерешительно спросил Валерка. - Может быть, просто самолеты? Обыкновенные самолеты...

Володька глотнул и сказал:

- У меня папа был военный летчик... Он меня брал один раз на аэродром, семь лет назад. Я маленький был, но помню: кругом степь и ничего нет, только бетонная полоса, почти такая же...

А я-то думал, что все знаю про Володьку. Они с матерью про отца никогда не говорили, и я считал, что Володька всю жизнь рос без него.

- Ты никогда не рассказывал... Он в самолете погиб?

- В машине, - тихо сказал Володька. - Они с братом ехали вдоль полосы, а на взлете взорвался истребитель. Ну и осколком в бензобак... Машина тоже взорвалась, их обоих и убило сразу.

- Брат тоже был летчик? - спросил я.

- С моим братом, с Васькой. Мы же были близнецы... Меня тогда в наказание за что-то дома оставили, а он с папой поехал...

"Туп-туп, туп-туп", - глухо ударяли наши кеды по взлетной полосе. И беспощадно ярким светом горели звезды. Между ними то и дело вспыхивали серебряные стрелки метеоритов.

- Так вы постарайтесь... - опять сказал Володька.

- Если вернемся, - сказал штурман Дэн.

- Для этого надо вернуться, Дэни, - сказал Братик,

- Надо. А как? Между прочим, не я сломал клинок...

- Надо всем вернуться, - тихо и упрямо отозвался Володька. - Ты же не знаешь... Может быть, все сделалось не так оттого, что ты не ушел в плавание. Надо вернуться и пойти.

- Ну, придумай, как... - со сдержанной досадой откликнулся штурман Дэн.

- Я думаю, - с непонятной усмешкой сказал мой Володька.

Мы прошли уже несколько километров, а полоса не кончалась: видимо, для здешних самолетов был нужен очень длинный разбег. Что нас ждет, когда оборвется эта дорога? Самолеты в конце полосы взмывают в небо. А что будет с нами?

Я надеялся на какое-то чудо: вдруг неведомые силы пространства и времени унесут нас на дождливую улицу дачного поселка! Это было бы самое хорошее. Но за этим хорошим пришло бы и самое горькое: прощанье с Валеркой и Братиком.

- Валерка... - позвал я.

- Что?

А я просто так окликнул. Чтобы голос его услышать.

- Неужели ты знаешь, как должны стоять звезды через тысячи лет? - спросил я.

- Конечно, - немного удивленно сказал Валерка. - Любой штурман знает... Вон смотрите, впереди двенадцать звезд, прямо перед нами. Это созвездие Краба. Раньше оно было сплюснуто, будто краб присел, а сейчас он поднялся.

В самом деле, контур созвездия напоминал громадного краба. Володька тоже это увидел:

- Смотрите, он поднял клешни!

Братик с улыбкой сказал:

- Не бойся, этот краб не кусается.

- А я и того не боялся. Только сначала... А как вы думаете, тот краб обиделся на меня?

- Ну, что ты! - сказал Братик.

- Хорошо, что не обиделся! - обрадовался Володька.

Он оторвался от нас и стал уходить вперед. Скоро он обогнал нас шагов на десять. Как белая бабочка, мелькала на его локте повязка.

- Ты почему ушел? - окликнул я.

- Не мешайте, я стихи сочиняю, - знакомым полушутливым тоном отозвался Володька.

- Самое время, - заметил Валерка.

Братик негромко рассмеялся.

А я не поверил Володьке. Догнал его.

- Володька... Ты почему никогда не говорил про отца и брата?

Он помолчал и скованно сказал:

- Ты не обижайся.

- Да что ты, я не обижаюсь. Но... почему?

- Я боялся.

- Чего?

- Ну... ты мог подумать, что я с тобой подружился, потому что мне отца не хватает. Мама так один раз сказала. А я не потому... Мне просто хорошо было, что ты такой...

- И мне тоже... - вдруг сказал сзади Братик

У меня даже в горле заскребло.

Володька быстро глянул на меня сбоку и прошептал:

- В прошлом году, помнишь, ты мне сказал одну вещь? Что если чего-нибудь сильно захотеть, обязательно добьешься... Мы тогда еще купаться шли, помнишь?

Я кивнул, я помнил.

- Ну вот... А я чепуху ответил. Про то, что муху в мыльный пузырь не загонишь... Я глупый был, не сердись...

- Да я и тогда не сердился! Почему ты это вспомнил?

Володька со вздохом сказал непонятно:

- Потому что полоса кончилась.

Полоса неожиданно оборвалась, и ничего нового не было впереди. Все те же кусты, камни да трава. Но на последней плите, на самом ее краю - то ли как награда за наш долгий путь, то ли как насмешка - светился голубым огоньком шарик вечного жемчуга.

Столько всего случилось перед этим, что мы сейчас даже не удивились. Мы сели на корточки, и я взял шарик в ладонь. Он был теплый, почти горячий, словно совсем недавно упал с неба.

- Это наша? Или это другая жемчужина? - спросил Братик.

- Неважно, - задумчиво сказал Володька. - Раз она есть, мы должны сделать, что хотели.

- У нас нет огня, - возразил Валерка.

- Столько звезд, и нет огня? - усмехнулся Володька.

- При чем здесь звезды? - спросил я.

- Потому что жемчужина - тоже звезда... Только нужен лук и стрела. Звезды надо зажигать на высоте.

Братик молча побежал к темным кустам. Он все понимал быстрее нас. Мы услышали треск и шелест. Через минуту Братик вернулся, принес тонкий длинный сук и прямую, как тростинка, ветку.

- То, что надо, - заметил Володька.

Мы с Валеркой не расспрашивали и не мешали. Володька твердо знал, что делает. Может быть, сейчас была у власти его собственная Сказка.

Он зубами расщепил ветку-стрелу, вложил в развилку жемчужину. Зубами

же сделал на другом конце зарубку. Деловито сплюнул и сказал:

- Тетива нужна.

- А веревочка? - вспомнил я. - Она где?

Володька ответил не сразу, будто удивился моим словам. Потом досадливо хмыкнул:

- Веревочка... Там же, где штормовка и куртка. И якорь, и маяк. Где они?... Веревочку вспомнили. За нее никто не заругает, а за штормовку от мамы влетит.

"От мамы влетит"! Как будто до мамы всего полчаса на электричке.

Все еще ворча, Володька размотал на локте бинт, скрутил жгутом. Они с Братиком согнули сук и привязали жгут к его концам. Володька наложил на тетиву стрелу с жемчугом.

- Ну, загадай, чтобы выдержала, - шепотом сказал он Братiku. Тот кивнул.

- Выдержит, - успокоил я. - Вон какой жгут.

Братик и Володька неожиданно фыркнули. Володька заметил с сожалением:

- Это у него от взрослых времен. Взрослые чудовищно бестолковы.

Я, честное слово, чуть его не треснул! Ну, что это такое? Дома насмешничает - это пускай, но тут... Или совсем не понимает, где мы и что с нами?

Но Володька уже стал серьезным.

- Только не смейтесь, - попросил он.

Как будто нам было до смеха!

Володька медленно поднял и плавно растянул свой лук.

- Что, Васек? Стреляем?

- Давай! - звонко сказал Братик.

Хлопнула тетива. Мы взглянули вверх, но, конечно, не увидели стрелу. А Володька в это время проговорил торопливо, но отчетливо:

Житель моря, старый краб,
У тебя есть звездный брат.
Попроси его помочь
Разорвать чужую ночь!

Он поспешно передохнул, словно собираясь говорить дальше, и в эту секунду по глазам ударила вспышка.

Золотой шар загорелся над нами, озарив землю ярким, почти солнечным светом. Я зажмурился и услышал, как рядом смеются Братик и Володька. Смеются, будто не грозят нам больше никакие беды.

Я открыл глаза и увидел, что шар уменьшается. Но он не угасал, он уходил в высоту. Быстро улетал к звездам и скоро сам стал как яркая звезда. А еще через несколько мгновений затерялся среди звездных россыпей, которые стали бледнеть на странно посветлевшем небе.

Володька тихо сказал:

- Улетела наша звездочка, не разглядеть.

- В свои приборы я бы разглядел, - откликнулся Валерка.

- Ну, значит, разглядишь, - неожиданно весело пообещал Володька.

И только тогда я сообразил, что нет ни острова, ни взлетной полосы. Мы стояли среди камней над обрывом, недалеко от места, где я сорвался. Небо светлым было от луны. Она по-прежнему освещала белые домики Гавани, а у набережной я различил Валеркин корабль.

Братик сказал Валерке:

- Видишь, Дэни, мы дома. А ты не верил.

- И сейчас почти не верю, - ответил Валерка. И не обрадованно даже ответил, а скорее утомленно. - Как это случилось, не пойму.

- Просто сказали вовремя нужные слова, - то ли шутя, то ли серьезно объяснил мой Володька.

- Ну, может быть, - рассеянно проговорил Валерка. Это он Володьке сказал, а смотрел на меня. Внимательно и неотрывно.

- Ты что, Валерка?
- Подожди, не двигайся, - попросил он.
- Почему?
- Ну, пожалуйста... Я хочу запомнить тебя таким. Вот оно что. Уходит Сказка.

- Значит, конец? - спросил я одними губами.
- Да, - беззвучно сказал он. И спросил погромче: - Хочешь взять что-нибудь на память?

- А можно? Не исчезнет при переходе?

Он чуть-чуть улыбнулся:

- Если будешь держать в руках. Держи крепче - пронесешь.

Я торопливо скинул через голову матроску и свернул в тугой узелок.

Валерка кивнул. Посмотрел на луну, на море. Виновато сказал:

- Теперь надо идти.

И он шагнул к тропинке.

- Дэни, - окликнул я. - Постой... Мы все сделали, как надо? Не будем ни о чем жалеть?

Валерка обернулся.

- Все, - сказал он. - Все, что могли за один день. Звезда горит над островом, она лучше маяка. Штурманы не будут больше огигать Каменный барьер... А остальное... Что ж, будем делать каждый у себя. Ты же знаешь, дел хватит на всю жизнь.

- Тогда идем, - сказал я и шагнул за Валеркой.

Несколько секунд я чувствовал, как мне гладит голые плечи ласковый ветер Валеркиной планеты. А потом ощутил на себе плащ, сапоги и всю прежнюю амуницию. И осталась у меня от детства только свернутая в узелок матроска. Я вздохнул и сунул ее в просторный карман плаща.

Мы подошли к началу улицы, где стояли глухие длинные дома. Остановились.

- Все, - сказал Валерка.

Значит, в самом деле уже все? Насовсем?

Василек растерянно как-то посмотрел на старшего брата, на меня. Подошел ко мне и неловко прижался к моему рукаву. Потом быстро взял за обе руки Володьку и отвел в сторону.

Я взглянул на Валерку.

- Что ж, прощай, - тихо сказал Валерка. Прикусил нижнюю губу, посмотрел мне в лицо. Тоска была у него в глазах.

- Прощай, - с трудом сказал я.

Он шагнул вплотную и лбом прислонился к моему плечу. Я неловко обнял его.

Прощай, Валерка. Теперь в самом деле прощай. Видимо, законы Сказки нерушимы. Три раза встречаются люди, и третья встреча - последняя. Остается сжать зубы, чтобы не заплакать, и разойтись.

Я глянул поверх Валеркиного плеча и увидел Братика и Володьку. Они держали друг друга за локти и молчали. Потом разом опустили руки и стали медленно отступать друг от друга. Валерка словно почувствовал это. Оторвался от меня и тоже стал отходить. Спиной вперед. И как-то само собой получилось, что Братик оказался рядом с ним, а Володька рядом со мной.

И мы расходились, расходились, не отрывая глаз друг от друга...

Потом, как при первом расставании в Северо-Подольске, почувствовал я, что Валерку и Братика отделила от меня прозрачная, но глухая стена.

Я смотрел на уходящих друзей не отрываясь. За ними сияло лунное пространство. Валерка теперь казался черным тонким силуэтом. А Братик вдруг попал в поток лучей и словно вспыхнул серебристым светом: в его растрепанных волосах, в каждой шелковинке его рубашки, на незаметных волосках рук и ног загорелись голубоватые искры. Словно кто-то кинул в него горстями светящуюся пыль...

Чтобы так и запомнилось все, я закрыл на секунду глаза. А когда открыл, Валерки и Братика не было. Круглая луна катилась за дождевые облака, и голубой мир Валеркиной планеты угасал. Я отвернулся.

- Пойдем, - прошептал Володька.

Он дал мне теплую свою ладошку, и мы пошли не оглядываясь. Сначала по

улицам. Потом мимо плетня с железным шиповником, мимо темных дач и мокрых берез. К станции.

Дождь перестал, но воздух был зябкий. Я накинул на Володьку край плаща.

На платформе все так же одиноко горел фонарь. Я посмотрел на Володьку. У него было непонятное лицо: хмурое, но не очень печальное. Он словно тревожился о чем-то и чего-то ждал. А может быть, просто крепился, чтобы не показать печаль. Он глянул на меня снизу вверх, и брови у него разошлись.

– Ну, ты чего? Ты держись, ладно?

Я заставил себя улыбнуться и кивнул.

...Потом был вагон электрички с его яркими лампами и лаково-черной ночью за окном. Тоска не отпускала меня. И под железное грохотанье колес я думал, что все это несправедливо. Нельзя, чтобы люди так намертво расставались. Если это было по правде, если есть она, Валеркина планета, то должен же быть способ не терять друг друга! А если это сказка, на кой черт она нужна, такая жестокая!

И тут я понял, что вру сам себе. Эта сказка была нужна. Разве лучше, если бы я не встретил Валерку и Братика совсем? Нет! Несмотря на всю горечь и тоску, я счастлив. Потому что Валерка и Братик есть. Все равно есть!

Тоска пройдет, сказал я себе, а память останется. Может быть, с грустью, но уже без боли мы будем вспоминать все, что случилось. С печалью и с радостью одновременно. Я и Володька...

Володька приткнулся у меня под боком. Вдоль вагона дуло. Володька свернулся на сиденье калачиком, натянул на ноги полу моего плаща и тихо дышал. Мне показалось, что он дремлет, и я хотел укрыть его получше. Но когда я посмотрел на него, увидел тревожно распахнутые глаза.

...Домой мы добрались на случайном такси. Была глубокая ночь.

– У меня переночуешь? – спросил я.

Володька покачал головой:

– Дома.

Я понял его. Ему нужно было остаться одному со своей печалью и тревогой. Чтобы успокоилась душа. Может быть, ему захочется плакать, а это лучше делать, когда один...

Но меня по-прежнему беспокоило его лицо. В глазах у Володьки была не только грусть, а еще какое-то странное ожидание.

– Володька... Ты боишься чего-то?

– Ну что ты... – сказал он серьезно. Сжал мой локоть и ушел к себе.

Я постоял перед закрывшейся дверью. Потом подумал: мало ли какие глаза могут быть у человека, который проник в неведомый мир, нашел и потерял друга...

ЭПИЛОГ

До утра мне снился Океан: его ровный накат на плоские пески Желтого острова. Сначала были синие волны под ярким солнцем, затем они стали янтарно-прозрачными под ясным закатом, а дальше – темными, с россыпью бликов от яркой луны. У раскиданных по берегу камней волны разбивались и разбрасывали брызги.

Вдруг эти брызги стали стекленеть на лету и со звоном ударяться в распахнутые створки моего окна.

Я открыл глаза и успел заметить, как вверх ускользнула сверкающая стеклянная пробка. А может быть, мне показалось...

Было ясное утро. Голубело небо, ярко желтел под солнцем угол соседнего дома. Качал листьями куст рябины, и на его верхушке краснели кисти ягод (внизу их уже оборвали).

Сразу стало понятно, что последние дни августа решили подарить нам тепло: за окном была не осень, как вчера, а яркое позднее лето. Утро в окне было, как солнечный пейзаж в раме.

И вдруг сверху, из-за оконного карниза, медленно опустилась и закачались на фоне этого пейзажа четыре ноги.

Это были абсолютно одинаковые ноги. По крайней мере, попарно

одинаковые. В одинаково потрепанных кедах, зашнурованных одним и тем же лентяйским способом – лишь до половины. С одинаковым загаром и царапинами...

Будь одна пара ног, я сразу бы понял, что спускается Володька. Я даже помигал: мне двоится ли в глазах? Нет. Но в чем же дело?

Володька всегда ревниво охранял свое право на "парашют" (не потому, что жадный, а потому, что "парашют" приземлялся прямо под наше с Варей окно). Пользоваться не позволял никому, а катал иногда только Женьку.

Значит, Женька неожиданно вернулась?

Но она, хотя и бегала порой в мальчишечьих кедах, шнуровала их аккуратно, и размер у нее был поменьше.

Тогда...

Вот еще в чем одинаковость! – На всех четырех кедах серебристо блестели редкие рыбки чешуйки.

Вздрыгнул я и хотел вскочить, но тут же понял: сон это. И печально улыбнувшись такому сну, стал смотреть спокойнее.

Мой взгляд, направленный в окно, скользил над чем-то белым и синим.

Я на миг опустил глаза и увидел на спинке стула маленькую матроску. Я же сам вчера вынул ее из кармана плаща!

Сердце ухнуло куда-то, и я рванулся к окну.

Четыре ноги плавно опустились, в окне появилась шина от самосвала. В ней, как в раме круглого портрета, сидели, прижавшись плечами, Володька и Братик.

Володька улыбался широко и жизнерадостно, а Братик робко, как гость, явившийся без приглашения.

В этот миг я словно бы разделился на двух человек. Внутри меня ожил двенадцатилетний Сережка, который завопил от восторга и потянулся навстречу друзьям. А взрослый Сергей Витальевич (который был снаружи) повел себя по-идиотски. Видимо, от полного ошеломления он сказал голосом строгого завуча:

– Как это понимать?

Василек нерешительно посмотрел на Володьку и прошептал:

– Я же говорил: попадет.

Володька пренебрежительно двинул плечом. Это короткое шевеление заменило длинную фразу: "Не видишь разве, что он просто так, для порядка, потому что считает себя очень большим и серьезным?"

А мне Володька деловито объяснил:

– Понимаешь, мы решили: пускай Васек поживет у нас, пока штурман плавает...

Мальчишка внутри у меня заплясал, но я опять подумал: "Сон это..." И спросил подозрительно:

– А Валерка знает? Он согласен?

Братик тихо сказал:

– Он ведь уже уплыл...

А Володька добавил:

– Мы ему не говорили, потому что не знали: получится ли у нас... Мы пошлем ему говорящую раковину.

Кажется, вид у меня оставался недоуменным и озабоченным, и Володька продолжил разговор:

– А чего? С мамой я договорюсь. Учебники будут одни на двоих. Школьные формы у меня две – новая и старая. Я возьму старые штаны и новую куртку, а Васек – наоборот. Или я наоборот...

– Вы умные люди... или наоборот? – растерянно сказал я. – Кто запишет в школу человека без документов?

Володька глянул на меня как на занудного спорщика.

– У тебя же в гороно все начальство знакомое.

Он был прав. И маленький Сережка, танцевавший внутри меня, хотел уже пройти колесом. Но вдруг и его и меня словно обдало холодом! Потому что не могло быть того, что сейчас было! Ведь вчера мы распрощались навсегда!

– Слушайте, а это... планеты? Они же расходятся!

Наверно, у меня было очень испуганное лицо. Василек опять улыбнулся виновато, а Володька снисходительно сообщил:

– Да никуда они не разойдутся. Я же не отвязал веревочку.

- Что? - по инерции спросил я и посмотрел вверх. Шина висела на толстом размочаленном канате.

Володька вздохнул и объяснил:

- Так уж получилось. Я когда вышел из лабиринта на нашей стороне, привязал ее. Ну, чтобы на обратном пути не сматывать. Мотать-то долго, а по натянутой я обратно, как трамвай по проводу, - ж-ж-ж...

- А к чему привязал? - глупо спросил я.

Он сказал с невинной улыбкой милого мальчика:

- К шиповнику...

Все стало ясно.

Якорь, намертво вросший в планету, и железный шиповник с корнями до центра Земли. И между ними - белый шнурок с хитрыми Володькиными узелками. Двухметровая веревочка - бесконечная, как Вселенная, и вечная, как пламя нашего жемчуга. Она прошла завихрения загадочных миров, тонкая, слабенькая на вид. Как насмешка над всеми законами пространства и времени... Выдержит? Не поддастся чудовищной силе разбегающихся звезд?

"Выдержит, - понял я. - Ведь у нас теперь есть общая звезда. Мы сами зажгли ее над пустынным островом. И поэтому веревочка связала наши планеты".

Веревочка. Ни порвать, ни развязать. Что может быть проще и прочнее?

Мой маленький Сережка с радостным воем встал на голову. А дурак Сергей Витальевич поморгал и все же произнес нерешительно:

- Заговорщики... Вам не кажется, что это космическое хулиганство?

- Ой уж... - сказал Братик негромко, но с явно Володькиной интонацией.

А Володька насмешливо спросил:

- Что космическое хулиганство? Веревочка? Скажи кому - засмеются.

Тогда засмеялся я. Засмеялся, отбросив сомнения и страхи и поверив наконец, что это не сон. Засмеялся, до конца отдавшись радости. Я протянул к ним руки:

- Лезьте сюда, обормоты.

Они радостно качнули шину, забросили на подоконник исцарапанные шиповником ноги, а я ухватил их за рубашки...

В это время со двора донесся оглушительный вой. Какая-то смесь аварийной сирены и коллективного рева в детских яслях. Мы подскочили, как от взрыва.

Под нашим окном, у стены, гневно распушив хвосты и вздыбив шерсть на выгнутых спинах, мерили друг друга негодующими взглядами два апельсиновых кота. Митька и Рыжик. Они устрашающе орали, готовясь сцепиться в смертельном поединке.

...Впрочем, к середине дня коты подружились и вдвоем отлупили соседского самонадеянного дога по имени Помпей.

1977 г.